

Космос

8

АВГУСТ

1968

НА НЕВЕ

Фото Р. Мазелева

Костёр
8
АВГУСТ
1968

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Самое большое знамя

очерк Г. ГЕОРГЕ 2

Страна Поэзия

стихи КОНСТАНТИНА СИМОНОВА 7

Дела семейные

повесть Е. МИНА 9

Дружба

интернациональный клуб «Костра» 22

Самое страшное

рассказ Б. РАЕВСКОГО 24

Стихотворения

Р. СЕФА 31

Л. Пантелеев и Алексей Иванович

воспоминания ЛЕОНИДА РАХМАНОВА 32

Кругосветное киношествование

документальная повесть Е. РЕЙНА 36

Дупло старого дуба

письма читателей 40

Летающие кочевники

фантастическая повесть 42

Шлюз

стихотворение В. ТОРОПЫГИНА 49

Ленинград, станция „Озерная“

фотоочерк О. ЯСЬКОВОЙ 50

Морская газета 52

Мы и наши крылья

рассказывает профессор Я. С. ЩЕРБАК 54

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 57

Уголёк

журнал для малышей 59

Школа „Спринт“ 62

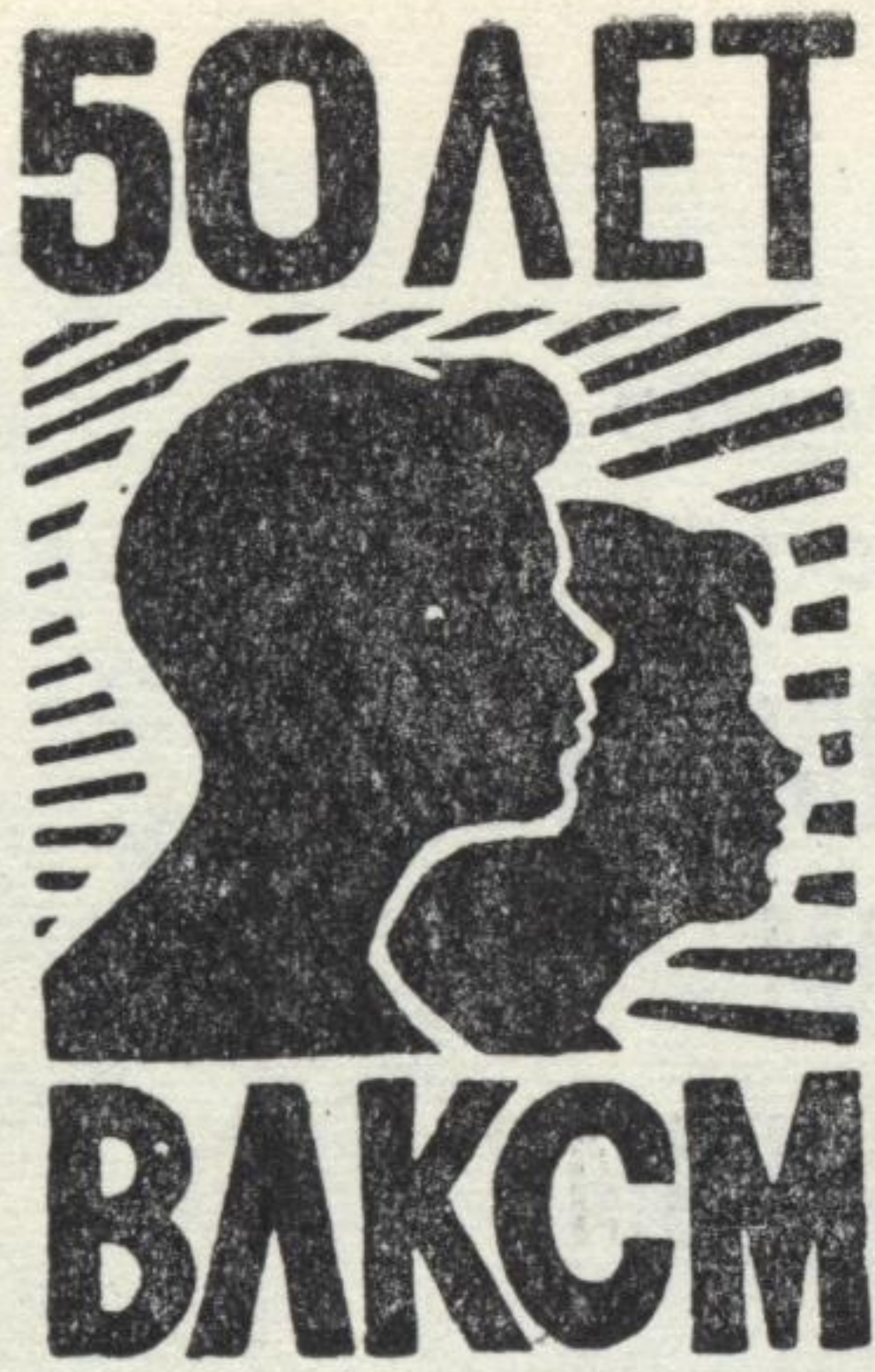
Шахматы и шашки 64

Когда вы получите
этот номер „Костра“,
**ВО ВСЕРОССИЙСКОМ
ПИОНЕРСКОМ
ЛАГЕРЕ ЦК ВЛКСМ
„ОРЛЕНОК“
НАЧНЕТСЯ
ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ
СЛЕТ
ЮНЫХ БЕГУНОВ
ШКОЛЫ „СПРИНТ“**
при редакции журнала
„Костер“

**ДЕЛЕГАТАМ СЛЕТА — НОВЫХ РЕКОРДОВ!
УЧЕНИКАМ ШКОЛЫ —
РАВНЕНИЕ НА ЧЕМПИОНОВ!**

САМОЕ БОЛЬШОЕ ЗНАМЯ

Летом 1936 года Володя Потапенко приехал к бабушке на Полтавщину. В хате у бабушки дачники. Белый кот Пунька, черная собака Топка, девочка Талка, почти ровесница Володи, ее мать Вера Ивановна и самый главный среди всех них — Матэ Залка. Матэ Залка, венгерский писатель, который сражался против белых в Сибири, на Урале, на Украине, в Крыму, который не раз бежал из плена, храбрый, веселый, добрый Матэ Залка носит огромный соломенный брыль, ест бабушкины вареники. Его все здесь знают — и зовут на русский лад, Матвеем Михайловичем.

Иван Антонович Потапенко, отец Володи:

«Крепко подружились мы тогда с Матвеем Михайловичем, хороший он был человек, сердечный».

Вера Ивановна Залка:

«...после захода солнца садились на лавочку возле хаты, и тут собирался клуб. Приходили хозяин, соседи. Матэ беседовал с ними, рассказывал, о чем пишут в газетах, о международном положении. Когда бывало колхозное собрание, Матэ непременно приглашали. Он принимал в делах колхоза самое деятельное участие. Несколько раз ездил в Харьков, доставал части для тракторов...»

Иван Антонович:

«Володя от него, бывало, ни на шаг — и на прогулку, и на рыбалку вместе они ходили. Матэ Залка так и называл моего сынишку — «солнцеголовый адъютант».

Вера Ивановна:

«Этот мальчик так привязался к Матэ, что прямо-таки не мог без него жить. Он сопровождал его всюду. Мог часами сидеть и ждать, когда Матэ кончит работать и пойдет купаться. Какая бы ни была жара, Володя терпел. «Без Матвея Михайловича купаться неинтересно», — говорил он».

Иван Антонович:

«...После летнего отдыха Володя возвратился в Жихорь. Но не мог он забыть своего пребывания в Беликах, купания с Залкой в Ворскле, рассказов писателя о подвигах сибирских партизан и разгроме барона Врангеля.

Написал Володя тогда письмо Матвею Михайловичу. И вскоре получил ответ. Он и сейчас хранится у нас: три листка, напечатанные на машинке, и внизу приписка от руки».

Залка писал Володе:

«Револьвер мой лежит в кобуре, все о нем забыли. Но на днях я как-то посмотрел на него и вспомнил тебя, мой солнцеголовый адъютант...»

Ты хороший мальчик, сердечный и отзывчивый. Надо это умножить знанием, жаждой и волей к учебе. Советскому мальчику надо знать науки, любить и армию, и Отчизну, быть смелым, физически ловким и храбрым. Таким ты можешь и должен быть непременно».

Володя Потапенко
Довоенный любительский снимок

Еще до того, как было написано это письмо, в тихую хатку на Ворскле пришло страшное известие с Пиренейского полуострова.

Генерал Лукач

Фото Р. Кармена

Вера Ивановна:

«Утром, как всегда, Матэ развернул газету, побледнел и вдруг изменился в лице. На первой странице крупными буквами было напечатано: «Вооруженная агрессия против Испанской республики».

Матэ стал плохо спать, ворочался, вздыхал. Нервничал, пока не приносили газеты. Часто, не дождавшись, сам бежал на почту».

В каждом газетном номере появлялись в те дни такие сообщения:

◆
 МЫ ПРИЗЫВАЕМ РАБОЧИЙ КЛАСС И ТРУДЯЩИЕСЯ МАС-
 СЫ ВСЕГО МИРА К ОРГАНИЗАЦИИ АКТИВНОЙ ПОДДЕРЖКИ
 И ПОМОЩИ ИСПАНСКОМУ НАРОДУ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ.

Папа мне дал на детские книги 10 рублей. Отдаю их вам.

*Рудя Познанский, 7 лет,
 станция Лось*

Мы хотим помочь испанским детям, родители которых борются за

свободную, счастливую жизнь. Вносим по 3 рубля из своих сбережений...

*Тамара Васильева, Нюся
 Пясик, ученицы 6 класса
 4 средней школы. Винница.*

15 октября Залка выступал на вечере «Женщинам и детям героического Мадрида».

В ту же ночь он уехал в Испанию.

По рекам и горам, тайком через границы, на самолетах, пароходах, пешком пробирались тогда на Пиренейский полуостров сотни честных людей.

С дороги Залка написал:

«Я еду не на новые экзамены. Я должен повторить пройденное уже раз. И у меня нет беспокойства «перед неизвестным». Я еду с большой уверенностью в том, что буду полезным...»

В Испанию он приехал под именем генерала Лукача.

О. Савич, корреспондент ТАСС, «Известий» и «Комсомольской правды», в книге «Два года в Испании». 1937—1939»:

«...Его назначили командиром бригады. На другой же день она уходила на фронт, под Мадрид. Солдаты принадлежали к двадцати национальностям. Они не подозревали, кто такой Лукач, откуда приехал. Хотя никто из них не понимал русского языка, Залка сказал по-русски:

— Товарищи, сколько бы ни было представлено национальностей среди нас, у нас есть один общий язык: язык Великого Октября».

Из письма генерала Лукача от 18 января 1937 года:

«Я уже больше чем месяц командую бригадой... Части бригады состоят из добровольцев со всего света. Высокоидейные и решительные люди, не жалеющие себя. С такими бойцами и командирами и драться можно, и побеждать можно».

Я попросила кинооператора Романа Лазаревича Кармена, который был в Испании весь первый год войны, рассказать о встречах с Залкой.

«Впервые я встретил Залку на берегу реки Мансанарес, где шли жестокие бои на подступах к Мадриду. Обстановка была крайне тяжелой. Защитники Мадрида отбивали одну за другой бесчисленные атаки рвущихся к центру города фашистов. Вместе с испанцами на этом решающем судьбу Мадрида участке сражалась двенадцатая интербригада.

Когда я, пригибаясь к земле, короткими перебежками добрался до лесной сторожки, стоящей в неглубоком овраге, я увидел человека в байковой куртке, светлых кавалерийских бриджах, идущего мне навстречу по тропинке. Свежевыбритый, подтянутый, над полными улыбающимися губами щетинка подстриженных усов. Это был Матэ Залка. Генерал Лукач. Мы не были с ним лично знакомы в Москве, но здесь крепко обнялись, расцеловались, как самые близкие друзья. Еще бы! Встретиться вдали от родины, да еще в такой обстановке!

С этого момента штаб славной двенадцатой интербригады стал для меня родным домом на испанской земле. Он часто кочевал, этот гостеприимный дом. Иногда

это был сырой блиндаж под Брунете или роскошный замок сбежавшего маркиза в Эль Пардо, где после тяжелого боевого дня мы отдыхали ночью в креслах за бутылкой старой малаги из маркизова подвала. Горел камин, потому что холодный ветер задувал через пролом в стене замка. Матэ с грустью делился с близкими друзьями своей заветной мыслью — он завидовал коллегам, писателям Хемингуэю, Кольцову, Эренбургу:

— А мне даже некогда вытащить из кармана свою записную книжку. Сколько потрясающих эпизодов! Какие заманчивые замыслы приходят в голову!.. Какие люди окружают меня! С радостью я взялся бы за перо...

Залка знал по имени каждого своего солдата. Сколько раз видели мы на лице железного комбрига слезы, когда погибали его люди.

— Береги пленку, Роман, — говорил он. — Красная Армия непременно разгромит фашистов и придет в Берлин, если они посмеют напасть на Советский Союз. Береги пленку!»

Славная двенадцатая интербригада не знала отдыха. Ее можно было легко найти: там, где самый тяжелый участок фронта, там, где решается судьба большой битвы, там, где ломится враг... Каса де Кампо, Харама, Посуэло, Брунете, Гвадалахара...

А в Беликах стояли тихие солнечные дни.

Володя опять приехал к бабушке.

На стене в хатке висел брыль, в углу приткнулась ореховая палка Матвея Михайловича...

Но вдруг —

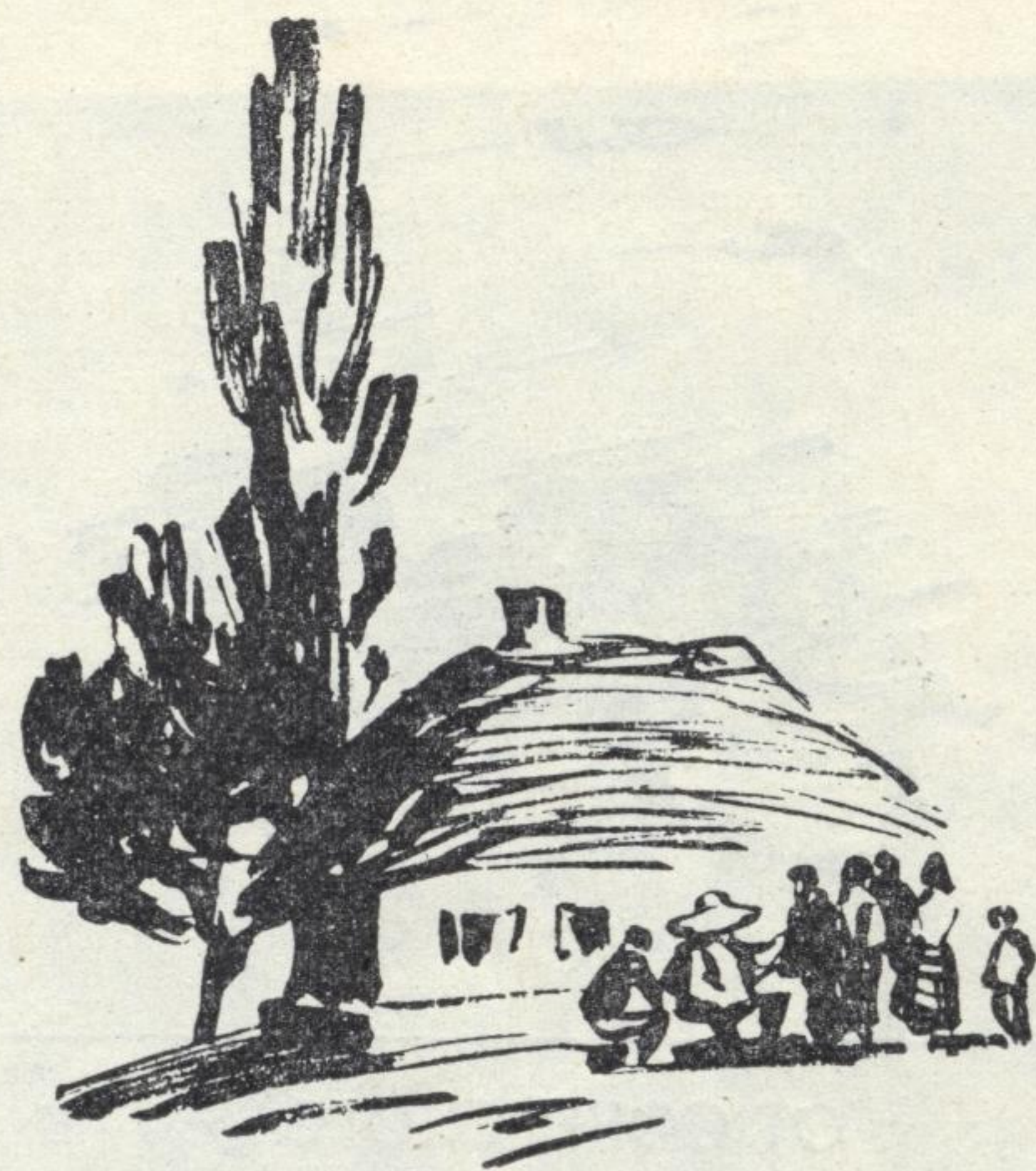
«Известия», 16 июля 1937 года.

«На фронтах в Испании.

Район Уэски. 14 июля, 8 часов вечера (от специального корреспондента «Известий», передано по телефону через Барселону). На фронте Уэска неприятельским снарядом убит один из самых доблестных бойцов интернациональных бригад генерал Лукач. Тело Лукача сегодня направляется в Валенсию, где состоится его погребение.

Илья Эренбург»

Генерал П. Батов, с которым я по поручению «Костра» беседовала, достал из своего архива такой документ:

Краткая характеристика на командира 12 интернациональной бригады республиканской Испании генерала Лукача, он же Матэ Залка.

Обстоятельства гибели Матэ Залка таковы:

11 июля 1937 года 12 интербригада совершала марш-маневр с Центрального Мадридского на Арагонский фронт в район Уэска. Матэ Залка прибыл с оперативной группой командиров своего штаба... В ходе рекогносцировки при следовании в боевой машине, в которой были: командир бригады Матэ Залка — генерал Лукач, советник

Теруэльского фронта Колонель, Фриц Пабло — П. Батов, политкомиссар бригады Реглер, водитель машины коммунист-испанец Пепе — группа подверглась обстрелу мятежников и интервентов...

Я был тяжело ранен. Открыв глаза, увидел Лукача и рану, зиявшую на его голове. Я стал звать санитаров, и когда они стали приближаться, вновь впал в забытие. Очнулся в госпитале. Там я узнал, что генерала Лукача больше нет...

Алексей Эйсер, адъютант Лукача:

«Повсюду висели красные и красно-желто-фиолетовые республиканские флаги с длинными черными лентами. Народ на тротуаре и на балконах, подняв кулаки, стоял молча, благоговейно... На площади, где уже не был слышен оркестр, несколько барабанщиков, высоко вскидывая палки, страшно, как по сердцу, били дробь...»

В Москву к вдове генерала Лукача пришло письмо из Беликов. Володя писал Вере Ивановне:

«Весть, как мечом, поразила меня. Я первые дни не ел, не спал и думал только о нем. Во мне затаилась жестокая месть, и я говорю: «Пройдут года, и местью вздрогнет железная рука! Я отомщу за него, идя по его пути, окончу начатое им дело...»

Матрена Феоктистовна, Володина мать, рассказала:

«Весной 1941 года Володя окончил школу. Очень он хорошо пел, играл и на гитаре, и на аккордеоне, и на баяне... Думали, станет артистом. А он — буду военным. А тут война. И одна мысль у него — на фронт. Ему только 17 лет, но он

высокого роста, здоровый. Очень просил. Его взяли в танковое училище. Потом был на фронте. Домой успел прислать два письма».

Вот одно из писем Володи:

«Пока еще в атаку не ездил, а на днях поеду, добывать остатки голодных фрицев. Пока живу хорошо, достал гитару и в свободное время играю и пою, вспоминая те беззаботные годы, проведенные с вами. Ведь скоро будет три года, как я уехал от вас. Они мне показались целыми десятками лет. И теперь, когда все прошло, мне кажется, что те дни, солнечные, полные радости и беззаботного счастья, для меня были просто сном, чудным сном. Но и это ничего, за это время я уже привык ко всему, и меня больше ничто не страшит. Воспоминаньем нежным я живу и верой в победу».

ОТ СОВЕТСКОГО
ИНФОРМБЮРО
ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА
ЗА 10 АПРЕЛЯ 1944 Г.

На днях войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии ТОЛБУХИНА перешли в наступление против немецко-фашистских войск, расположенных на ПЕРЕКОПСКОМ перешейке и южном побережье СИВАША.

Газета «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»,
12 апреля 1944 года. От специального корреспондента.

«...наступающие вышли в район севернее Джанкоя. В прорыв были введены танки и мотопехота... Продвижение танков было настолько стремительным, что немцы не смогли задержаться в районе Джанкоя...»

ИЗ ПРИКАЗА
ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ГЕНЕРАЛУ АРМИИ
ТОЛБУХИНУ

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к присвоению наименований «ПЕРЕКОПСКИХ» и «СИВАШСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 11 апреля, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует...

29/V-44 года

Из письма Володиного
командира:

«...Сообщаю вам, что гвардии-лейтенант Потапенко при прорыве мощной обороны немцев на Сиваше (ворота в Крым) погиб смертью храбрых. Похоронен: Крымская АССР, Джанкойский район, с. Хаджи-Булат. Посмертно награжден высокой правительственной наградой — орденом Отечественной войны I степени...»

...О Володе я узнала от харьковского писателя Григория Михайловича Гельфандбейна. Некоторые письма, напечатанные здесь, дал он мне. Потом в поселке под Харьковом я разыскала старых седых людей — Володиных родителей. И Володина мать повела меня по абрикосовому саду и расплакалась. Этот сад сажал Володя, а цвел он уже без него.

...А Залка похоронен, как простой испанец, под грубым серым камнем. Но товарищи его еще в июле 1937 года написали в газету: «Когда победим, самое большое знамя мы поставим на его могиле».

Г. Георге

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Однажды, вскоре после того, как газеты напечатали известие о гибели под Уэской в Испании командира интернациональной бригады генерала Лукача, я вдруг узнал, что легендарный Лукач — это человек, которого я не раз видел и которого еще год назад запросто встречал то в трам-

вае, то на улице, что генерал Лукач — это писатель Матэ Залка. В тот же вечер я сел и написал стихотворение «Генерал».

Я говорил в нем о судьбе Матэ Залки — генерала Лукача, но внутренне в то же время с юношеской прямоотой и горячностью отвечал сам себе на вопрос — какой я вижу судьбу своего поколения в наше революционное время? С кого лепить жизнь?

Да, именно так, как Матэ Залка, мне хочется прожить и свою собственную жизнь. Да, именно за это мне будет не жаль отдать ее!

Стихи «Генерал» были написаны одним духом, в них хромали рифмы и попадались неуклюжие строчки: но сила того чувства, которое было в моей душе, все-таки, как мне кажется, сделала эти стихи моими первыми настоящими стихами.

Константин Симонов

ГЕНЕРАЛ

Памяти Матэ Залка

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаившись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят,
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был, —
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Мадьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?
Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять.

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапее о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был — над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освящает в бою.
И где б он ни бился — он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

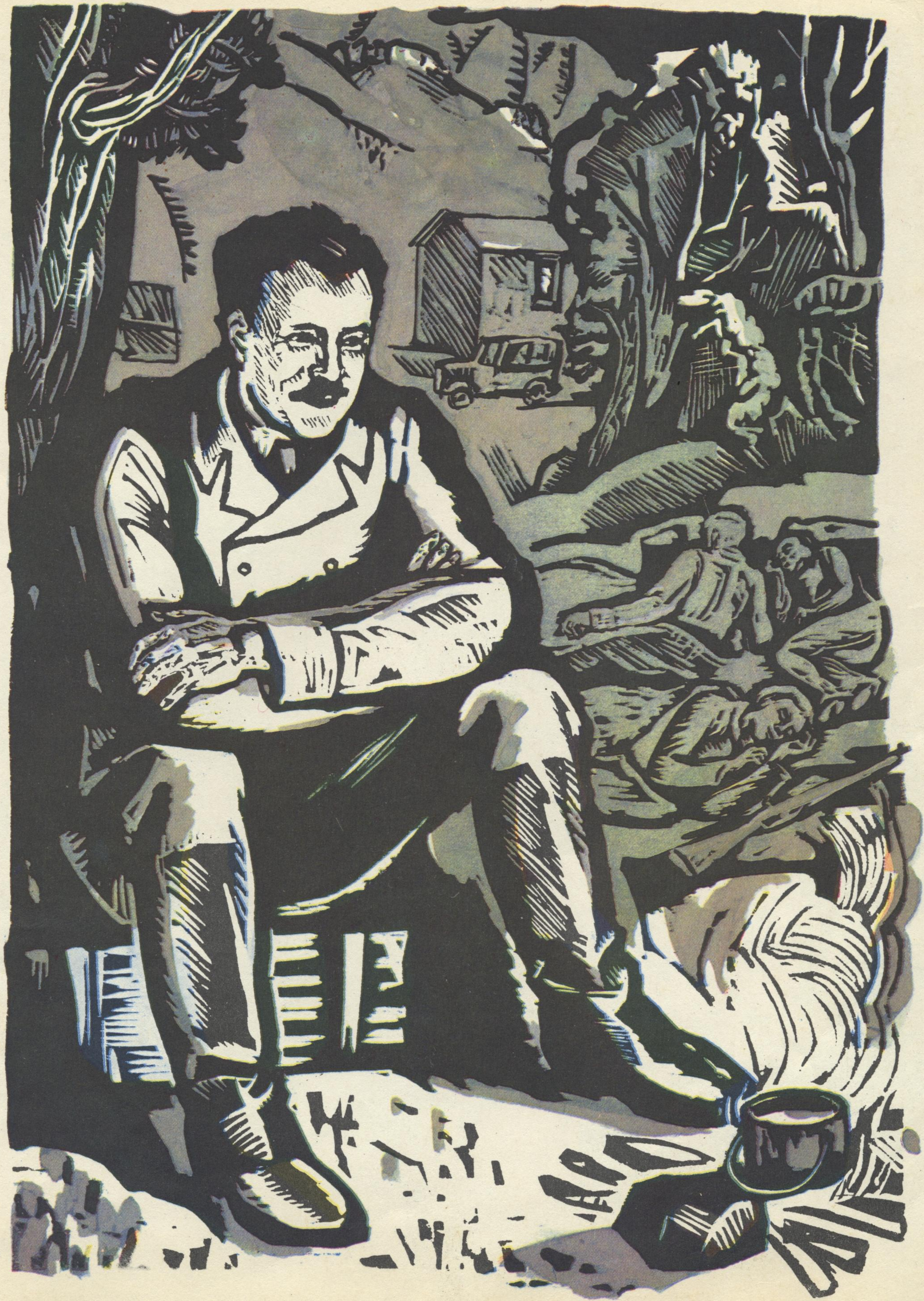
Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его не верны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

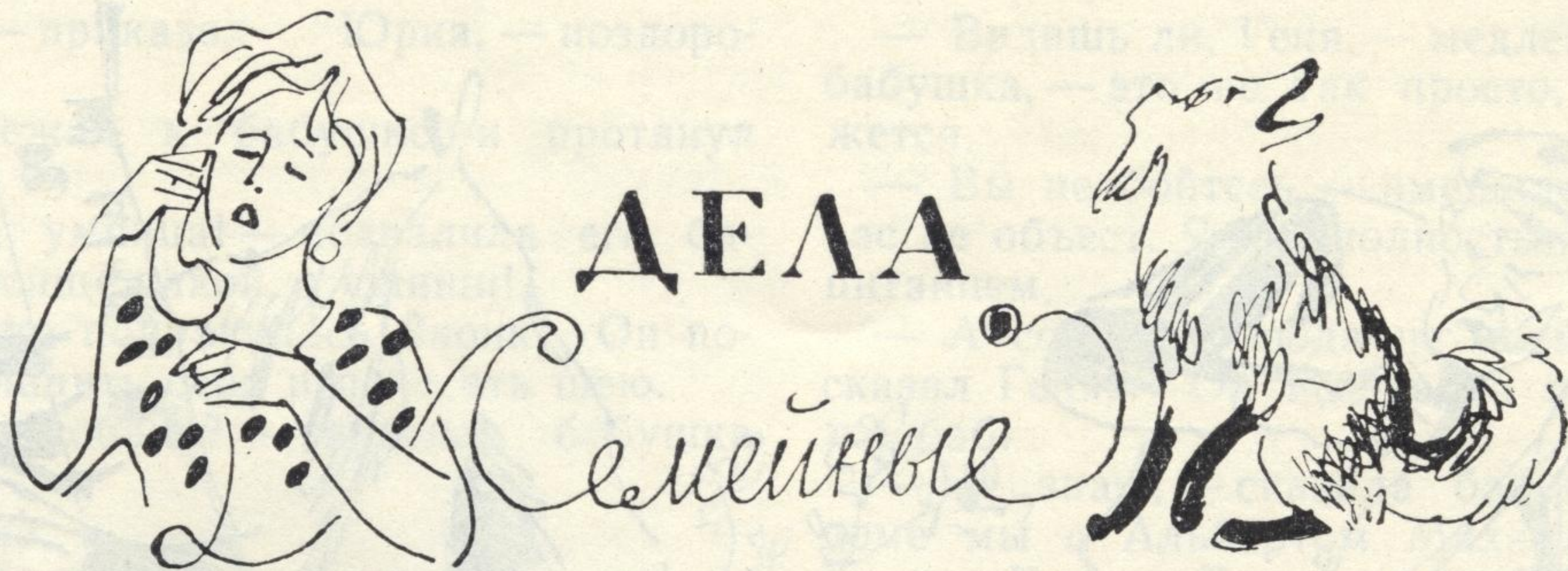
И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

1937 год

Гравюра А. Овсянникова

ДЕЛА

Семейные

ПОВЕСТЬ

Евг. Мин

Рисунки И. Харкевича

Звонок отчаянно лаял, а тощий мужчина, глядя на Юрка сверху вниз, вынул из кармана грязный носовой платок и, вытерев потное рябое лицо, сказал:

— У, бандюга, бешеный он, что ли?

Юрка молча сжал кулаки. Геня стал рядом с ним.

— И чего он психует, не понимаю, — оправдывался собачник, — возвращаюсь с купанья, иду тихо, аккуратненько по лесу, цветочки нюхаю, а он — как выскочит... Чуть не сожрал живьем.

— Врете, — сказал Юрка. — Он зря никого не тронет. Незачем было в шалаш лезть.

— На кой ляд мне туда лазать, чего я там не видел. И, вообще, я не против собак, если они сознательные. А от таких паразитов один вред. Это твой пес?

— Мой.

— Регистрация на него имеется?

— Не ваше дело.

— Не мое?.. Как сказать. Это мы еще поглядим-посмотрим. Да ты не бойся, я так, пугаю.

— Идите вы отсюда, чтобы мы вас не видели. Нечего вам здесь делать, — сказал Юрка.

— Нагличаешь, парень!.. Остерегись-ка, не то уши нарву, — пригрозил собачник и шагнул к Юрке.

— Р-рр! — яростно зарычал Звонок, почувствовав, что его хозяину угрожает опасность, и выскочил вперед.

Собачник отступил, снова вынул из кармана грязный платок, громко высморкался и, пробормотав «У, леший!», повернулся и пошел по тропинке к шоссе.

Пока он не скрылся из виду, Звонок все скалился, рычал, дрожь мелкими волнами ходила по его спине.

— Будет, будет, довольно! — успокаивал его Юрка. — Будет, говорю, прогнал и ладно! Молодец ты, Звончище!

Когда Звонок успокоился, Юрка сказал:

— Ну, значит, теперь все... Нельзя здесь больше обитать. Рябой черт своего дождется, подстережет. Я ведь не могу при собаке неотлучно находиться. Какую нам!

— Чепуха! — сказал Геня. — Я знаю, что делать.

Юрка с любопытством посмотрел на него:

— Ты?

— Мы пойдем к бабушке. Она живет в профессорском доме. Там Звонка никто не посмеет тронуть. Он под защитой науки будет, а потом ты запишешь его на себя.

— Нет, Генка, не получится. Не станет твоя бабка с ним возиться. Очень он ей нужен.

— Вот чудак, да не она же. Ты и я.. Мы там на веранде жить будем. Всем места хватит. Идем!

Когда Геня, Юрка и Звонок вошли в садик профессорского дома, бабушка варила варенье на керосинке в медном тазу. В одной руке бабушка держала большую ложку, в другой — открытую книгу и читала вслух:

— Варить сначала на слабом огне, пока не распустится весь сахар, потом усилить огонь, осторожно помешивая обратной стороной ложки...

— Хелло, баб! — громко позвал Геня, но бабушка ничего не услышала.

— Боже мой! — воскликнула она. — Здесь же написано: «Обратной стороной ложки», а я...

— Баб... — заныл Геня, но Юрка горячо дунул ему в ухо:

— Ш-ша!.. Пусть колдует, не встречай, а то еще рассердится.

Геня уселся в кресло-качалку, Юрка — на скамейку. Звонок расположился у его ног и

Окончание. См. «Костер» № 7, 1968 г.

затаил дыхание, словно понимал, каким важным делом занята бабушка.

— При варке варенья, — торжественно прочитала она, — нельзя ни на минуту отходить от плиты...

— Понял? — сказал Юрка. — Это все равно что сталевар у домны.

— Варенье легко пристаёт ко дну и пригорает, — выразительно, как стихи, выговаривала бабушка. — Пробовать готовность нужно, беря немного на тарелку. Да, а где же тарелка? — и она легко и быстро убежала в дом.

Юрка посмотрел ей вслед:

— Ну, брат, Геня, неудачно мы попали с тобой. В такое время, когда они хозяйством занимаются, к ним лучше не соваться.

— Она раньше смеялась и маму помещицей называла за то, что мама любит грибы солить и с вареньем возиться. А теперь — сама...

Бабушка вышла из дома. В руках она держала глубокую тарелку и, все еще не замечая ни ребят, ни Звонка, направилась к керосинке. Поставив тарелку на стол, она снова взяла в одну руку большую ложку, в другую — книгу и принялась читать:

— Пробовать готовность нужно, беря немного на тарелку. Если сироп, когда остынет, окажется достаточно густым, варенье готово.

Юрка и Геня внимательно следили за всеми операциями, которые проделывала бабушка. А Звонку надоело лежать, он встал, потянулся, бесшумно ступая, подошел к цветочной клумбе и ткнулся в розовый куст.

— Аллес! — по-немецки сказала бабушка и погасила керосинку.

В это время Звонк чихнул тоненько, смешно. Чихнул раз, другой, третий и потом еще долго чихал и все не мог остановиться.

Бабушка обернулась и увидела Геню с Юркой. Звонка загораживала цветочная клумба.

— А, мушкетеры! — воскликнула бабушка. — Явились. Признавайтесь, кто из вас расчихался? Перекупались, наверно?

— Это не мы, — сказал Геня, — это он, — и показал на Звонка, который выбрался из-за клумбы.

Бабушка ласково взглянула на Звонка.

— Ух ты, — удивилась она, — откуда такой зверь? А ну, иди сюда ко мне.

Звонк уставился на Юрку, спрашивая разрешения.

— Ступай, — приказал Юрка, — поздоровайся.

Звонк побежал к бабушке и протянул лапу.

— Молодец, умница! — похвалила его бабушка. — А носище какой, а ушищи!..

Бабушка тоже понравилась Звонку. Он позволил ей погладить себя и почесать шею.

— Это твоя собака? — спросила бабушка Юрку.

— Моя лично.

— Он не дворняжка, а помесь, — сказал Геня. — Он здорово способный, считать умеет, фокусы разные делать, грибы искать...

Насчет грибов Геня, конечно, прихвастнул, но уж очень ему хотелось, чтобы бабушка полюбила Звонка.

— Вот и отлично, — сказала бабушка. — Пойдем вместе по грибы, и Альберт Михайлович с нами. Звонка пустим вперед как разведчика. А сейчас будем пить чай со свежим вареньем из клубники. Представьте себе, первый раз в жизни сварила.

Юрка совсем не думал распивать чай, не за этим он сюда явился. Ему нужно было точно знать, оставят ли собаку в профессорском доме и может ли он, Юрка, жить здесь вместе со Звонком. А чай — что ему чай? Без чая он хоть сто лет просуществует. Он посмотрел на Геню, подмигнул: «Действуй, мол». Геня уловил поданный знак и, прежде чем бабушка успела уйти в дом, сказал:

— Послушай, баб, мы к тебе по делу.

— Успеется, — улыбнулась бабушка, — попьем чаю — тогда и поговорим.

— Да нет же, нужно сейчас.

Бабушка, наверное, обиделась, что никто не интересуется ее вареньем, и сказала строгим голосом:

— Какой нетерпеливый, подождать не можешь.

— Это не я, это Звонк. Ему жить негде. Он хоть и Юркин, а ничей.

— Как это ничей?

— Не понимаешь? — все больше и больше волновался Геня. — Юрка его подобрал, приютил, а держать собаку у него прав нет. Это только взрослым позволяют. Юрка скрывал его в лесу, в шалаше. А потом этот тип за явился...

— Какой тип? — не поняла бабушка. — Говори, пожалуйста, толково, ясно.

— Собачник конопатый. Он здесь сколько собак переловил и за Звонком давно охотится. Поймает его и отвезет в институт, где животных режут. Ты должна помочь нам. Пусть Звонк пока живет здесь с Юркой. Мы на веранде поселимся. Баб, ты согласна?

— Видишь ли, Геня, — медленно произнесла бабушка, — это не так просто, как тебе кажется.

— Вы не бойтесь, — вмешался Юрка. — Он вас не объест. Я его полностью обеспечу пропитанием.

— А собачник сюда не посмеет прийти, — сказал Геня. — Он испугался профессора. Ну же, баб!

— Не знаю, — сказала бабушка. — В этом доме мы с Альбертом Михайловичем гости. Хозяин Виктор Родионович. Он возвращается завтра. И я не могу преподнести ему такую новость.

— Он поймет, баб, он же ученый человек, профессор... Я все ему объясню, — настаивал Геня.

— Нет, — повторила бабушка, — не могу. Нужно что-нибудь другое придумать. Может быть, поговорить с твоей мамой, Юра?

— Пустое дело, — сказал Юрка. — У нее тоже свои «профессора» имеются, которых она беспокоить не станет. Пошли, Звонок!

Геня побледнел, губы у него дрожали, на лбу выступили мелкие капли пота.

— Значит, ты не хочешь, баб? — резко спросил он и посмотрел бабушке прямо в глаза.

— Не могу, дружок.

— Не хочешь — не надо. Мы поедем в город.

— Куда?

— Домой. Мне же обещали собаку. Ну и пусть вместо боксера пока живет Звонок. Дай мне денег на билеты.

Бабушка покраснела, засуетилась, стала быстро-быстро говорить, что спешка ни к чему, скоро вернется Альберт Михайлович и посоветует, что делать со Звонком, а пока попили бы чаю. Но Геня твердил свое:

— Нечего ждать. Мы сейчас поедем. А не дашь, мы и без билетов.

Бабушка рассердилась, назвала Геню упрямым, капризным мальчишкой, но все-таки дала три рубля и они втроем — Геня, Юрка и Звонок — ушли из профессорского садика, оставив бабушку наедине с медным тазом, от которого так вкусно пахло свежим клубничным вареньем.

Минут через десять (всю дорогу они мчались бегом), ребята уже стояли у окошка вокзальной кассы.

— Вот, — сказал Геня, протягивая деньги стриженной пожилой кассирше, — три билета до Ленинграда, один собачий.

— На собаку справку давай, — зевнула кассирша, прикрыв рот рукой.

— Какую справку?

— Не знаешь, что ли?.. Обыкновенную, санитарную, о том, что нет у нее всякой заразы и разрешается ей проезд по железной дороге.

Геня растерялся, но Юрка быстро пришел на выручку:

— Тетенька, товарищ кассирша, — заискивающе сказал он, — собачка маленькая, щенок совсем.

— Маленькая? — не поверила кассирша и, выглянув из окошка, посмотрела на Звонка. — Ничего себе...

— Он смирный, не кусается, — сказал Геня.

— Мы за него головой отвечаем, — пообещал Юрка.

— Не дам билета без справки, — сказала

кассирша. — Я из-за этой скотины места лишаться не буду.

— Он не скотина, — возмутился Геня. — Он культурный. Вы не имеете права...

— Правам меня будешь учить?! — разозлилась кассирша. — Ты поговори еще!

Тут уж Юрка испугался не на шутку. Он отодвинул плечом приятеля.

— Это он зря, тетенька, вы не обижайтесь. Это он по дурасти.

— Распустили вас, бить вас некому, — пробормотала кассирша и выбросила Юрке два билета со сдачей.

Вдали послышался низкий, басовитый гудок электрички.

— Ну, — сказал Геня, — что же делать будем?

— Как-нибудь проскочим. В случае чего отболтаемся.

Юрка потянул Звонка за самодельный ременный поводок и побежал на перрон.

Когда поезд остановился, Геня прыгнул на площадку последнего вагона, а Юрка командовал Звонку:

— Вперед, рыжий!

Звонок не тронулся с места.

— Вперед, — настойчиво повторил Юрка и сильно потянул за поводок. Звонок словно прирос к платформе. Он задыхался, лаял, в умных коричневых глазах его металась отчаяние и ужас.

Боясь, что он уедет один, Геня спрыгнул на платформу. Юрка был вне себя от ярости. Он хлестал Звонка ремнем и кричал:

— Ну и обалдуй, ну и остолоп! Чего дуришь?

А Звонок весь сжался, тревожно скулил.

Геня вырвал у Юрки ремень.

— Оставь!.. Неужели не понимаешь?.. Сам же рассказывал, как его бросили... Вот он вспомнил и решил...

— Ах ты, Звончище, чудик! — воскликнул Юрка, крепко прижимая ушастую голову собаки к своей груди. — Да разве я тебя оставлю?.. Ни за что на свете!..

Пока пришла следующая электричка, ребята успели обдумать план действий. И только поезд остановился, Юрка схватил Звонка за передние лапы. Геня — за задние, и, не дав ему опомниться, втащили на площадку вагона.

— Точка! — сказал Юрка. — Поехали, рыжий! Вот видишь, все вместе.

Звонок виновато завил хвостом и лизнул Юркину руку.

— Подлизываешься, — сказал Юрка. — Трус чернолапый. Ничего, не бойся. Живы будем, не умрем!

Тихо и чисто в квартире у Гениной мамы. Прижились на своих местах новые вещи, повисли на окнах тяжелые шторы, белый пластмассовый телефон уютно устроился на низенькой тумбочке в передней. А полы еще не готовы. Пришли мастера, выстругали их, отциклевали и вдруг исчезли, неведомо куда. Рема Сергеевна расстроена. Скоро приедет муж из командировки, вернется от бабушки Геня — и ничего не сделано. Нет, можно ли так подводить людей!

— Это верно, — соглашается ее собеседник, грузный мужчина с оплывшим лицом. — Народ нынче фальшивый, зря болтает, слова не держит, а к людям, которые своего хребта не жалеют, доверия нет. Возьмем меня, к примеру, можно сказать, сорок лет ишачу, живот надрываю, и хотят отобрать у меня кровное, потом нажитое... Я уж прошу вас как адвоката помочь мне.

— Суд разберется, Захар Петрович, — говорит Генина мама и старается не глядеть на своего клиента. Все ей не нравится в нем: и розовый, как бекон, лоб, и дремучие, медвежьи, узко поставленные глазки. А нужно быть любезной.

— Надеюсь на вас, — тихим елейным голосом выпекает грузный мужчина, — мне вас Клара Ефимовна рекомендовала. А об вознаграждении не тревожьтесь. Мы люди не скупые.

Рема Сергеевна густо краснеет:

— Нет, зачем же... Существует определенная такса.

Медвежьи глазки клиента придвигаются еще ближе к переносице:

— Такса?.. Такса это собачка маленькая. На таксу не вытянешь. Все пить-есть хотят. Материальные ценности приобретать. Хорошенькая квартира у вас. Дом-то кооперативный?

— Нет, мужу на работе дали, он инженер, его ценят, — как бы оправдывается Генина мама.

— Так, инженерам, начальникам и еще всяким там артистам бесплатно дают разные блага, а нам, труженикам торговли, одни синяки да шишки. Справедливо ли? Цельную жизнь в подвале на овощах просидел, с ног до головы рассолом огуречным пропах, сколько тонн переворочал этими вот граблями, — обиженно говорит клиент и протягивает к лицу Гениной мамы руки с толстыми, будто обрубленными топором, пальцами. — Спину гнул, недоливал, недоедал, а теперь парши-

вую дачку хотят отобрать, а она, между прочим, честным трудом заработана. Она...

— Я знаю, Захар Петрович, — перебивает его Генина мама.

— На любой гвоздь могу справку представить, — продолжает клиент и, вытащив из кармана пиджака пачку грязных квитанций, расписок, счетов, раскладывает их веером на блестящем ореховом столе.

Рема Сергеевна устала. «Когда же уйдет этот человек?» — мучительно думает она и все еще улыбается вежливой, заученной улыбкой.

Резкий переливчатый звонок в передней.

— Извините, Захар Петрович, — облегченно произносит Генина мама, — ко мне пришли.

— Ничего, я подожду, ступайте себе.

Генина мама уходит, а ее клиент прячет в карман расписки, счета, квитанции и плотнее усаживается в кресле.

Проходит минуты три, не больше. В столовой появляются мама, Геня и Юрка, он держит на ремне Звонка. Вид у Гени боевой, у Юрки мрачный, а Звонка словно напуган чем-то, уши прижаты к лисьей голове, хвост повис.

— Нет, я все-таки ничего не понимаю, — продолжает мама разговор, начатый в передней.

— Сейчас я объясню, — говорит Геня и умолкает, соображая, как бы получше рассказать печальную историю Звонка. Молчит и Юрка, крепко сжав губы, совсем притих Звонка. И вдруг тишину пронзает тонкий, въедливый голос мамино клиента.

— Ну и псина!.. Ну и обормот! — хохочет он прямо в морду Звонка.

Звонка, — как Белый Клык, — терпеть не может, когда над ним смеются. Забыв, что находится в чужом доме, он скалит зубы и грозно рычит.

— А ну, куси, куси! — клиент выставляет вперед огромную, толстую ногу. — Куси, шельма!.. Маленький кобель, а злющий.

Глаза Звонка наливаются кровью, он рычит еще громче. Мама закрывает уши руками:

— Не нужно, Захар Петрович.

— Мне бы такого пса, — мечтательно вздыхает клиент. — Я бы из него человека сделал, обучил бы его уму-разуму. Они, дворняги, не хуже породистых службу несут, а забот с ними меньше. Ах ты, образина!..

Еще немного — и Звонка кинется на своего обидчика. Но мама строго говорит:

— Захар Петрович, я прошу вас...

— Виноват, Рема Сергеевна, не буду больше. Извините, люблю собачек, грешный человек. Ну, я, пожалуй, двинусь. Завтра или послезавтра закину вам еще документик. А пока пойду.

Мама с клиентом уходят в переднюю, ребята и Звонок остаются в столовой.

— И псих же ты! — ругает Юрка Звонка. — Нашел с кем связываться! Плевал бы на этого бугая, и все. Напугал хозяйку, теперь шуганет она нас с тобой.

— Нет, нет, она поймет, — протестует Геня.

В столовую возвращается мама. Она опасливо смотрит на Звонка, а он уже сидит тихо, низко опустив голову.

— Рассказывай, Геня, что все это значит? — спрашивает мама, усаживаясь на низеньком диване, — почему ты явился и откуда взялась эта страшная собака?

— Он не страшный, мамочка, он умный, хороший, только не нужно его злить.

Геня подробно рассказывает историю Звонка, напряженно следя за мамой. В глазах ее появляются сочувствие и жалость. Она даже вздыхает, когда Геня говорит о собачнике, о том, какой это ужасный человек и как они с Юркой спасли Звонка от верной смерти.

Рассказ окончен. Все молчат. Затем мама спрашивает:

— И что же ты теперь, Юра, думаешь с ним делать?

— Не знаю, — бурчит Юрка, уставившись в пол.

— Пусть он пока поживет у нас, мамочка, — предлагает Геня. — недолго. Мы его зарегистрируем, а там Юрка найдет, куда его пристроить.

— Я найду, — клянется Юрка, — гад буду, если не найду.

— Ты же его не выгонишь сейчас на улицу, мама?

Мама молчит. Геня наступает:

— Если ты прогонишь его, я тоже уйду из дому с ним вместе.

Мама негодуяще поднимает брови:

— Пожалуйста, без нелепых угроз, Геннадий. Ты уже не ребенок.

Видно, что мама сердится всерьез. Геня обнимает ее за плечи:

— Ну, мамочка, милая, нельзя его выгонять, родненькая моя.

— Глупый мальчик, — смягчается мама, — разве я такой зверь, как ваш собачник?..

— Ура! — кричит во все горло Геня. — Ура! Звонк с благодарностью смотрит на Генину маму. Он все понимает. Звонк только говорить не может.

Эту ночь Юрка проводит в квартире Возницыных. Он спит в Гениной комнате на старом бабушкином диване. Звонка положили на кухне. Юрка предупредил его:

— Учти, рыжий, лаять нельзя. Стены здесь тонкие.

Геня и Юрка устали за день и сразу засыпают. Генина мама долго не может уснуть. Она думает о мастерах, которые не пришли лакировать полы, о грузном клиенте и о том, как не подходит лопоухая деревенская собака к современной квартире, блестящему ореховому столу и полированному серванту.

Рано утром Юрка уехал в Ельники.

— Я быстро, — сказал он Гене, — покажусь маме, чтобы шума не поднимала, и шасть назад. А ты последи за псом, своди его гулять, да смотри, очень не перекармливай. Можешь каши сварить, колбаски дай, кость какую, если найдется, из супа кинь...

— Он без тебя скучать будет.

— Ничего, не умрет, я ему все разъясню. Он толковый. Слушай, Звончище, я уезжаю. Ясно тебе?

Звонк тоскующе посмотрел на Юрку и заскулил. Юрка прикрикнул:

— Не ныть!.. Дело есть!.. Ты жди меня и слушайся его, — он показал на Геню. — Понял?.. Давай лапу... Пока.

Звонк протянул Юрке лапу, тот крепко пожал ее и направился к двери. Звонк побежал за ним.

— Сидеть! — приказал Юрка и ушел.

Геня выполнил все Юркины инструкции. Накрошил в миску любительской колбасы с хлебом, сам сварил овсяную кашу, и мама удивилась: «Никогда не подозревала, что ты на такое способен». Нашлась и кость из супа.

Но Звонк ел вяло, без аппетита.

Гулять тоже пошел неохотно, хотя, вместо брючного ремня, Геня взял лакированный поводок с медными пряжками. Поводок этот он приобрел давно, для будущего боксера.

Гуляли они сначала рядом с домом, потом Геня показал Звонку, где будут строить ста-

дион, школу и большой кинотеатр. Пока здесь ничего не было — пустыри, голая земля. Другая бы собака обрадовалась: носись, сколько хочешь, никто тебя не остановит, не станет придирааться, что ты без намордника. Но Звонк не бегал, не играл, а уныло ковылял за Геней.

Вечером пришла мамина знакомая Клара Ефимовна.

— Боже мой, какое страшилище! — воскликнула она, увидев Звонка, который, словно мертвый, лежал на кухне, уткнув морду в пол.

Геня обиделся, наговорил Кларе Ефимовне дерзостей. Мама заставила его извиниться и увела гостью к себе в комнату. Закрыв двери, они долго шептались о каких-то своих делах.

Геня сидел на кухне со Звонком, гладил его по голове, чесал за ушами и просил, чтобы Звонк не горевал, потому что приедет Юрка и все будет хорошо.

Юрка не приехал и на следующий день. Звонк впал в отчаяние. Он то подбегал к входной двери, царапая ее когтями, требуя, чтобы его выпустили на лестницу, то кидался к окнам, раздвигая лапами портьеры и часами, не отрываясь, смотрел на улицу.

Ночью он начал выть протяжно, по-волчьи. Мама сказала, что сойдет с ума из-за этого ужасного животного, что соседи пожалуются и у нее с папой будут огромные неприятности, что Юрка нарочно бросил собаку, а сам сбежал. Геня упорно защищал друга. К утру Звонк успокоился, но Юрка так и не появился.

Геня прождал его до двух часов дня, слоняясь из угла в угол по квартире, а потом отправился в библиотеку обменять книги и как-то убить время.

Абонементный отдел был закрыт, и на столе у библиотекарши Марии Петровны лежала записка: «Ушла в коллектор, скоро буду!»

«Скоро, так скоро, — решил Геня, — не возвращаться же с пустыми руками. Подожду в читальном зале».

Время шло незаметно, должно быть, потому, что Гене попался альманах «Мир приключений». Ух, и занятная штука! Начнешь читать — не оторвешься.

Большие деревянные часы гулко пробили четыре удара. Геня очнулся.

«Как же так, — подумал он, — я сижу здесь, путешествую по всяким планетам, а там...» И, не дождавсь Марии Петровны, Геня ушел из библиотеки. Нет, он не шел, а мчался сломя голову и чуть не сбил двух старух, мирно беседовавших в парадной.

Взлетев на четвертый этаж, Геня своим ключом открыл дверь.

— Звонок, Звончище! — закричал он.

Молчание.

Геня кинулся на кухню, в столовую, в кабинет, в свою комнату. Звонка нигде не было, мамы тоже.

«Куда же он делся? Может быть, приехал Юрка, не дождался Геню и забрал собаку? Или мама повела Звонка гулять? Нет, лакированный поводок с медными пряжками висел на своем месте, на вешалке».

— Где же он, где? — громко, вслух спрашивал себя Геня, чувствуя, что случилось что-то ужасное, непоправимое. Он не хотел верить этому, лихорадочно набирая номер телефона маминой консультации. Сначала ответила химчистка, затем трест столовых Куйбышевского района, наконец он услышал мамин голос.

— Мама, — сказал он, стараясь говорить спокойно, — мама, где Звонок?

— Геня, мальчик, не волнуйся, — ответила мама.

— Где Звонок? — повторил Геня.

— Он убежал, — очень тихо сказала мама.

— Убежал?! Куда?

— Не знаю... Я вышла на лестницу за почтой, оставила дверь открытой, а он выскочил и побежал вниз... Я не успела догнать его... Ты понял?

— Понял, — сказал Геня.

Едва положил трубку, как телефон зазвонил. Геня снял трубку.

— Геня, — сказала мама, — ты не сердись, я хотела поймать его... Я и на улицу выбежала... Ты не сердись.

— Я не сержусь, — сказал Геня.

Он положил трубку, ушел в столовую и, упав вниз лицом на низенький модный диван, заревел, как обыкновенная девчонка.

Слезы текли и текли у него из глаз, пока он не разозлился, не вскочил на ноги, приговаривая:

— Ах ты, Генька!.. Тютя, болван!.. Ревешь, дурак!.. Кукса несчастная!.. Потерял собаку, ищи ее.

Слезы вдруг перестали течь, глаза сделались сухими и красными. Тогда он направился к себе в комнату, сел за письменный стол, достал школьную тетрадь и большими печатными буквами написал одно и то же на четырех листках: «Внимание!.. Внимание!.. Пропала собака. Рыжая. Морда узкая, лисья, лапы черные. Кличка Звонок. Просьба вернуть по адресу: Московский проспект, дом 252, кв. 33, Геннадию Возницину».

Эти объявления он крепко прилепил фотоклеем: одно в парадной, другое в булочной, третье в почтовом отделении, четвертое на щите — где театральные афиши.

До вечера он дежурил у парадной, поджидая, не появится ли Звонок. Он спрашивал и у дворников, и в жилищной конторе, и у регулировщика-милиционера, не видел ли кто-нибудь рыжую, чернолапую собаку.

Никто ничего не знал.

Юрка приехал на следующий день. Он не сумел вырваться раньше, потому что его мама обварила себе руку кипятком и ему пришлось кормить и поить ее, три дня она не могла ничего делать.

Геня думал, что когда Юрка узнает о бегстве Звонка, он расвирепееет, начнет ругаться или стукнет его, но Юрка только сказал:

— Не уберег!.. Такую собаку!..

— Понимаешь, Юр, я виноват, но я же не знал, что так случится... Знай, так на минуту из дома не вышел бы.

— «Я бы, я бы», — передразнил его Юрка, — ты здесь ни при чем. Это она, твоя мать, нарочно его выпустила, освободиться хотела.

— Что?.. Как ты можешь?! — возмутился Геня. — Разве она бессердечная!

— Сердце у нее, конечно, имеется, только бережет она его для тебя и для твоего батьки. Вытурила лопухого. Боялась, что еще приживется у вас. А так все чистенько, без скандала, шито-крыто!

— Нет, она не способна на такую подлость, — твердо возразил Геня.

— А!.. Каждый о себе заботится. Да чего там говорить, был Звонок и нет... Отзвонился.

— Может быть, он к тебе в Ельники бежал, у собак память замечательная. Вот и Белый Клык...

— Будет, — огрызнулся Юрка. — Будет тебе из себя дурочку лепить. У нас здесь не Аляска, далеко не убежишь. Двадцать раз поймают: спета его песенка. Усыпили его, наверно.

И тут Геню осенило. Кровь прилила к голове, сердце забилось часто, и он заговорил так быстро, что Юрка с трудом понимал его:

— погоди, погоди!.. Ты думаешь, усыпили?.. А может, они над ним опыты ставят... Он умный, сообразительный. Такие собаки для них клад.

— опыты? — нахмурился Юрка. — Значит, его резать станут, мучить?.. Нет, уж лучше сразу конец.

Но Геню не остановить:

— А Звонка, может, испытают и еще в космос пошлют!

— Не сочиняй, — отмахнулся Юрка. — Что меня, как маленького...

Нет, все-таки он не знает Геню. Геня если что-нибудь задумал, его не собьешь.

— Едем! — потребовал он.

— Куда это?

— В институт ветеринарный, куда всех бездомных собак свозят. Есть такой. Владик знает, где он находится. Сейчас мы позвоним Владьке и возьмем его с собой. Он умеет со взрослыми разговаривать.

Не прошло и часа, как Юрка, Геня и Владик уже стояли у подъезда ветеринарного института.

Посмотришь, ничего страшного в этом доме нет. Дом как дом, и выходят из этого дома самые нормальные люди, шутят, смеются, а подумаешь, что они там делают, жутко становится.

— Мы прямо к директору двинем, — сказал Юрка, толкая тяжелую дубовую дверь. — Мама говорит: надо с большими начальниками дело иметь, мелочь разная только промучит тебя.

— Постой, — удержал его Владик. — Видишь объявление? «Прием мелких животных во дворе, со стороны Лиговского проспекта. Вход через ворота».

— Мелких? — спросил Юрка. — К нему это не подходит. Он не такса какая-нибудь.

— Да нет, ты не понимаешь, — сказал Владик. — Собаки и кошки считаются мелкими животными. Здесь, в институте, занимаются еще и лошадьми, и коровами. Тут проводят исследования...

Он поправил очки, сползавшие на нос, и приготовился прочесть целую лекцию, но Юрка с Геней не стали слушать и ринулись бе-

гом на Лиговский проспект. Владик, спотыкаясь, бежал за ними.

Войдя во двор, ребята увидели несколько одноэтажных кирпичных зданий, похожих на гаражи для автомашин. К зданиям вели стрелки с надписями: «Хирургическая клиника», «Инфекционная», «Терапевтическое отделение».

Геня с Юркой растерянно переглянулись. Конечно, если бы не всеведущий Владик, они бы долго без толку лазили по всем клиникам. Но Владик соображал в медицине, недаром у него мать больная. Он сказал, что ни в одну из этих клиник идти не нужно, потому что там животных лечат, а вот где стрелка «Стационар-изолятор», там может быть.

— Пошли, — сказал Юрка.

Сначала они попали в приемный покой изолятора. Там тоже ничего страшного. Чистая, светлая комната. Письменный стол, кожаный диван, стулья, а на стене портрет старика с бородой и сердитыми глазами.

Владик узнал его:

— Это академик Павлов. Он много над собаками работал.

Юрка увидел под стеклом на письменном столе фотографии трех собак.

— Смотри, — сказал он Гене, — картинки выставили. У, звери! Сперва прикончат, а потом любят.

— Может быть, они еще живые, — предположил Владик.

— Заткнись, академик, — оборвал его Юрка.

В это время в комнату вошел очень большой и очень толстый мужчина в белом халате и шапочке.

У Владика глаз наметанный, он мигом понял, что это не санитар или фельдшер, а доктор и, может быть, самый главный.

— Здравствуйте, доктор, — вежливо поклонился Владик.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветливо ответил толстяк. — Картинки рассматриваете?... нравятся собачки?

Юрка даже губу прикусил от злости, так ему хотелось высказать всю правду этому живодеру.

— Ну-с, что же вы молчите? С чем явились? — поинтересовался толстяк.

— У нас собака пропала, — выступил вперед Геня, боясь, как бы Юрка не ляпнул лишнего.

Толстый доктор сурово взглянул на ребят, мягкое улыбочатое лицо его стало серьезным.

— Поздравляю, — сухо сказал он, — значит, вы такие же ротозей, как владельцы этих. — И показал на фотографии собак,

лежавшие под стеклом. — Обратите внимание, отличные экземпляры. И вот, пожалуйста, хозяева не уследили. А потом явились к нам, ищут пропажу. А у нас, извините, не стол на ходок — больница.

Юрка гневно зашмыгал носом:

— Больница?.. Вы тут собак усыпляете. Только попадись они вам, сразу крышка.

— Вздор! — сказал доктор. — Чушь, сплетни, обывательская болтовня. У нас порядок. Любую безнадзорную собаку мы держим в карантине четырнадцать дней. Если растяпа владелец не приходит, мы обращаемся в клуб кровного собаководства, чтобы подобрали другого, более достойного хозяина. Когда исчезло ваше сокровище?

— Вчера, — хором ответили Геня, Юрка и Владик.

— Вчера?.. А ну идемте, посмотрим, может быть, она в палате.

Собачья палата оказалась обыкновенной комнатой, разделенной на несколько клеток, таких, как в зоологическом саду. Клеток было шесть. Две из них пустовали, а в остальных сидели маленький шенок спаниель, коричневый, похожий на оленка доберман-пинчер, белый французский бульдог и кудлатый пудель.

Вели они себя по-разному. Маленький спаниель весело обнюхивал пол, выложенный разноцветными плитками, доберман, истерически взвизгивая, грыз прутья клетки, бульдог сидел на задних лапах, упершись неподвижным взглядом в одну точку, а пудель спал, сладко посвистывая.

— Ну, — спросил толстый доктор, — есть здесь ваша?

— Нет, — сказал Юрка, — он у меня простой, не породистый. Мы пойдем. Нечего нам тут делать, зачем нам чужие собаки?

Толстый доктор посмотрел на него:

— Не падай духом, мальчик.

И они вернулись в приемный покой. А там — за письменным столом — сидел... Альберт Михайлович, в белом халате и

шапочке! Вот уж кого Геня не ожидал здесь встретить.

— Привет, мушкетеры! — сказал Альберт Михайлович. — На экскурсию пришли?

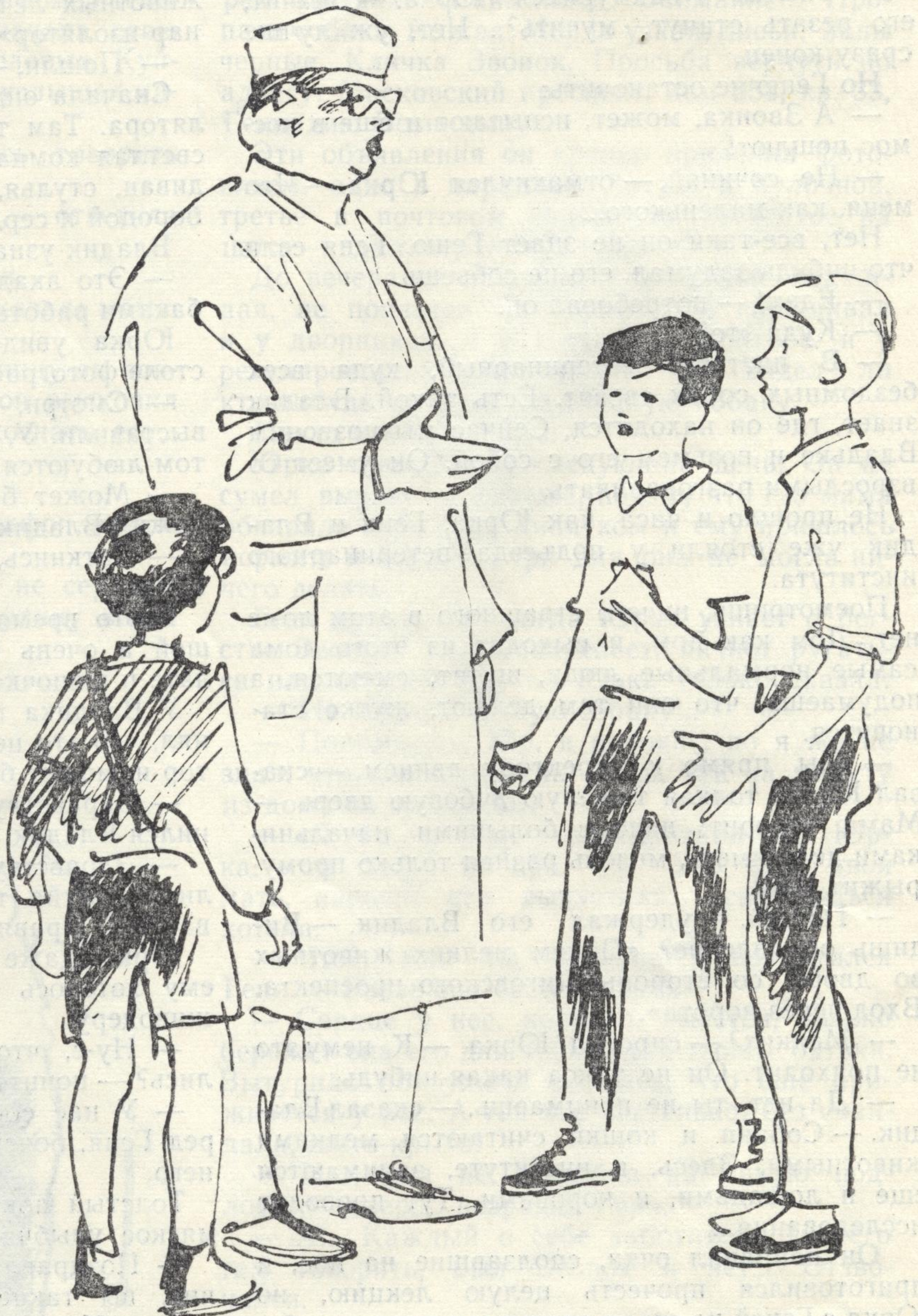
Ребята ничего не ответили.

— Ты их знаешь, Альберт? — спросил толстый доктор.

— Имею честь. С одним из них я даже состою в некотором родстве. Так что же вас привело сюда, молодые люди?

Гене совсем неинтересно было беседовать с Альбертом Михайловичем, а Юрка — тот вообще отвернулся и смотрел в окно.

Владик сказал:

— Мы собаку ищем.

— Это мой пес, Звонок, — не поворачиваясь, сказал Юрка.

Альберт Михайлович перестал улыбаться.

— Знаю, слышал, — как-то виновато промолвил он.

Толстый доктор в это время перелистывал журнал с записями.

— Минуточку, минуточку, — бубнил он себе под нос. — Сверимся с нашей бухгалтерией. Здесь все отмечено, и хозяин, и адрес, и порода, и кличка. Вы говорите, вчера исчез. Весьма возможно, кто-нибудь подобрал его и принес на регистрацию. Исследуем этот вопрос.

И он начал читать записи.

— Великанов И. Г., Бассейная, дом 32, квартира 8, сибирская лайка, масть...

— Я же сказал, он дворняга, — перебил Юрка.

— Так, так, — продолжал бормотать толстый доктор и вдруг громко произнес: — Послушайте, вот... Шерстобитов З. П., поселок Купчино, беспородный, кобель, масть рыжая.

В один прыжок Юрка оказался у стола, вырвал у доктора журнал и, задыхаясь от волнения, прочитал: «Беспородный, кобель, масть рыжая...»

Геня тоже вцепился в журнал и тащил его из рук Юрки:

— Покажи, где написано?

— Это он!.. Честное слово, он: «Беспородный, кобель, масть рыжая...» — нараспев, как стихи, повторял Юрка. — А ну, записывай живей, Владик!.. Адрес, фамилию!

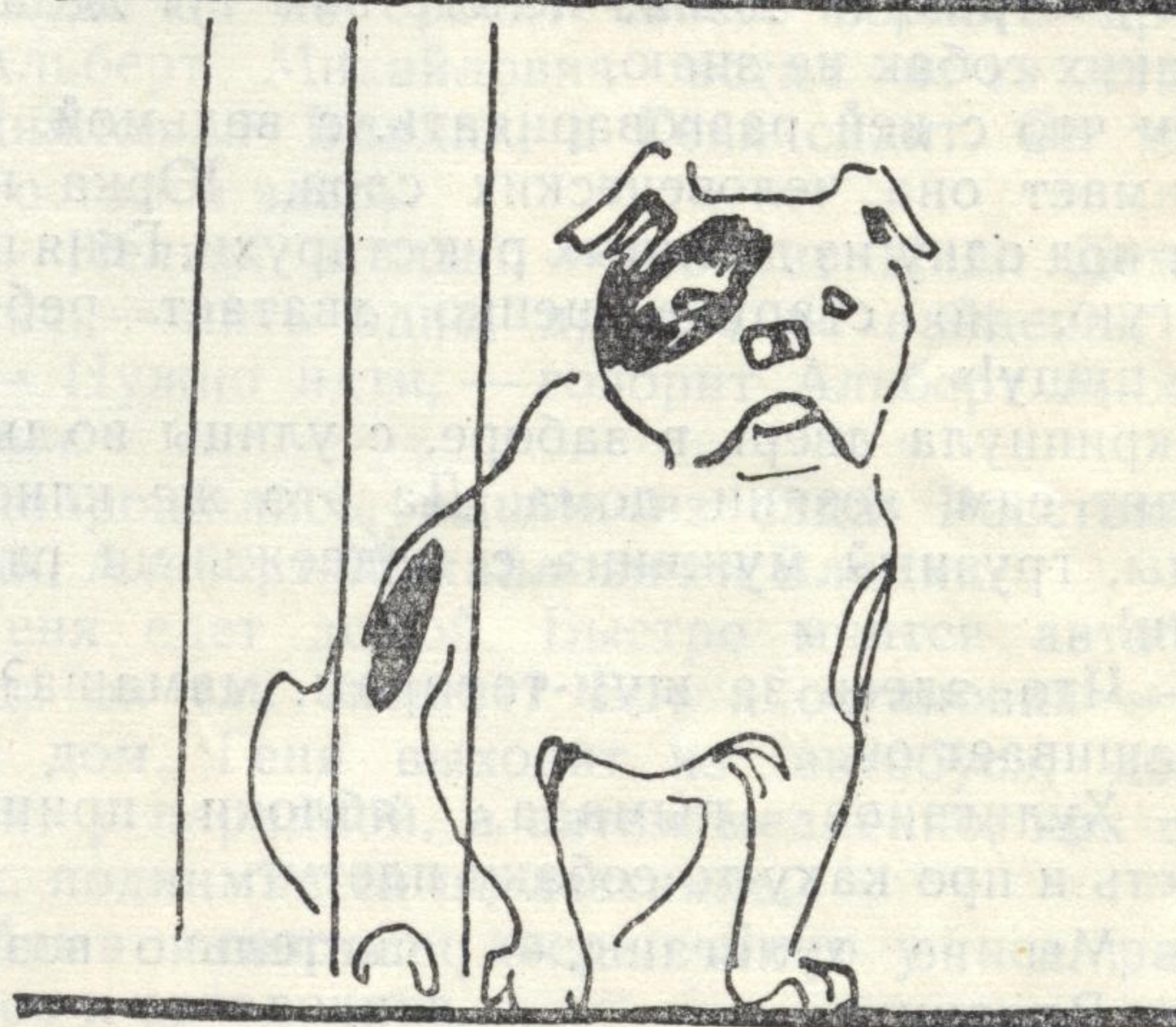
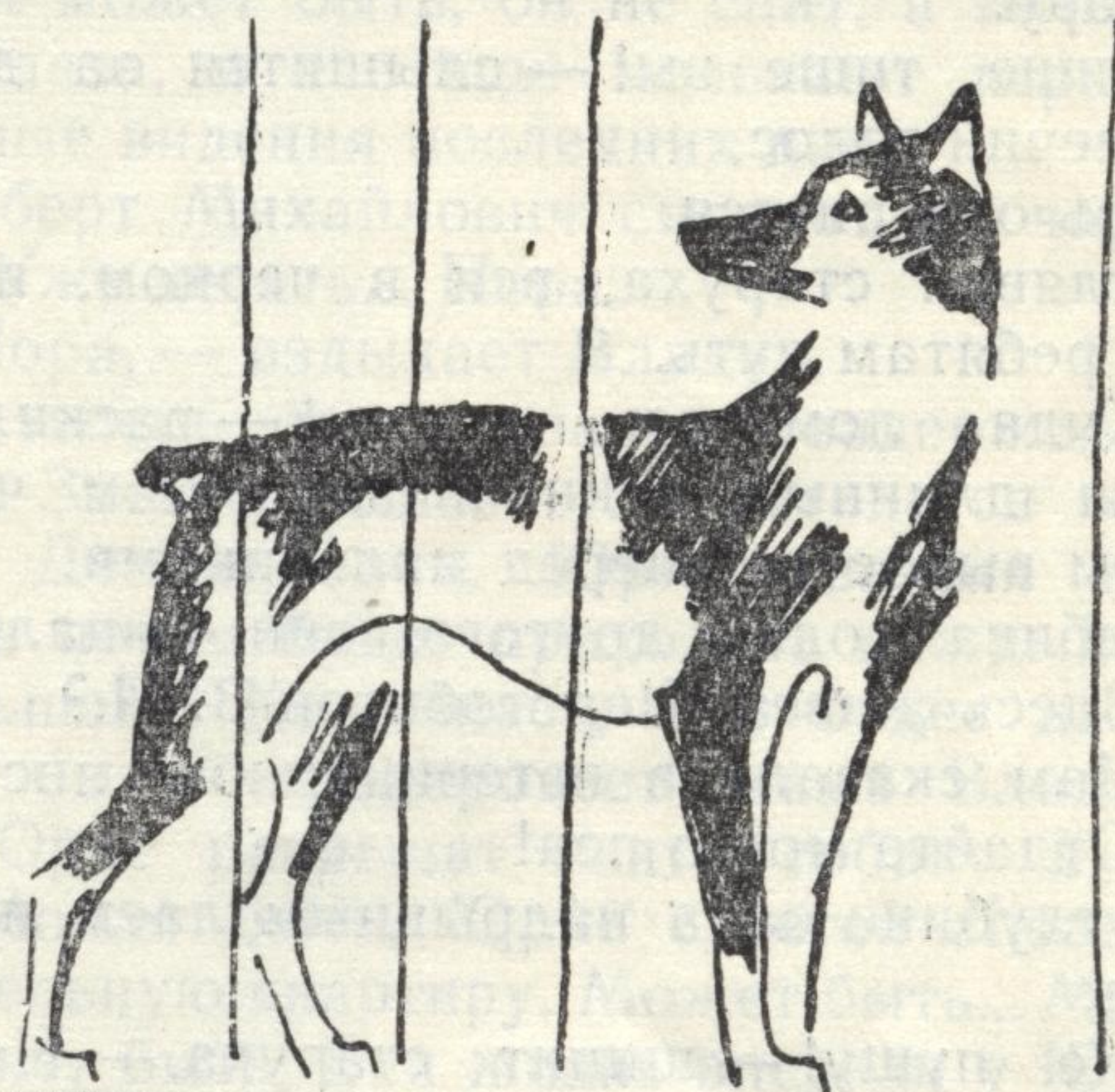
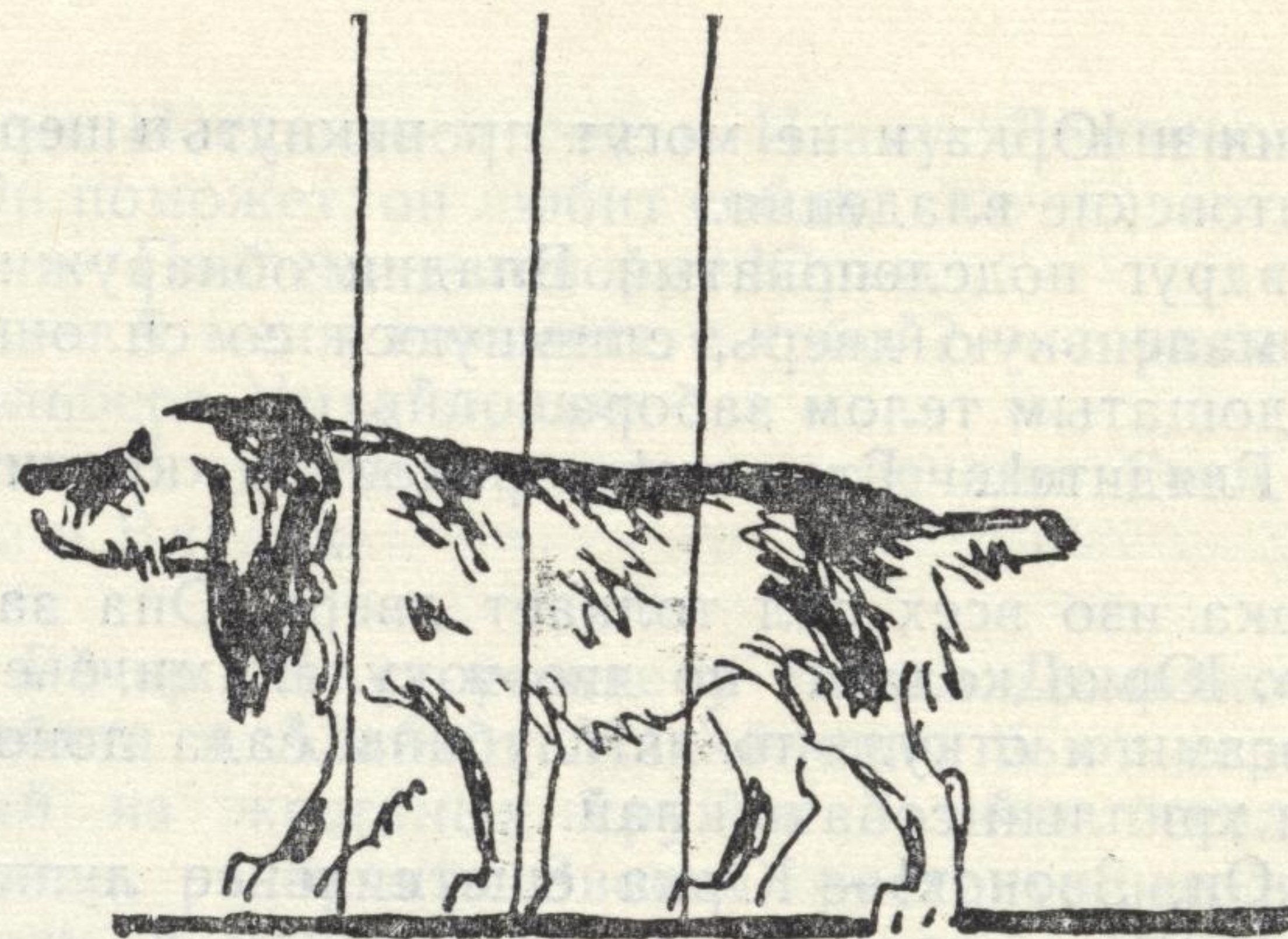
Толстый доктор, который не меньше ребят обрадовался, что нашелся след Звонка, протянул Владiku листок бумаги и авторучку.

— Все! — сказал Юрка, когда Владик записал адрес. — Теперь быстро!..

И он выбежал из приемного покоя, не прощавшись ни с доктором, ни с Альбертом Михайловичем. Геня устремился за ним.

Один Владик, на минуту задержавшись в дверях, сказал:

— Спасибо, товарищ доктор.

5

Даже опытный, бывалый шофер, тот, что знает наизусть весь город и не затеряется в лабиринте Петроградской стороны, не спутает Подрезову улицу с Полозовой, Плуталову с Подковыровой, даже этот шофер — спросите его, где находится поселок Купчино, — удивленно пожмет плечами:

— Поселок Купчино?.. Не слышал что-то. Район — другое дело. Улицы Будапештская,

Бухарестская, проспект Космонавтов, а поселок где — не соображу.

И все-таки есть такой поселок. Невелик поселок — одна улица. Стоят вдоль этой улицы низенькие, крепкие дома, и возвышается над ними двухэтажный дом с островерхой крышей, крытой рифленным железом. Дом и сад закрыты от любопытных глаз серым дощатым забором. Бродят вокруг этой преграды Геня,

Владик и Юрка и не могут проникнуть в шерстобитовские владения.

И вдруг подслеповатый Владик обнаруживает маленькую дверь, слившуюся со сплошным дощатым телом забора.

— Глядите!.. Глядите! — радостно кричит он.

Юрка изо всех сил толкает дверь. Она заперта. Юрка колотит по двери кулаками, бьет ее ногами и откуда-то из глубины сада доносится хриплый собачий лай.

— Он, Звонк! — Юрка еще сильнее лупит по забору.

— Тише, тише вы! — слышится за дверью старушечий голос.

Дверь открывается.

Костлявая старуха, вся в черном, преграждает ребятам путь.

— Куда ломитесь, ироды! — раскидывает старуха длинные руки и зловещим черным крестом вырастает перед мальчиками.

Перебивая один другого, они выпаливают:

— Здесь живет Шерстобитов З. П.?

— Нам сказали в ветеринарном институте.

— Отдайте моего пса!

А в глубине сада надрывным лаем исходит собака.

— Не пущу! — шипит старуха. — Нет Захара Петровича дома, нечего вам тут делать, никаких собак не знаю.

Ну что с ней разговаривать, с ведьмой. Не понимает она человеческих слов. Юрка ныряет под одну из длинных рук старухи, Геня под другую, но старуха цепко хватает ребят: «Не пущу!»

Скрипнула дверь в заборе, с улицы во двор входит сам хозяин дома. Да это же клиент мамы, грузный мужчина с медвежьими глазками!

— Что здесь за шум-тарарам, мамаша? — спрашивает он.

— Хулиганов пымала, яблоки пришли красть и про каку-то собаку плетут.

— Мы не хулиганы, — решительно возражает Владик.

— Отдайте моего Звонка! — требует Юрка.

— Оставьте их, мамаша, ступайте к себе.

Старуха нехотя выпускает Геню и Юрку и уходит в дом. Шерстобитов пристально смотрит на Геню с Юркой.

— А, старые знакомые, — говорит он, — ну, с чем пожаловали?

— Отдайте моего Звонка! — повторяет Юрка.

Жирное, розовое лицо Шерстобитова расплывается в наглой улыбке.

— Какого еще Звонка?

Юрка кипит от ярости и ничего не может выговорить. На помощь ему приходит Геня.

— Звонк — это собака... Вы знаете... Вы у мамы были, когда мы со Звонком пришли. А потом он убежал.

— Ай-я-яй, убежал, как же так не усмотрели?!

— Его мама случайно выпустила.

— Вы его украли! — выкрикивает Юрка.

— Украл?! — угрожающе произносит Шерстобитов. — Ты поосторожней выражайся, парень...

— Он не то хотел сказать, — пытается загладить Юркин промах Владик, — он хотел сказать, что вы нашли собаку, думали, она ничья и унесли в ветеринарный институт на регистрацию.

— Они нам ваш адрес дали, — добавляет Геня.

— Попутали вас, ребята, в этом институте. Ошиблись они. И в глаза не видел никакой собаки.

— Врете вы все! — кричит Юрка. — У вас он... Слышите, лает. Это его голос.

Бело-розовое лицо хозяина дома багровеет.

— А ну, шагай отсюда!... Сказано: нет собаки. Это соседский кобель гавкает.

Теперь не выдерживает и вежливый Владик.

— Неправда, — заикается он, — неправда... Он здесь, в саду. Я слышу.

— Ишь, слухачи! — шипит Шерстобитов. — Хватит разговоры разговаривать. Некогда мне. Валяйте-ка по домам бодро-весело.

Еще немного — и выставит он их на улицу, но тут скрипнула калитка и во двор входит Альберт Михайлович.

Геня кидается к нему:

— Альберт Михайлович, помогите!.. Звонк здесь, а он скрывает...

— Не волнуйся, — успокаивает Геню Альберт Михайлович, — сейчас мы разберемся... Добрый вечер, товарищ Шерстобитов.

— Здравствуйте, — угрюмо откликается домовладелец, — в чем это вы пришли разбираться?

— Я из ветеринарного института. У вас находится приبلудная собака.

— Нет у меня никого. Сказал, нет!

И опять ребята перебивают друг друга:

— Он там, в саду.

— Слышите, лает?

— Это мой Звонк!

— Сейчас мы увидим, — говорит Альберт Михайлович, — разрешите осмотреть ваш сад.

— Еще что придумали!.. Сад осматривать! — ярится Шерстобитов. — Не дам!

И становится перед Альбертом Михайловичем.

— Вот как! — не повышая голоса говорит Альберт Михайлович, — извините, тогда придется...

И он легко, сильной сухой рукой отодвигает грузного мужчину в сторону.

Путь открыт. Стремглав мчатся Геня, Юрка и Владик мимо яблоневых и грушевых деревьев, мимо грядок с клубникой, мимо кустов малины в глубь сада, откуда доносится собачий лай.

Едва успевают за ними Альберт Михайлович и Шерстобитов.

А вот и Звонк. Он сидит на цепи близ сарая, где сложены дрова. Звонк увидел Юрку. Он перестал лаять. Он ошеломлен и подавлен, бедный, исстрадавшийся пес.

— Звонк!.. Это я, Звончище! — крепко прижимает к себе собаку Юрка. — Это я!

Очнувшись от оцепененья, Звонк заливается весело, как колокольчик.

— Ну-с, что вы теперь скажете, товарищ Шерстобитов? — спрашивает Альберт Михайлович.

— Чего скажу, чего скажу, — тупо твердит хозяин дома. — Во всем мамаша этого парня виновата.

И он тычет толстым, коротким пальцем в сторону Гени.

— Пришел я к ней вчера по делу, а она начала просить: «Возьмите собаку». Так умоляет, чуть не плачет. Я и взял... У меня сердце доброе.

Мама отдала Звонка! Сама отдала, а сказала, что он убежал?!. Нет, Геня не может поверить этому.

— Вы обманываете.

— Обманываю? Я ей любезность оказал, а сам попал в эту историю.

— Освободите собаку! — приказывает Альберт Михайлович.

Шерстобитов подчиняется.

Звонк на свободе. Скорей из этого дома, скорей!

Они идут по единственной улице поселка Купчино — Геня, Юрка, Владик и Альберт Михайлович. Чуть впереди бежит Звонк, бежит и все время оглядывается.

— Здесь я, здесь, не бойся, — успокаивает Звонка Юрка.

— Что же теперь делать будем? — спрашивает Владик. — Куда ее денем?

Юрка молчит. Молчит и Геня. Он думает о маме. Как она могла сделать такое, как могла?

И вдруг Владика осенило:

— Поедемте в сад к Ивану Демьяновичу. Он поможет, он любит собак.

— Поедем, — говорит Юрка.

— А меня возьмете с собой? — спрашивает Альберт Михайлович.

— Возьмем! — дружно отвечают Геня, Юрка и Владик.

Вечер. В сторожке у Ивана Демьяновича ребята и Альберт Михайлович пьют горячий чай из жестяных кружек и тихо беседуют, боясь разбудить Звонка, растянувшегося на полу. А может быть, он не спит, а только закрыл глаза, и все еще мелькают перед ним страшные видения последних дней.

Альберт Михайлович смотрит на часы:

— Уже десять... Пора.

— Пора, — вздыхает Владик.

Да, теперь уж незачем задерживаться. Судьба Звонка решена. Он останется жить у Ивана Демьяновича. Юрка сегодня ночует здесь, а потом будет приходить каждый день. А дальше?.. Кто знает, что будет дальше? Может быть, выздоровеет мама Владика и тогда Юрке разрешат взять собаку в квартиру. Может быть, Юрке с тетей Люсей дадут отдельную квартиру. Может быть... Мало ли что может быть. Вся жизнь впереди у Юрки, и никогда он не бросит своего верного друга.

Альберт Михайлович встал из-за стола, поднялся и Владик, а Геня сидит. Он тоже бы остался здесь.

— Нельзя, малый, — говорит Иван Демьянович, — мать одна, другую не найдешь.

— Нужно идти, — говорит Альберт Михайлович.

Попрощались, вышли из сада. Расстанутся Геня, Альберт Михайлович и Владик.

Геня едет домой. Быстро мчится автобус. Куда он так спешит? Вот и остановка — Генин дом. Геня выходит из автобуса, долго стоит у парадной, а затем медленно, как старик, поднимается по лестнице.

Мама отворяет дверь. Лицо у нее радостное и загадочное.

— Генечка, милый, ты пришел? — ласково говорит она и не ругает Геню за то, что он так поздно явился. — А у меня для тебя новость.

Геня проходит в столовую, не глядя на маму, спрашивает:

— Это ты отдала Звонка?..

Он все еще ждет, что совершится чудо, но мама спокойна.

— Стоит ли об этом, Геня? Посмотри, какой я тебе сюрприз приготовила.

Она уходит на кухню и быстро возвращается. В руках у нее теплый, желтый комочек.

— Взгляни, что я тебе купила... Щенок... Настоящий боксер, с родословной... Ты рад?

— Нет, — отворачивается Геня, — не надо мне игрушки.

И уходит в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

Мама со щенком на руках растерянно стоит в столовой, где так удобно разместились красивые, новые вещи.

— Геня, ну что ты, Геня!..

Она хочет войти в Генину комнату, но Геня не пускает ее, прижав дверь спиной.

— Боже мой!.. Это же дикость! — восклицает мама. — Это дикость!

Она уносит щенка на кухню, идет в переднюю и звонит по телефону своей знакомой Кларе Ефимовне.

Мама жалуется Кларе на Геню. Подумать только, какие теперь бесчувственные дети, о них заботишься, не жалеешь сил, угождаешь всем капризам, а они ничего не ценят!.. Откуда у них эта душевная черствость? Мама плачет, Клара Ефимовна утешает ее: «Что поделаешь, такое теперь время, теперь везде так...»

Долго длится этот разговор, а Геня все стоит у себя в комнате, плотно прижав спиной дверь.

ДРУЖБА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ «КОСТРА»

Ребята! Недавно нашу редакцию посетил вьетнамский поэт Фам Хо. Он много рассказывал нам о детях сражающегося Вьетнама. Мы записали его рассказ.

Вьетнамские дети живут сейчас не так, как дети других стран. Они, конечно, тоже ходят в школу. Но для наших детей дорога в школу — траншея. Они живут под землей и передвигаются под землей. Иначе нельзя, обстреливают со всех сторон: с земли, с моря и с воздуха.

Занятия в школах начинаются рано, задолго до рассвета. Тогда меньше налетов.

В четыре-пять часов утра дети надевают толстые шляпы с большими полями, которые

предохраняют от осколков шариковых бомб, берут в руки маленькие фонарики и отправляются в путь. Около восьми утра возвращаются. А потом занимаются еще вечером, от шести до девяти.

Школа теперь тоже другая. Классы не под одной крышей, а далеко друг от друга, в землянках. Каждый класс окружен земляным валом. Сверху посеяна трава — для маскировки. Если не знаешь, что здесь должна быть школа, не увидишь ее.

В каждой землянке сидит группа в пять-шесть человек, и учителю надо переходить из класса в класс, чтобы обойти всех своих учеников. Это трудно, но так безопаснее для детей. В классе полумрак, только тетрадки освещены маленькими фонариками.

Как будто все предусмотрено. Но на войне всего предусмотреть нельзя. Наш народ несет большие жертвы в своей борьбе за свободу и независимость. И самое страшное, когда бомба попадает в школу.

Я видел школу, где после вражеского налета в живых осталось только два ученика. Я видел на пороге другой разрушенной школы мертвую учительницу. Она сумела спасти всех своих учеников, но не успела укрыться сама. Я видел после бомбежки детскую тетрадку с недописанной задачей.

Мы, взрослые, хотим уберечь наших детей от войны. Вот почему было принято решение об эвакуации детей на север страны.

Там, на севере, спокойно, но дети оказались далеко от родителей. Мои дочери тоже вдали от меня. Чтобы увидеть их, мне надо проехать на велосипеде 140 километров, переправиться через четыре реки.

Раз в неделю мы отправляемся в дальний путь — навестить своих ребятишек. Дети заранее знают, когда к ним должны приехать родители, и уже накануне не пьют, не едят, то и дело выбегают на дорогу.

Как только скрывается солнце — нам пора ехать обратно. И дети с тоской смотрят на солнечный закат.

Далеко от дома, от родных дети быстро взрослеют. Ведь им самим приходится забо-

таться о себе: и готовить обед, и шить, и стирать. Вместе с деревенскими ребятами они исполняют всякую работу: разводят кур, свиней, трудятся на огороде.

Но дети не только учатся и работают. Они маскируют зе-

нитные орудия, приносят солдатам чай, бананы. А бывает, что помогают солдатам и во время боя.

Я помню двух девочек, двух сестер. Они пасли коров, когда налетели вражеские самолеты. Старшую сестру убило при взрыве, а младшая очень испугалась и все кричала, звала сестру.

Неподалеку оказались наши зенитчики. Они спрятали девочку в своем окопе, но она долго не могла прийти в себя, все спрашивала, где же ее сестра. А когда поняла, что произошло, сказала: «Дайте мне снаряд, я хочу стрелять, я хочу отомстить!» И она — такая маленькая — стала помогать бойцам подносить снаряды.

Я помню другого героя. Мальчика тринадцати лет. Он был в поле, когда враг напал на его деревню. Дом его загорелся. Но огонь охватил и кооперативный склад риса. И мальчик побежал не к своему дому, а к деревенскому складу и вместе со взрослыми гасил пожар. Когда потом его спросили, почему он так сделал, мальчик ответил: «В моем доме рис был только для меня и моих родителей».

Фото Б. Ритова

М. М. М.

САМОЕ СТРАШНОЕ

РАССКАЗ

Горис Раевский

Рисунки В. Бескаравайного

Самое страшное в ссылке — тоска. В этой гнилой, затерянной в болотах и снегах дыре тоска наваливается на ссыльного неожиданно — тяжелая, как могильная плита. Серая, как верхоянское, угрюмо нависшее небо.

И сразу начинает казаться, что все — зря. Зря ты живешь на свете. Зря борешься с чугунным идолом — царем. Что всеми ты забыт. Что время остановилось. Что пять лет ссылки никогда не кончатся. И вообще — пошло все к черту...

Человек, захлестнутый тоской, сидит в дымной вонючей юрте, сидит у камелька неподвижно, долгими часами не сводя с огня тусклых глаз.

Неделями не выходит.

Пропади все пропадом! Надоело. Хватит...

От огня пышет жаром. А в углах — иней. Еще бы! Ведь за стеной такой мороз — даже ртуть в термометре на доме стражника — и та замерзла.

А тут еще верхоянская полугодовая ночь, которая тянется утомительно, как бессонница, и кажется — нет ей конца. словно живешь

ты в погребе. И умрешь тут, в густой непролазной тьме.

Самое страшное — что тоска заразительна. Она — как эпидемия. Перекидывается от «заболевшего» к здоровому и крушит наповал.

И вот уже ссыльные перестают ходить друг к другу. И вспыхивают какие-то мелкие, противные дразги, ссоры. И одному не хочется видеть осточертевшее лицо соседа. А другому не вмоготу даже слышать голос недавнего друга-товарища. А третий — и вовсе запил. Пьет беспробудно уже вторую неделю...

Да, скверно...

Бабушкин шел по вихляющей между юрт тропинке. Вокруг столько снега, что юрты почти не видны. Только по дымкам да кучам навоза и отличишь юрту от огромных сугробов.

А вокруг — тундра. Голая, без деревца. Вся засыпанная снегом. Ни кустика. Карликовые северные березки, стелющиеся возле самой земли, погребены так глубоко под снегом, будто и вовсе нет их.

Толстой варежкой Бабушкин прикрыл рот. Так и дышал — сквозь варежку. Мороз лю-

тый, градусов пятьдесят. К такому — привычка нужна. В первые дни, бывало, вдохнет — и насквозь прожигает. А плюнешь на таком морозе — слюна застывает на лету и падает на землю звонкой ледяшкой.

Идет Бабушкин по тропочке... А куда идет? И сам не знает. Просто так.

«Прогулка, — Бабушкин хмуро усмехнулся. — Прелестная прогулочка!»

И впрямь трудно назвать прогулкой такой вот поход на свирепом холоде. Но не сидеть же безвыходно у огня?!

Шагает Бабушкин, и, кажется ему, опять едет он на оленьих нартах. День за днем, день за днем, день за днем. Говорят, Якутск — на краю света. Но от него до Верхоянска — еще тысяча верст. Тысяча пустынных, промерзших, унылых верст...

И вновь мелькают редкие «станки» да «поварни» — одинокие избы на пути этапа. Окоченевшие ссыльные вваливались в «станок» и тут же засыпали. А утром конвоиры шашками расталкивали спящих. Пора. В путь.

Сколько же он тут, в ссылке? Бабушкин быстро прикинул — четырнадцать месяцев. Всего. А кажется, четырнадцать лет...

Да, проклятое место...

Идет Бабушкин, а на душе — пасмурно. И перед глазами все стоит гигантский факел. Полыхает, горит юрта.

Хотя уже несколько месяцев прошло с той поры, а Бабушкину все не забыть.

В той юрте жил ссыльный Фенюков. Жил тихо, как-то в стороне от всех. Молчаливый. Глаза у него черные, глубокие и такие печальные, что долго смотреть в них ну просто невозможно.

Но не жаловался Фенюков. Жил и жил. Три года прожил. Тихо. Неприметно.

И вдруг однажды ночью проснулись все. Треск, пламя, собачий лай, тревожный рев коров. Горит юрта Фенюкова.

Потом узнали: облил он керосином и себя, и юрту... И ноги сам себе сыромятным ремнем стянул. Крепко-накрепко. Чтоб в последний момент не струсить, не выскочить...

Так и сгорел.

А один из ссыльных потом записку у себя нашел:

«Прощайте, товарищи. Видно, не герой я... Не могу...»

Идет Бабушкин меж сугробов. Хмурится. Вспоминается Хоменчук. Только что был у него Бабушкин. Звал на прогулку.

Илья Гаврилович лежал на каком-то тряпье. Молчал. Лишь головой мотнул. Нет, мол. Не пойду.

Не понравился он сегодня Бабушкину.

Интеллигент ведь, умница. Университет окончил. И певун какой! Бывало, соберутся ссыльные. Заведет Хоменчук свои украинские песни — заслушаешься.

А как опустился... Зарос весь. Видно, неделю уже не брился, а то и две. И аккуратную курчавую бородку теперь не узнать. И окурки, пепел. И миска с остатками еды. И одежда разбросана.

А главное — глаза. Безучастные. Тусклые. Словно глядит на тебя и не видит. И неинтересен ты ему. И не приставай. Скверные глаза... Как у Фенюкова.

Ветер ударил в грудь. На миг Бабушкин даже задохнулся. Пришлось повернуться к ветру и так переждать несколько минут.

«Да, надо что-то делать, — подумал Бабушкин, когда перед ним опять возникли тусклые, стеклянные глаза Хоменчука. — Но что?..»

На следующий день только и разговоров было что о «пельменном пире».

Каждый ссыльный получил от Бабушкина приглашение. Оно было написано четкими печатными буквами на твердом квадратике картона. И обведено синей рамкой. Из всех цветных карандашей у Бабушкина сохранился только синий.

Утром Бабушкин зашел к Хоменчуку.

Как открыл дверь — в нос шибануло затхлою вонью.

У якутов и жилье для людей, и хотон — хлев, все под одной крышей. Тонкая переборка не спасает от пронзительного запаха коровьей мочи, навоза.

Хоменчук по-прежнему лежал. Все такой же небритый. Помятый. С длинными космами спутанных волос. Он был прикрыт какой-то старой облезлой шкурой. Из-под шкуры торчали ноги в торбасах.¹

— Вот, — сказал Бабушкин. — Приглашаем вас, сеньор, на пир! — и протянул картонный квадратик.

Илья Гаврилович, не вставая, молча взял квадратик, надел пенсне, прочел и также молча сунул куда-то в тряпье.

— Насколько я понял, сеньор принимает приглашение?! — воскликнул Бабушкин. — Итак, вставайте!

— А зачем? — вяло протянул Илья Гаврилович. — Ведь пир-то в субботу? А сегодня — что?

— Ха, — сказал Бабушкин. — До субботы еще три дня. Но ведь пельмени-то приготовить

¹ Торбасы — мягкая якутская обувь.

надо. А слуги ваши, да и мои, все отпущены. Так что придется самим. В общем, организационный пельменный комитет постановил: всю подготовку пира возложить на Бабушкина и Хоменчука. Вставайте же!

— Организационный комитет ничего никому не поручал. Да и вообще комитета такого не было.

«Не поднимется», — подумал Бабушкин.

Но, как ни странно, Хоменчук, кряхтя, встал, натянул кухлянку.

Бабушкин даже удивился: как гладко все получилось!

Потом догадался: «Видимо, сработала при-

вычка к партийной дисциплине. Раз комитет постановил — всё!»

Они пошли к Бабушкину. И три дня возились с пельменями.

Надо было приготовить тесто. Мясо. Слепить пельмени. Да не пять, не десять, а несколько сотен.

А тут еще выяснилось — перца нет. Ну, хоть караул кричи! Нет и нет.

— А если без?.. — робко предложил Илья Гаврилович.

— Пельмени без перца?! — возмутился Бабушкин. — Это как пила без зубьев! Приказываю: достать перец!

Совсем загонял Хоменчука, но все-таки раздобыл и перец. И у кого?! У стражника!

И наконец наступила суббота.

Бабушкин с утра долго убирал свой «балаган», так якуты называют юрту.

Подмел земляной пол. Тщательно, как, наверно, никогда его здесь не подметали. Попросил у хозяина оленьи и коровьи шкуры, расстелил их на полу, на лавках. А несколько красивых соболиных шкурок повесил на стену.

Вместе с Ильей Гавриловичем почистил камелек. И шесток глиняный тоже почистил. И дров подложил побольше.

Вскоре собрались все ссыльные — четырнадцать человек.

На огне уже бурлил котел. С улицы Бабушкин внес мешок с пельменями. Замерзли они — хоть топором руби.

— Приглашаю к остуолу, — сказал Бабушкин.

Он теперь любил вернуть якутское словечко. «Остуол» — это по-якутски «стол».

Ссыльные сели к «остуолу». Ели острые, в масле, вкусные пельмени, запивали кисловатым, чуть хмельным кумысом и похваливали поваров.

— Это — не я. Это — Илья! — отвечал Бабушкин и смеялся, — вот, даже в рифму говорить стал.

Смеется Бабушкин, а сам все на Хоменчука поглядывает. Тот принарядился, побрился. И даже космы кое-как подравнял. Вертится. Одному подай, у другого заberi. То масла подлей, то дровишек добавь.

«Вот, — радуется Бабушкин, — суетится. Это хорошо! Только глаза все такие же. Или чуть веселее?»

Линьков, студент, стал читать стихи.

Потом кто-то запел про ямщика, как замерзает он в глухой степи.

А потом и Бабушкин запел свою любимую:

*Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
И на плечах могучих
Товарища несут.*

Поет Бабушкин, кое-кто из ссыльных подпевает. А Бабушкин нет-нет да и глянет украдкой на Хоменчука. Ведь такой певун! Неужели утерпит? Неужели не присоединится?

А Хоменчук будто и не слышит песен. Сидит, молчит. О чем-то своем думает.

*Пришли, остановились,
Сказал он: «Братцы, стой!
Выройте могилу,
Расстаньтесь вы со мной!»*

Неужели Хоменчук так и не подтянет? Так и промолчит?

Кончил Бабушкин. Все зашумели, заговорили. И тут встал Хоменчук. Поднял голову, глаза прикрыл.

Ревэ та стогнэ Днипр широкий...

Все сразу умолкли, только его и слушают. А голос у Хоменчука густой, сочный.

«Ага! — радуется Бабушкин. — Забралотак!»

Поздно разошлись ссыльные по домам.

Бабушкин лег, но, хотя устал — не спалось. И все слышал в темноте густой бас Хоменчука. «А что глаза — это ничего. Не все сразу. Главное — лед тронулся».

Вскоре выяснилось: рано радовался.

«Пельменного» заряда хватило Илье Гавриловичу всего на два дня. А уже на третий — он снова лежал, прикрывшись облезлой шкурой, вялый и безучастный. И глаза у него по-прежнему были тусклые, неподвижные. Рыбьи глаза. И даже космы — опять на лоб лезли. Будто успели за три дня снова отрасти.

«Так, — подумал Бабушкин. — Вот, значит, какая петрушка...»

Прошло несколько дней. Снова к Илье Гавриловичу пришел Бабушкин. Тот по-прежнему лежал возле огня. Казалось, все эти дни он вовсе и не вставал.

— Ого! Так можно и бока отлежать! — покачал головой Бабушкин.

— А что прикажете? Танцевать? — вяло пошутил Илья Гаврилович.

— Есть план, — Бабушкин снял меховую кухлянку, рукавицы, сел у огня. — Нужна ваша помощь.

— Опять пельмени? — по-прежнему лежа, невесело протянул Хоменчук.

— Нет, тут дело посерьезнее...

Бабушкин рассказал свой замысел. Каждый ссыльный получает «на харчи» от казны пятнадцать рублей в месяц. На эти деньги не очень-то разгуляешься. И вот он решил устроить мастерскую. Чинить прохудившиеся ведра, кастрюли, чайники, если нужно — и старое ружьишко исправить, и по дереву, если придется — тоже. Короче, мастерская на все случаи.

Инструмент кое-какой имеется. Так что можно начинать.

Он уже сегодня обошел соседние юрты, передал якутам: открывается мастерская, несите заказы.

— Ну и чините, — неторопливо раскурив коротенькую якутскую трубку, сказал Илья Гаврилович. — Чините себе на здоровье.

Он лежал на спине, глядя в низко нависший черный потолок.

— Одному не совладать, — сказал Бабушкин. — Вдвоем оно сподручней. Вот вместе с вами и откроем мастерскую.

— Шутить изволите, сударь? — возмущенный Илья Гаврилович даже надел пенсне, словно хотел получше разглядеть Бабушкина. — Вы слесарь. А я — юрист, присяжный поверенный. Я и паяльника-то никогда в руках не держал!

— Ничего, ничего, — улыбнулся Бабушкин. — Научу. И слесарем, и жестянщиком сделаю. И столяром. Говорят, из присяжных поверенных как раз превосходные столяры получают.

— Смеетесь?! — вспыхнул Хоменчук. — Я сказал — нет, и все.

— Так... Значит, нет? — Бабушкин насутился. — Значит, не хотите помочь? И это по товарищески? Одному же мне не осилить. Подсобите хоть только начать, наладить мастерскую, а там — как угодно...

Долго еще упрямялся Хоменчук, но, как ни отбивался, пришлось ему встать.

Пошли к Бабушкину.

— Во-первых, надо смастерить верстак, — сказал Бабушкин.

Два дня потратил на этот проклятый верстак. Все было трудно. Доски — где их тут возьмешь? Все же нашли. На берегу Яны откопали из-под снега старую развалившуюся лодку. Разобрали ее — вот и доски. Гвозди? Тоже раздобыли. Совсем немножко, но раздобыли. Хуже всего оказалось со столярным клеем. Нет, хоть умри. Ни плитки.

— Пока придется обойтись, — сказал Бабушкин. — А потом сварю. Я рецепт знаю. Будет не хуже фабричного.

В общем, склотили верстак. Не очень красивый. Но крепкий.

Поглядеть, как они мастерят, в юрту набилось много якутов.

Старики сидели на лавках у огня, сосали свои коротенькие трубочки и изредка — коротко и солидно — давали советы.

Тут же хозяйка пекла на огромной сковороде ячменные лепешки. Тут же ползали чумазы ребятишки.

Тесно, шумно.

С верстаком — совсем не повернуться.

Потом Бабушкин и Хоменчук налаживали инструменты.

Точили стамески и пилу. И топор наточили, как бритву. И новые рукоятки сделали — для долота и молотка.

Но инструментов было мало. Бабушкин по всем домам прошелся: у кого, может, какой-

нибудь стертый напильник завалялся или молоток, или отвертка, давно отжившая свой век.

— Дайте в долг, — говорил Бабушкин, — потом верну.

Якуты народ добрый, простодушный.

— Бери, Уйбан. Работай хорошо, Уйбан. Так они переделали на свой лад имя Бабушкина.

Это Иван Васильевич с первых дней подметил: якуты не выговаривают «в».

А один старый, совсем старый якут где-то раздобыл и принес даже тяжелую кувалду. Как только дотащил?

— На, сударский, бери.

«Сударский» — это «государственный». «Государственный преступник» — только короче и проще.

И вот мастерская готова.

Мастерская готова, а заказов что-то нет. Даже странно. Ведь якуты так поддерживали бабушкинскую затею. А теперь вот — не идут.

— Ну? — сказал Илья Гаврилович, когда и второй день прошел, а никто из «клиентов» так и не появился.

— Придут! — уверенно сказал Бабушкин. — Увидите, скоро нас с вами на части будут рвать. А пока...

Он порылся в старом хламе, извлек ржавое ведро без днища.

— Обновим?

Илья Гаврилович мельком глянул на ведро, надел пенсне, снова внимательно оглядел ведро и покачал головой. И в самом деле, уж очень скверно выглядела старая посуда.

— Ничего! — успокоил Бабушкин.

Он научил, как отодрать ржавчину; сам выкроил новое днище, потом показал, как делается шов. Такой шов, чтоб ни капли не просочилось.

— Усвоили?

Илья Гаврилович кивнул.

— Ну, действуйте.

Целый день возился Хоменчук с первым своим изделием.

— Ничего, сойдет, — сказал Бабушкин, когда Илья Гаврилович кончил.

Тот ушел. А Бабушкин подумал:

«Интересно, а какую работу я ему дам завтра? Если заказов не принесут? Главное, жести нет. Научил бы делать кружки, кастрюли. Но где достать жести?»

Утром пришел Илья Гаврилович.

Постоял у верстака.

— Ну? — усмехнулся и потрогал пенсне. — Финита ля комедия?

Бабушкин итальянского не знал, но и так понял.

— Вот что, — сказал он. — Сегодня будем отдыхать. Ведь мы уже неделю работаем. А завтра — за дело.

— За какое, простите, дело?

— Дел много, — неопределенно, но уверенно заявил Бабушкин.

Илья Гаврилович ушел.

Но где достать жести?

Вот обида. Неужели из-за того, что нет каких-то жалких двух-трех листов железа, все лопнет?

Утром опять явился Илья Гаврилович.

— Нынче я занят, — хмуро сказал Бабушкин. — Извините. Придется отложить работу на завтра.

— Заняты? — Илья Гаврилович прищурился. Мол, понимаю, все понимаю. — Ну, что ж — завтра, так завтра...

И вдруг Бабушкин надумал. Ведь так просто! Как это ему сразу в голову не пришло?! Взял починенное ведро и разрезал его на две пластины. Выровнял их деревянным молотком. Пластины стали хоть куда.

А на утро, когда пришел Илья Гаврилович, Бабушкин сказал ему:

— Сделайте кастрюлю. Шов такой же, как в ведре.

Хоменчук возился у верстака, а Бабушкин нетерпеливо поглядывал на дверь. «Ну же!.. Ну... хоть какой-нибудь заказчик...»

Но никто не входил.

Часа через три кастрюля была готова. Илья Гаврилович протянул ее Бабушкину, вопросительно глянул сквозь пенсне: видно, ждал похвалы.

— Неплохо, — сказал Иван Васильевич и повертел кастрюлю в руках. Была она кривовата и шов подгулял. — Совсем неплохо, — повторил Бабушкин. — Вот шов только надо исправить. И тут вот — вмятина.

Хоменчук снова засуетился у верстака, а Бабушкин места себе не находил.

И все же есть в мире справедливость. Дверь вдруг открылась.

Мальчишка-якут в длинном, ниже колен, соне¹ из кобылей шкуры принес помятый самовар с отломанным краном.

— Давай, давай! — крикнул Бабушкин. Он, кажется, расцеловал бы мальчонку.

А потом — пошло...

Обтянутая коровьей шкурой низенькая дверь хлопала то и дело. Принесли дырявый таз, прогоревший чайник, котелок без ручки. Последним пришел старик, принес старое-престарое ружье.

¹ Сон — верхняя одежда якутов

— Бачка, чини, — присев на корточки у огня, попросил он, видя, как Бабушкин недоверчиво оглядывает дряхлое ружье.

Оно было такое, что непонятно, как не разорвалось при первом же выстреле.

— Мне сто лет, — неторопливо бубнил старик, посасывая трубку. — Ружью сто лет. Однако, ничего... Чини, Уйбан.

«Сто лет!» Бабушкин покачал головой.

— Ну, как? Возьмемся? — спросил он у Ильи Гавриловича.

Тот водрузил на нос пенсне, солидно оглядел ружьишко со всех сторон. Даже в дуло заглянул.

— А что ж! — пожал плечами. — Сделаем!

И не раз потом Бабушкин украдкой любовался, с каким азартом бывший присяжный поверенный мастерит кастрюлю или запаивает прохудившееся ведро. Честно говоря, он не ожидал, что адвокату так полюбятся старые кастрюли да чайники. А потом Бабушкин догадался: наверно, именно потому, что руки присяжного поверенного прежде никогда в жизни не смастерили ни одной, даже самой простой, вещицы — ни табуретки, ни стола, ни шкафчика, — именно поэтому, наверно, ему так приятно сейчас делать что-то простое, нужное, делать самому, своими собственными руками.

И глядя, как бодро посверкивают его глаза за маленькими стеклами пенсне, Бабушкин радовался:

«Вот это — глаза! Такие — годятся!»

ПОСЛОВИЦЫ

Дорога к дому друга никогда не бывает длинной
(Датская)

Одно полено и в печи не горит, два полена и в степи не гаснут
(Башкирская)

Разделенная радость — двойная радость, разделенное горе — полгоря!
(Немецкая)

Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду скажет
(Русская)

Не порывай нить дружбы, ибо если придется ее связать,
то узел останется
(Индийская)

Из собрания Г. Заславского

КАМЕНЬ

Геологи нам говорят,
Что миллионы лет назад
В изящном беспорядке
В земле
Возникли
Складки.
Тогда-то родились хребты,
Озера
И утес.
И камень,
О который
Ты
Разбил
 сегодня нос.

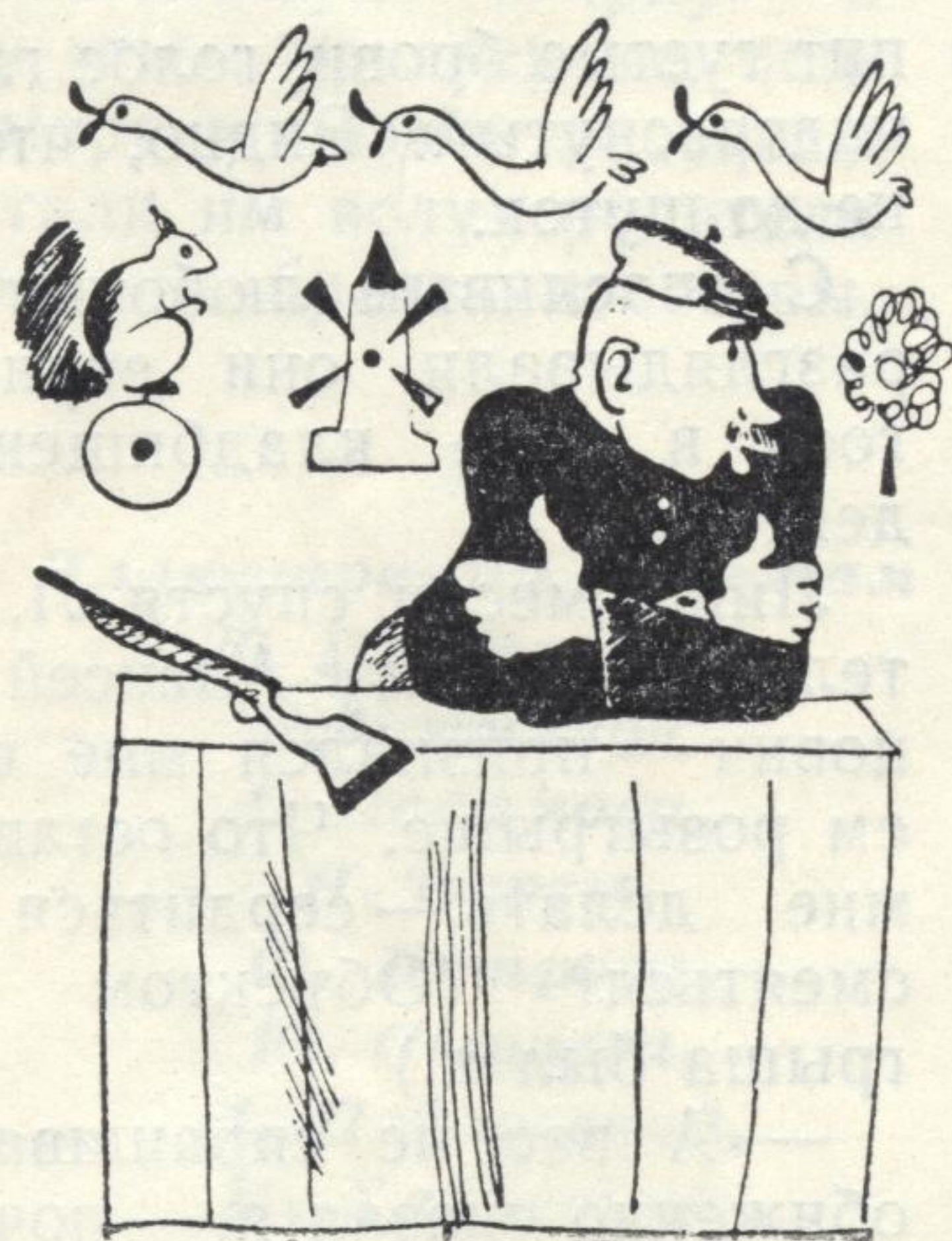
БРАТ

Плясали языки огня,
А я плясал
Вокруг костра,
Но вдруг пришла
Моя сестра
И увела домой меня.
И пожалел я
В первый раз
О том, что брата
Нет у нас —
Пришел бы он
Со мной к костру
И отлупил
Мою сестру.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

У первоклассника
Павлова Гришки
В портфеле
Три записные книжки.
На первой странице
Каждой книжки
Написано:
«Книжка
Павлова Гришки».
А кроме этого,
В книжках его
Пока не записано
Ничего.

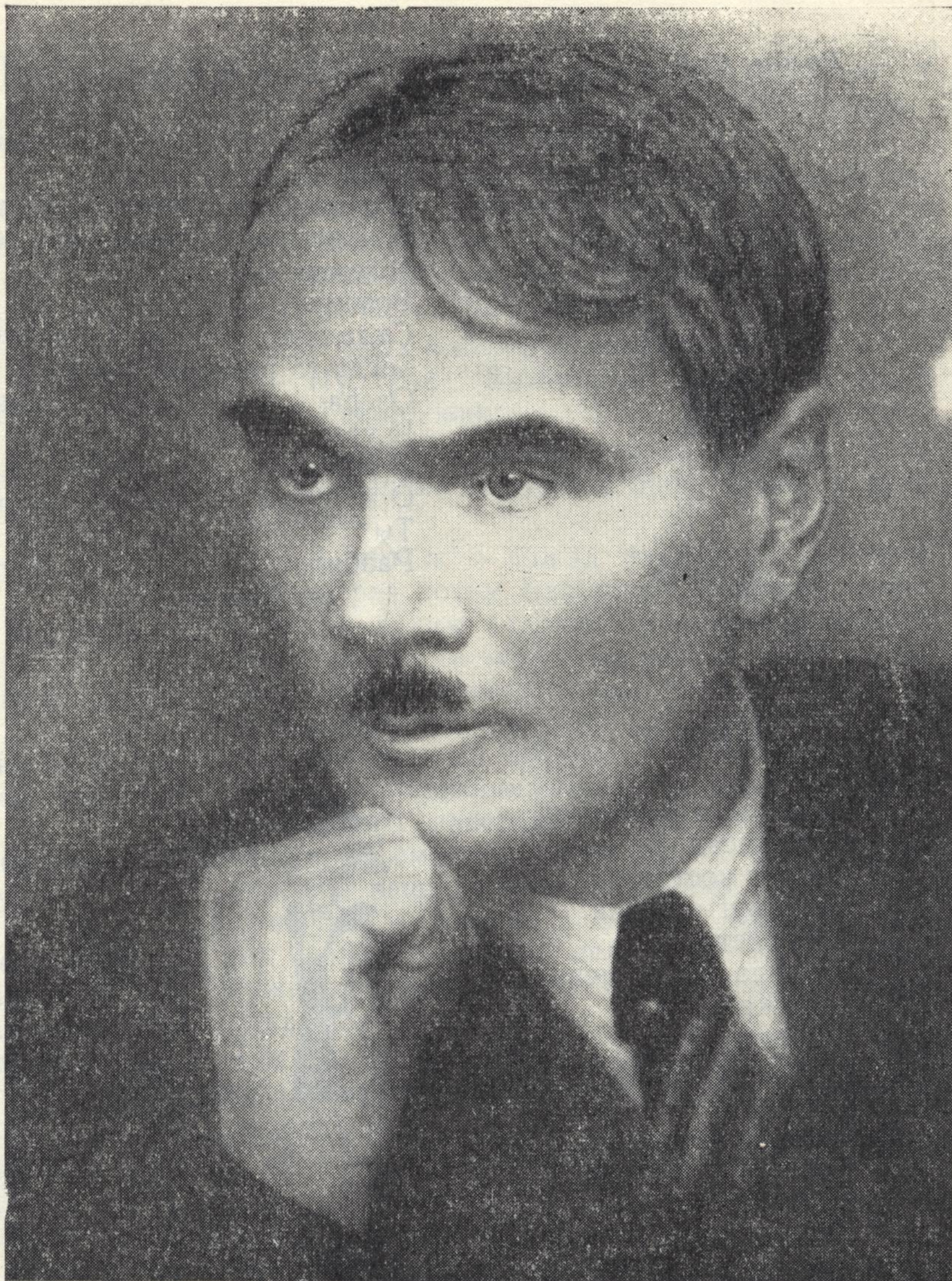
ТИР

За десять копеек
В тире у нас
Вчера я промазал
Целых пять раз.
Значит, за две копейки
У нас
Можно промазать
Как раз
Один раз.

*Л. Пантелеев
и
Алексей
Иванович*

К 60-летию со дня рождения

1950 год. Скорый поезд. В купе четверо — инженер с женой и два немолодых литератора. Впрочем, о том, что они литераторы, попутчики их не знают и, надо надеяться, не узнают: достаточно имен-отчеств. Но вот на большой станции, когда один из литераторов вышел купить газету, дама не выдержала и поинтересовалась:

— Что он такой печальный, ваш приятель?

Ответ был краток:

— Неприятности по службе.

— А что у него за профессия?

Тот неохотно объяснил, что спутник его человек способный, можно сказать, талантливый в своей области... не каждый может из рядовых могильщиков выдвинуться в заведующие кладбищем... но нынче ему не повезло: недовыполнил план.

Супруги переглянулись. Только что с ним завтракал, укладывал в чемодан пижаму — и вдруг такая, мягко говоря, экзотичная должность! Может, товарищ пошутил? Нет, рассказывает с натугой, каждое слово приходится вытягивать из него чуть не клещами. При этом су-

пит густые брови, голос глухой, надтреснутый. Видно, что ему не до шуток.

С опасливым любопытством разглядывали они вернувшегося в купе кладбищенского деятеля.

Лишь месяц спустя Л. Пантелеев — в быту Алексей Иванович — признался мне в своем розыгрыше. Что оставалось мне делать — сердиться или смеяться? (Объектом розыгрыша был я.)

— А вас не спрашивали, — обиженно сказал я, — почему у вас мрачный вид и где вы работаете?

— Не успели. Тут вы вошли с газетой.

— А если бы спросили?

Алексей Иванович пошевелил щеточкой усов.

— Ответил бы, что я ваш заместитель. Почему мрачен? Не хотел, чтобы вы или они подумали, будто я радуюсь вашей неудаче... мечу на ваше место! — И он торжествующе захохотал.

Почему я начал со столь легкомысленного примера? На мой взгляд, этот случай довольно точно, хотя и с неожиданной стороны, характеризует моего старого друга. Обычно Алексей Иванович предельно серьезен, задумчив, неразговорчив, даже угрюм — и вдруг каскад фантастических шуток, выдумок и курьезов... Казалось, откуда бы? А это и есть полнокровность таланта: человек не выпрямлен по линейке, не сплюснен и не засушен, — он весь состоит из живых, нередко противоположных, противостоящих друг другу, но зато органичных и жизнотворных молекул. Именно такова особенность Пантелеева-писателя и Пантелеева-человека.

Читателям «Костра» хорошо известен Пантелеев-писатель. Когда они еще не умели читать, они уже знали на память «Большую стирку» и «Букву «ты»; прелестные, полные юмора и поэзии рассказы эти читали им вслух родители или старшие братья и сестры.

Когда они подросли, они уже сами прочли «Часы» и «Пакет», где столько удивительных, я бы сказал — сногшибательных приключений. Там каждая строчка дарит читателю новый поворот действия, новую поразительную подробность.

Еще через несколько лет они прочитали «Республику Шкид» и «Леньку Пантелеева». В этих повестях автор описал свое многотрудное, увлекательное, озорное детство. Недаром по «Республике Шкид» поставлена кинокартина, и я не знаю, найдется ли сейчас человек лет двенадцати или четырнадцати, который бы ее не видел по крайней мере два-три раза. Уверен, что счастливая киносудьба ждет и «Леньку Пантелеева», — разве не интересно увидеть на экране, как мальчик из интеллигентной петербургской семьи стал правонарушителем и попал в школу с полутюремным режимом?

Взрослые с удовольствием перечитывают эти повести Пантелеева, ибо читать интересно их в любом возрасте. Для взрослых написаны его замечательные воспоминания о С. Маршаке, Евг. Шварце, М. Горьком, о тех, с кем встречался, дружил, у кого учился Алексей Иванович. Словом, читательская жизнь нескольких советских поколений связана с книгами Л. Пантелеева.

Пантелеев рано начал пи-

сать и печататься. Я услышал о нем еще до того, как прочел хотя бы одну его строчку. В 1926 году я учился в Электротехническом институте. Однажды мой однокурсник, известный ныне радиоинженер, со смехом рассказал мне о том, как удивился его отец, бухгалтер Ленинградского Государственного издательства, когда явились к нему получать гонорар два шкета: как иначе назвать малопочтенных и плохо одетых парнишек? Это и были авторы знаменитой впоследствии «Республики Шкид» Л. Пантелеев и Г. Белых.

Личное наше знакомство состоялось позже, и все же мы знакомы давно, и я мог бы долго рассказывать об А. И. Пантелееве (Григорий Белых рано умер и его я почти не знал). Но о Пантелееве-писателе написано много больших статей и целые книги, и я расскажу лишь о нескольких случаях и чертах характера, обрисовывающих Алексея Ивановича с разных, порой прямо противоположных сторон.

Прежде всего, Пантелеев добр, очень добр. Это выразилось не только в его любви к детям, которая видна в том, что он пишет, — он добр вообще ко всем. Например, он любит делать подарки. Делал их даже в моменты катастрофического безденежья. Как это он умудрялся, не знаю, но он вечно приносил или посылал

Иллюстрации к книгам

Л. Пантелеева

художников

А. Пахомова,

Н. Тырсы,

Ю. Петрова,

Ю. Сырнева,

Л. Подляской,

И. Харкевича

гостинцы множеству своих тетушек, бабушек, племянниц. Я не могу причислить себя к его родственникам, тем более родственницам, но и мне он делал замечательные подарки, одна идея которых требовала максимума внимания и находчивости. Так он подарил мне прекрасный набор электромонтерских инструментов в память моей работы когда-то на Волховстрое...

Правда, я не обольщаюсь ролью «избранника»: на моих глазах Пантелеев был добр и заботлив... к ослу! Как-то ранней весной мы шли с Алексеем Ивановичем по базару в южном городе. Навстречу нам брел ослик, навьюченный корзинами с огородной зеленью. Вот он остановился, тяжело раздувая бока, и хозяин стал разгружать товар. Что сделал, по-вашему, Пантелеев? Поглядел симпатичное животное? Угостил его заваливающейся в кармане конфеткой? Нет, щедрой натуре Пантелеева этого недостаточно. Он купил у хозяина осла массу моркови и редиски и на славу угостил длинноухого труженика. Тот с упоением жевал, а мы удовлетворенно смотрели на него и облизывались. Денег у нас было в обрез, а ранняя зелень на рынке стоила втридорога.

Но спорить с Пантелеевым не всегда безопасно: он очень вспыльчив. Однажды он жестоко поспорил, чуть не по-

дрался с приятелем — где? — на Красной площади в Москве! Из-за чего? Один утверждал, что фашистскими армиями, разгромленными в 1941 году под Москвой, командовал фельдмаршал Манштейн, другой — что фельдмаршал Рундштедт. К счастью, выяснилось, что оба были неправы: сначала армией командовал фон Бок, потом фон Клюге, да и какая разница? Важно, что всех фельдмаршалов прогнали из нашей страны.

Нельзя сказать, что Пантелеев аккуратист: письменный стол в чудовищном беспорядке, завален бумагами, книгами, письмами. Я понимаю, что срочная, нервная работа невольно, сама по себе, производит такой беспорядок, но почему, спрашивается, держать на столе десятки, если не сотни, писем? Ну, положи их в ящик или сложи столбиком на краю стола, обвяжи пачки писем бечевкой, оберни тугой резинкой — вот уже и больше порядка. И вдруг меня осенило: все письма должны быть обязательно на виду, чтобы ни на одно не забыть ответить. Дело в том, что Алексей Иванович аккуратнейшим образом отвечает на письма, переписывается с ним в наш век телефонов и радио одно удовольствие.

В этом строгом обычае Пантелеева очевидно сказались заветы Горького, тоже старательного корреспондента. Толь-

ко хочется предупредить читателей: не стоит злоупотреблять добросовестностью Алексея Ивановича. Когда мы находимся с ним не в одном городе, я стараюсь писать ему реже, чтобы хоть немного облегчить ему существование — не заставляя сразу же отвечать на письмо... Правда, иногда это кончается тем, что я получаю запрос с упреком — почему не пишу!

Алексей Иванович — человек увлекающийся, одержимый, горячий, резкий. И он же сверхделикатен. Помню, купил себе в магазине куртку, хотя она ему была явно мала: счел неудобным вернуть продавщице после примерки... И он же невероятно требователен к себе, по-рабочему собран и дисциплинирован. Пообещал — значит, делает. Это как раз результат нелегкой и непрерывной работы над собой. На моей памяти он постоянно испытывал свою волю. Никогда не забуду, как он бросил курить, хотя курил со времен беспризорного детства и даже в блокадную зиму в Ленинграде менял самый скудный в мире хлебный паек на табак... Но курить бросил сразу, как отрубил, когда его подстрекнул наш общий приятель (правда, не сомневаюсь, что Алексей Иванович давно жаждал этого подстрекательства, так сказать, повода со стороны). Помню, в первую неделю отвычки его от курения я ста-

рался с ним не встречаться, боясь, что он злится сейчас, как черт, и мы с ним можем поссориться. Я не знал, что к нему на следующий же день приехали дорогие ему, но курящие гости, что еще больше осложнило ему жизнь...

Но, конечно, это не главное испытание. Я не могу назвать себя лентяем, но я нестерпимо завидую тому, что Алексей Иванович постепенно приучил себя ежедневно, если не ежедневно, много и упорно работать. По его собственному признанию (да и по моим наблюдениям), у него раньше бывали периоды длительного «простоя». В юности кажется, что все еще впереди, — с годами это обманчивое чувство пропадает. Уверен, что всем нам — и детям и взрослым — полезно почаще перечитывать «Сказку о потерянном времени» Евгения Шварца, близкого друга Алексея Ивановича.

Как ни странно, в характере Пантелеева, в его манерах, внешности есть что-то от интеллигента XIX века, а говоря точнее — от интеллигентного офицера тех далеких лет: привычно щелкает каблуками, когда здоровается, быстро встает со стула, когда к нему подошли, заговорили с ним. В отличие от любого воспитанного человека, Пантелеев делает это по-офицерски отчетливо. Думается, что эта особенная, подчеркнутая учтивость отличала его и тогда, когда он был шкетом... Не-

бось так же ловко щелкал голыми пятками, когда здоровался или прощался с такими же босоногими приятелями!

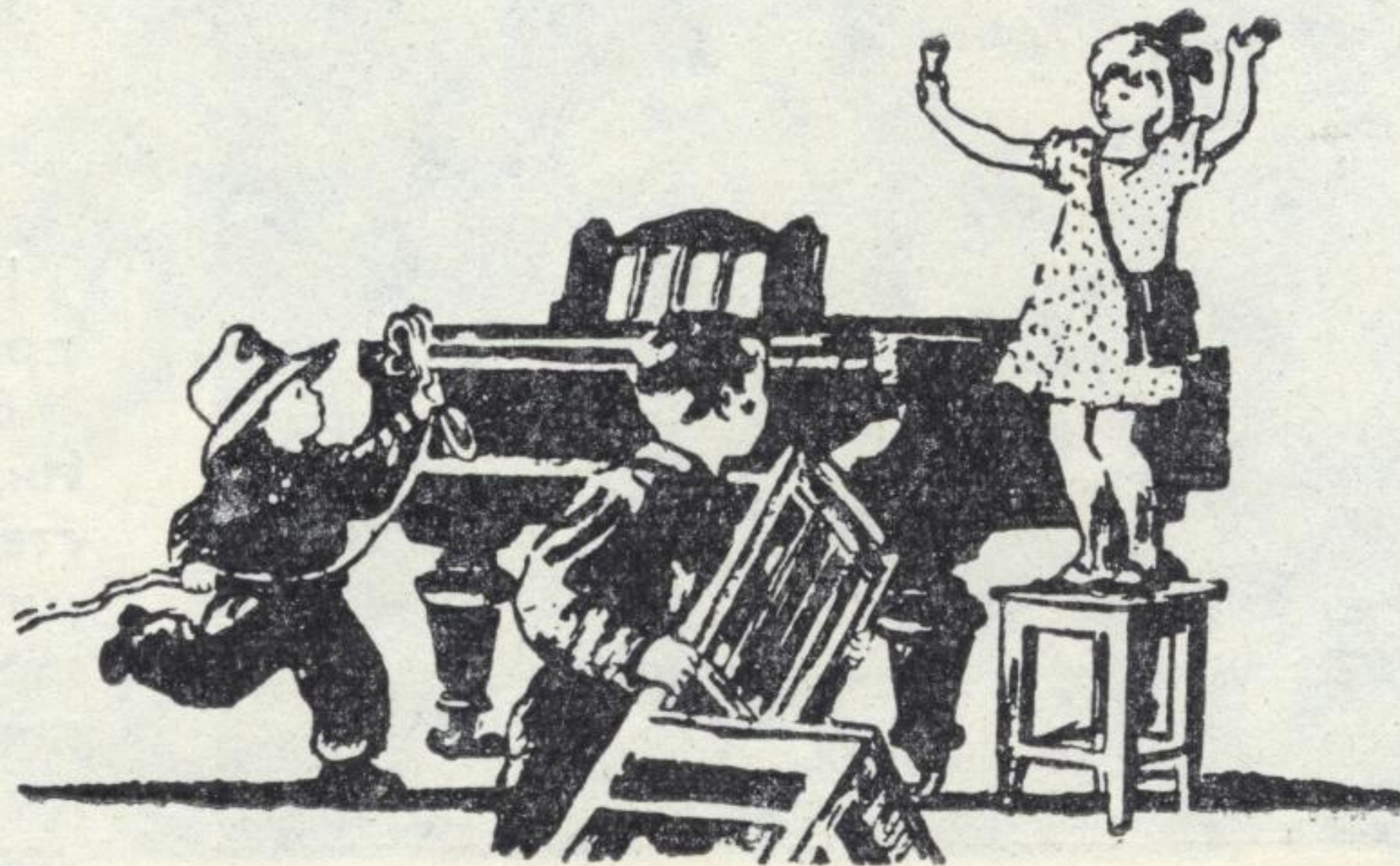
Почему я об этом говорю? Потому, что самые яркие жизненные впечатления Пантелеева — это все же его босоное детство. Отсюда, вероятно, и его любовь к детям, врожденный дар общаться с ними и в своих книгах, и в жизни. Нередко спрашивают: «Писатели все выдумывают или берут из жизни?» Вопрос этот не столь уж наивен. Действительно, существуют авторы, которые все или почти все выдумывают, и существуют другие, которые предпочитают и имеют возможность все или почти все для своих произведений брать из жизни. Короче, одни пишут небылицы, другие — были, так, казалось бы, можно сформулировать ответ? На деле все обстоит сложнее. Есть серьезные повести, в которых не найдешь и частицы правды — все придумано, сочинено, подделано и лишь притворяется жизнью. И есть небывальщины, полные мудрости, понимания людей, их характеров, — сразу видишь, что «сочинители» хорошо знали жизнь и черпали из нее целыми пригоршнями. Таковы, например, народные сказки.

Пантелеев в своем творчестве счастливо сочетает увлекательнейшие были с правдивыми небылицами. Кто может поверить, что красный

конник, попав в плен к белым, сжевал сургучную печать, и все, в том числе и он сам, вообразили, что он сжевал собственный язык? А мы читаем рассказ «Пакет» и верим — так гипнотизирует нас увлечение, с которым это рассказано, искренность интонации, безотчетный юмор. В лучших своих вещах Л. Пантелеев затрагивает не только наше воображение, но и чувства, — мы глубоко сочувствуем его героям. Без малейшей навязчивости он воспитывает в своих читателях мужество, честность, стремление поступать по совести, — это оказывается гораздо интереснее, чем воровать, мошенничать, лгать, — мы охотно убеждаемся в этом, читая рассказ «Часы». Мы понимаем, что автору можно верить не только потому, что он хорошо пишет, но еще и потому, что он многое испытал на себе.

Пожелаем же нашему общему другу — Алексею Ивановичу Пантелееву, которому исполняется в этом году, в августе месяце 60 лет, того самого счастья, которого заслуживает каждый очень хороший писатель: полностью ощутить признательность и любовь своего многомиллионного читателя. Собственно, Пантелееву легко это ощутить: стоит ему взять в руки любую свою зачитанную до дыр книгу в любой детской и взрослой библиотеке...

Леонид Рахманов

КРУГОСВЕТНОЕ КИНОШЕСТВИЕ

НЕБОЛЬШАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Евгений Рейн

Фотокадры из фильмов Г. Асатиани

НАЧАЛО КАК В СКАЗКЕ

Прекрасна Грузия. Ледяные горные пики, теплые морские волны, прекрасные города, где новые здания перемешались со старинными постройками, густые душистые леса, в которых до сих пор живут гордые и могучие олени.

Иногда в таком лесу прогрехочет выстрел, затрубит охотничий рог, мелькнет тень убегающего оленя и тени охотников, преследующих его.

Это похоже на сказку. А почти в каждой сказке появляется король.

Внимание! Король путешествует и охотится! Вот он попадает в грузинский лес и прицеливается в оленя. Тверда королевская рука, верен королевский глаз.

— Бум-уум! — гремит выстрел.
— Бум-ууууууммммммммм, — отвечает выстрелу лесное эхо.

Падает подстреленный олень, и начинается наша повесть.

Справа от короля находился еще один стрелок. Он тоже прицелился и тоже попал. Только в руках у него было оружие, совсем непохожее на ружье.

Этого человека звали Георгий Ираклиевич Асатиани, и был он по профессии, как вы уже, наверно, догадались, кинорежиссер и кинооператор.

Король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева, очень довольный

своим охотничьим трофеем, обернулся к своим спутникам и стал им рассказывать, какие удачные выстрелы случалось ему делать на охоте у себя дома, в Непале.

— Вы представляете себе, — говорил король, — двадцать боевых слонов с отточенными бивнями направляются вперед.

— Не просто это представить, — заметили королевские проводники, — мы никогда не были в Непале.

— Я приглашаю вас, — сказал король. — А вас, — он обернулся к Асатиани, — особенно, не забудьте свою кинокамеру.

ТИГР КРУПНЫМ ПЛАНOM

Наступил 1959 год, и Асатиани прибыл в Непал.

Высоко в горах Памира, между Индией и Китаем лежит королевство Непал. Самые высокие горы мира, Эверест и Анапурна, принадлежат Непалу. Самые лучшие альпинисты мира — люди из племени шерпов — живут на склонах этих гор.

Долины покрыты густыми, почти непроходимыми джунглями, их называют «тераи». В тераях водятся и слоны, и носороги, и пантеры, и самый сильный, жестокий и коварный хищник — тигр.

Асатиани спросил:

— Нельзя ли посмотреть охоту на тигра?

Министр, который прежде на все просьбы Асатиани отвечал «конечно» и «пожалуйста», немного смутился. А потом объяснил:

— Это не просто. Такая охота бывает однажды в пять лет, а прошлая была всего лишь год назад. Дело это дорогое и сложное — принимают участие в охоте 120 слонов и 2000 человек. И охотиться надо в тераях, где имеет право на добычу тигров только один человек в Непале — король. Поэтому и обращаться надо к Его Величеству, Механдре Бир Бикрам Шах Деве.

Король помялся.

— Быть может, гости осмотрят пока знаменитый храм Сваямбхунат? — спросил он. Потом подумал и добавил: — Что касается охоты на тигра, будет сделано все возможное, чтобы исполнить желание гостей.

Храм Сваямбхунат оказался прекраснее всех остальных храмов. Самый знаменитый в Непале танцующий монах исполнил перед гостями танец шестнадцати настроений. Но особенно хорошее настроение охватило Асатиани, когда он вернулся назад в столицу.

Король не забыл грузинского оленя и назначил внеочередную охоту на тигра.

В глубине тераев, на поляне поставили охотничий лагерь. Лагерь обнесли забором. Ночью дикие звери подходили к лагерю так близко, что иногда терлись боком о забор и при этом ужасно рычали.

К пятнадцати деревьям вокруг лагеря привязали пятнадцать буйволят. И на каждое из этих деревьев забрался непалец-наблюдатель.

Недолго им пришлось ждать. Огромный тигрище выпрыгнул из густой и высокой травы и одним ленивым ударом передней лапы убил буйволенка. Потом он перекусил буйволиной ножкой и отправился на водопой.

Напившись, тигр вернулся, пообедал досыта и тут же улегся отдохнуть.

Когда наблюдатель убедился, что тигр заснул, он слез с дерева и поспешил в лагерь с сообщением: «Тигр есть!»

Тогда началась облава. Десять боевых слонов наступали на тигра, а остальные слоны в это время окружали его. Охотники, не теряя времени, выкладывали перед тигром непроходимую для него преграду — полосу белого полотна.

Слон, на котором ехал Асатиани, двигался позади боевых слонов. Слон нервничал. Корзина тряслась так, что снимать со слона было совсем невозможно. По звериному за-

кону джунглей тигр и слон не трогают друг друга. И вот во время охоты слонам приходится нарушать мир.

Вероломно обманутый тигр чудовищно ревел. Понукаемые погонщиками боевые слоны сомкнутым строем двигались на тигра.

Асатиани сообразил: «Если немедленно не слезть со слона, я не успею снять самую интересную часть охоты».

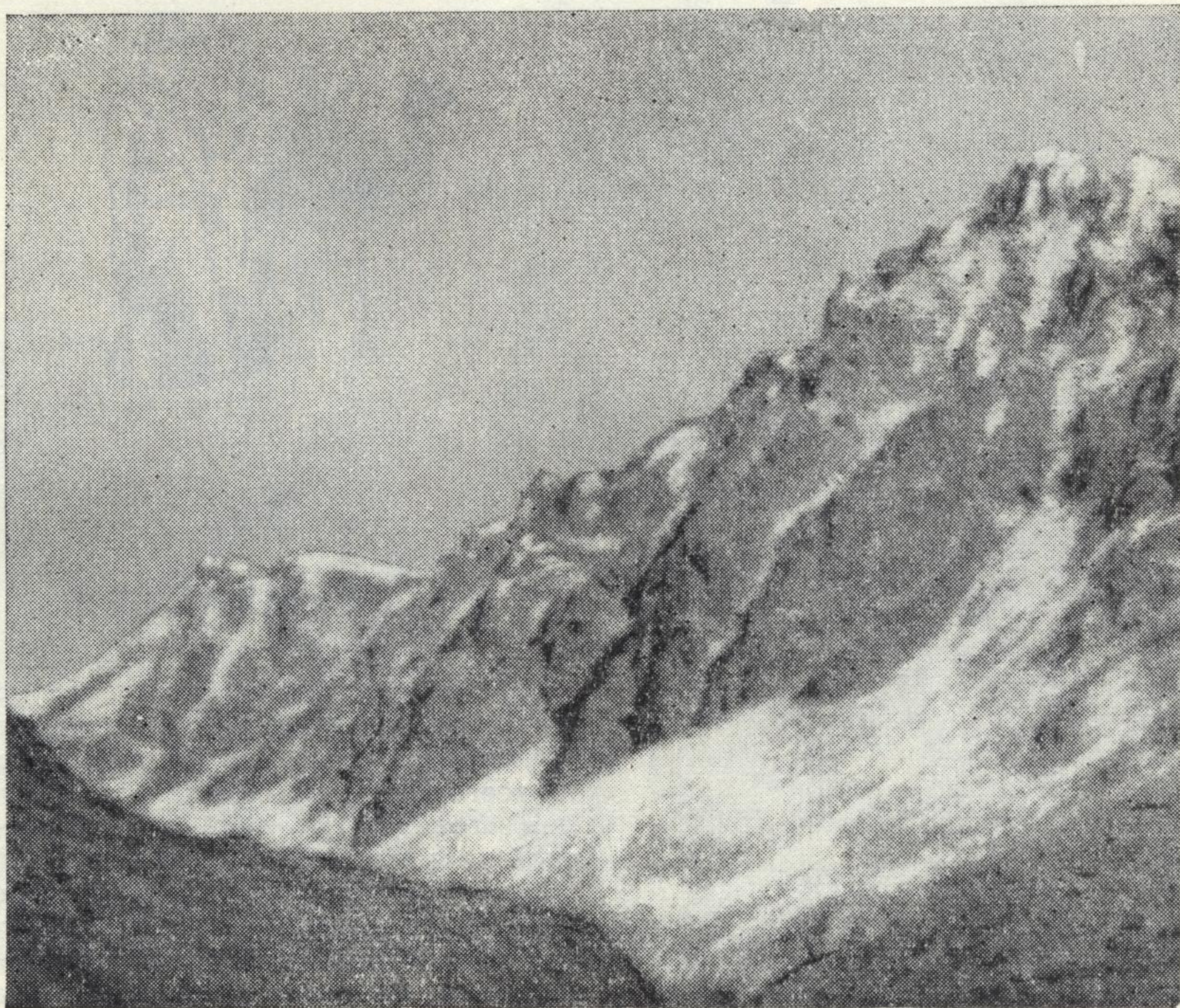
Он вскарабкался на ближайшее высокое дерево. Залез, устроился на суке, приладил камеру и только хотел снимать, вдруг что-то быстро защелкало по листьям и веткам. Опытный солдат, Асатиани понял: это очередь из автомата. Но откуда, кто стреляет?

И сразу же все стало ясно. Тяжело пролетела мимо и шлепнулась на землю пантера. Она пряталась в листве на вершине дерева и охотник, заметивший ее, решил стрелять немедленно, не тратя даже секунды на предупреждение. Чтобы пантера не опередила его пули.

А тем временем, вплотную припертый слонами, тигр бросался из стороны в сторону. Но всюду наткался на отточенные бивни. Наконец, его площадка уменьшилась до нескольких метров.

Тут король взял в руки ружье...

Кадры, снятые на этой охоте, вошли в два фильма Асатиани: «Путешествие в Непал» и «Королевская охота».

ПРИБЕЖАЛИ К СПАНИ ЙЕТИ

И все-таки самое небывалое и таинственное для европейцев в Непале — горы. Многие их вершины, ледники, хребты и склоны таинственны, не исследованы и по сей день.

Кто знает, что там может быть? Во всяком случае, легенда о первобытном снежном человеке «йети» самым прочным образом обосновалась в горах Непала.

Ходили неясные слухи, что крестьяне, горцы или монахи иногда натыкались на следы йети, а несколько раз видели его самого.

Когда Асатиани попал в Непал, всеобщий интерес к йети поднялся до самой высокой точки. Это почти в прямом смысле слова. Сразу несколько экспедиций бродили высоко в горах, и каждое их сообщение немедленно передавалось всему миру.

Задумал подняться в горы и Асатиани. Не ради йети — ради самих неповторимых прекрасных гор.

Прежде всего, надо было добраться до племени шерпов. Шерпы, выросшие на отрогах Гималаев, нанимаются в высокогорные экспедиции проводниками и носильщиками.

Но шерпы подчинены не королю, а религиозному владыке чине-ламе. Пришлось просить аудиенции у чине-ламы.

Чине-лама был милостив. Он разрешил подняться вверх, к своему народу. Зная истинную цену каждому своему слову, он попросил за всю беседу сто рупий и отпустил путешественников с богом.

В Эламбу, шерпскую столицу, поднялись благополучно. Пришлось, правда, что было сил прижимать камеры к груди. Их пытались вырвать обезьяны, обиженные тем, что путники явились к ним без угощения. Асатиани никто об этом не предупредил, — вот и вышла обезьянья обида.

Итальянец-оператор, по имени

Спани, был очень возбужден. То и дело он подносил к глазам бинокль и осматривал подернутые дымкой вершины Гималаев.

— Он там, я чувствую, он там. Не следует терять ни одного дня, коллега, — и итальянец дружески хлопал Асатиани по плечу.

Спани явился в Непал со специальным заданием — снять йети на киноленту и срочно доставить ее в Европу телевизионным компаниям.

И вот начался путь вверх. И хотя Асатиани не собирался ставить альпинистских рекордов, но разреженный воздух, трещины на ледниках, отсутствие достаточной тренировки — все это делало такое восхождение довольно-таки трудным делом.

На шести тысячах метров группа Асатиани остановилась. Залезли в палатки, заснули.

Ночью в лагере раздались отчаянные крики шерпов. Это проводники принесли синьора Спани. Он был без сознания. Остаток ночи его приводили в чувство — растирали, отпивали, освежали.

Наконец, синьор Спани очнулся. Побродил вокруг лагеря, поснимал, блистая чудесной аппаратурой. Но видно было, что чувствует он себя неважно. Да и не удивительно — шесть тысяч метров над уровнем моря, — кому из нетренированных людей это под силу? Синьор Спани спустился вниз.

Когда Асатиани, отсняв высокогорные пейзажи, вернулся в долину, местные, да уже и западные, газеты оповещали: «Снежный человек по-

зировав итальянскому телевидению. Кинолентки Спани докажут это, как только будут проявлены. Синьор Спани, не заставляйте нас ждать! Йети, добро пожаловать на экраны!»

— Чем же это кончится? — подумал Асатиани. — На что он рассчитывает?

Асатиани-то знал, что ни с каким йети Спани не встретился!

В Европу Асатиани добирался авиарейсом Бомбей—Рим. В этом же самолете оказался Спани.

Перед трапом приземлившегося в Риме самолета шумела толпа репортеров. Это встречали Спани. Прямо на летном поле он подписывал договоры, диктовал условия, назначал цены.

Асатиани с трудом пробрался через эту толпу.

— Чем же все-таки это кончится? Откуда он возьмет йети?

В таможне Асатиани не выдержал, подошел к Спани и спросил его.

Спани беспокойно улыбнулся.

— А, как-нибудь обойдется. Есть, кажется, такая русская поговорка: «Бей железо молотком, пока оно расплавленное».

Итальянец заговорщицки подмигнул Асатиани и бережно понес к выходу сумку со своими драгоценными пленками.

Как он выпутался из этой истории, неизвестно. Но, наверно, не без успеха, потому что вскоре отправился в дебри центральной Африки искать таинственные дикие племена, о чем и сообщили итальянские газеты.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

В 1961 году Асатиани оказался в Северной Африке, в Марокко. Однако внимание его, впрочем, как и всего мира, было занято в эти дни страной, соседней с марокканской территорией, — Алжиром.

Жестокая, беспощадная война между национальной армией Алжира и французскими колониальными войсками достигла предельного на-

пряжения. Успехи восставшего народа были несомненны, Алжир стоял на пороге освобождения.

Асатиани решил пересечь на автомобиле Сахару и разыскать на алжирской территории партизанский отряд или армейскую часть.

Путешествие через Сахару всегда опасно. Самое неприятное — отказавший мотор. Это и случилось.

Двигаться пешком до оазиса — единственный выход. Во всяком случае, это лучше, чем ждать. И Асатиани двинулся через пески величайшей пустыни мира.

Вроде бы тут было не до съемок. Но кинокамера включена, и всякий день является съемочным.

Ведь каждую минуту перед объективом может возникнуть что-то новое, небывалое, удивительное.

Камера не должна пропускать ничего. Не пропустила она и того, как из-за бархана вышел одногорбый африканский верблюд-дромадер. На нем восседал человек в синем бурнусе с винтовкой за плечами. За первым верблюдом показались другой, третий. Это был караван.

Когда караван приблизился, стало заметно, что не только бурнусы, но и кожа у людей синего цвета.

Асатиани оказался в плену у синих людей Сахары — туарегов.

Что, казалось бы, в Сахаре, в бесконечной, безводной Сахаре может быть менее нужно, чем соль?

Но это только кажется. Соль, быть может, стоит на втором после

воды месте в списке сахарских нужд.

С незапамятных времен туареги перевозят соль через Сахару. От соляных разработок в Бильме за пятьсот километров на рынок в Агадессу идут нагруженные солью верблюды. На них синие люди.

Единственная одежда туарегов — их бурнусы, выкрашенные синей краской индиго. Мыться в Сахаре негде, год за годом краска въедается в кожу. Человек синеет.

То, что у других людей кожа белая или черная, не удивляет туарега. Он и внимания не обращает на это. Подумаешь, эка важность, цвет кожи! Зато там, где глаз белого различает только однообразный верблюжий цвет, туарег видит шестнадцать оттенков верблюжьей шерсти.

Верблюд кормит туарега, перевозит его семью, защищает его от бури, песка, ветра. Ничего не надо туарегу, кроме хорошего верблюда и груза соли.

Но это были не те туареги... С ними не было соли и было слишком много оружия.

Однажды, когда караван проснулся, чтобы продолжать путь, оказалось, что он сам захвачен в плен. Под дулами карабинов туареги побросали свои винчестеры.

Туареги оказались французскими лазутчиками, окружившие их бедуины — бойцами алжирской армии.

Бедуины отконвоировали захваченный караван на одну из парти-

занских баз. Так Асатиани попал, наконец, к месту назначения.

Теперь он жил заодно с отрядом освободительной армии Алжира. Спал в окопах на передовой, ходил по ночам в разведку, пробираясь на территорию противника. Слева и справа шли бойцы с оружием, у Асатиани в руках была кинокамера.

Здесь Асатиани снял один из самых лучших своих фильмов — «Алжирский дневник».

Был, наконец, подписан мир. Образовалась Алжирская республика. Асатиани собрался домой.

Лейтенант Юсуф Ларби, охранявший его в перепалках военного времени, на прощание снял с руки кольцо. Простой серебряный перстень. Вероятно, ювелиры оценили бы его недорого.

Но истинная цена этого кольца была так высока, что деньги вообще не измеряли ее. Это был талисман, из рода в род переходивший к воинам в семье Ларби, хранивший их от пули, кинжала, предательства.

— У нас теперь мир, а с тобой может всякое случиться, возьми, — сказал лейтенант.

Когда в Алжире дарят — нельзя отказываться, Асатиани взял.

Через два дня лейтенант Ларби был убит. Выстрелы еще гремели в Алжире, такие войны сразу не затихают. Кольцо лейтенанта Ларби и сейчас у Георгия Ираклиевича. Но, конечно, Асатиани не забыл бы Алжира и без кольца. Такое никогда не забывается.

СИНДБАД-МОРЕХОД

Итак, мир в Алжире был подписан. Асатиани вернулся в Марокко и начал снимать сразу несколько фильмов о Северной Африке.захотелось ему вставить в фильм эпизод о ловле знаменитых марокканских сардин в Средиземном море.

Без пропуска портовых властей выход в море был запрещен. Асатиани получил такой пропуск и стал подыскивать себе судно и капитана. Выбор был велик.

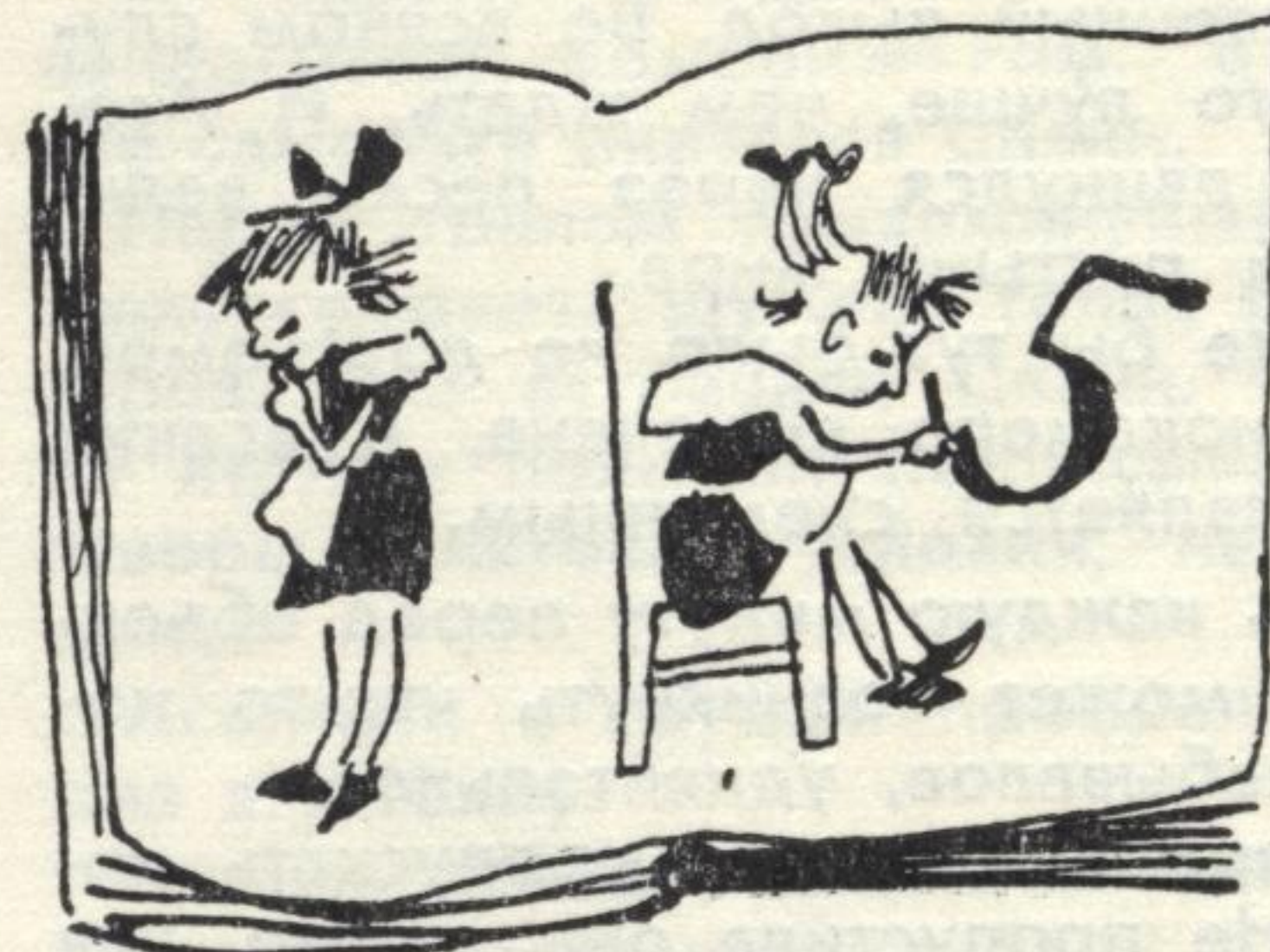
Окончание следует

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПОЛНОСТЬЮ НАПЕЧАТАННЫЕ В «КОСТРЕ» № 5, ОБСУЖДАЕТ ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД ИМЕНИ ФЕЛИКСА ДЗЕРЖИНСКОГО 74-й ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ.

У меня есть подруга Л. Однажды она поставила себе в журнал пять. У меня не хватило духа сказать о подруге. Что делать?

Таня

Марина Фонарева:

— Конечно, ставить себе в журнал отметки нехорошо, но Таня тоже не права. Почему она считает, что должна была говорить «о подруге». Мне кажется, она прежде всего должна была сказать «подруге», чтобы та поняла, что совершила плохой поступок и сама призналась в этом учительнице.

Вот если я увижу, что моя подруга ставит себе в журнал пятерку, неужели я пойду говорить об этом учительнице? Конечно же, нет! Я поговорю с подругой, постараюсь ее убедить, что это очень некрасивый поступок. А уж после разговора она бы, конечно, не выдержала и сама извинилась перед классом и учительницей.

У тебя, Таня, как ты пишешь, «не хватило духа сказать о подруге». Так это даже хорошо!

Плохо, что не хватило у тебя духа и силы воли сказать подруге честно и прямо в глаза.

Сереза Петренко не совсем согласен с Мариной:

— Вот ты говоришь, что надо было Таниной подруге прямо в глаза сказать. А может быть, у нее такой характер, что она никого не слушает и чихать хотела на то, что ей скажут, вот как наш Саша Курганов, ведь такие люди просто не обращают внимания на замечания, не реагируют, и все...

Марина не выдержала:

— Так что же, по-твоему, ее по головке гладить надо за такой характер и молчать?

Сереза:

— Зачем же по головке, надо было ее в тот же день на совете отряда разобрать, товарищеский суд устроить...

У нас в классе все от меня отвернулось за то, что я не стала председателем отряда.

Надя

Лена Бавчинская:

— Я очень хорошо понимаю Надины обиды, потому что в прошлом году, когда я училась в 312 школе, тоже была председателем совета отряда 5-го класса. И тоже почти все поручения приходилось выполнять самой, потому

что пока допросишься у ребят сделать что-нибудь, все сроки проходят. Даже стенгазету мальчишки выпускали только за то, что я им давала списывать домашние задания. Только на этих условиях! Я знала, что поступала не-

хорошо, но рисовать-то сама не могла... И вообще в отряде было так, как будто пионерская работа нужна только мне одной и больше никому.

Конечно, мне было обидно, очень обидно. Порой опускались руки и ничего не хотелось делать, я тоже на совете отряда и на совете дружины говорила, что не хочу и не умею руководить отрядом, но никто в нашем отряде больше не хотел быть председателем и так я мучилась весь год, пока не ушла из той школы. Наверно, при выборах председателя надо все-таки считаться с желанием, а у нас еще иногда избирают в актив по принципу «лишь бы не меня».

Лена Иванова:

— Все-таки, мне кажется, и Надина вина есть в том, что класс отвернулся от нее. И

Разве в четырнадцать лет нельзя дружить с мальчиком или вести личный дневник? Можно ли читать чужие дневники без спроса!

л. т.

Лариса Замятина:

— «Я считаю, что с мальчиком можно дружить не только в четырнадцать лет, но и в двенадцать, и в десять. И даже с первого класса. И дневник вести можно, только, конечно, здесь еще надо разобраться, как дружить и что записывать в дневнике. Мне кажется, что у девочки, которая написала в редакцию, как раз очень хорошая дружба. И что удивительного, если девочке захотелось написать о своем друге в дневнике. Учительница, конечно, была неправа, когда прочитала дневник всему классу и сказала: «Рано еще дружить с мальчиками!» А упреков товарищей бояться не следует. Если боишься, тогда не надо дружить. У нас в классе тоже бывает, когда подсмеиваются над мальчишками, которые дружат с девочками, дразнят: «жених и невеста!». Но если на это не обращать внимания, они скоро перестанут смеяться. Ведь дразнят-то «в шутку», а дружба, если она настоящая, это всерьез.

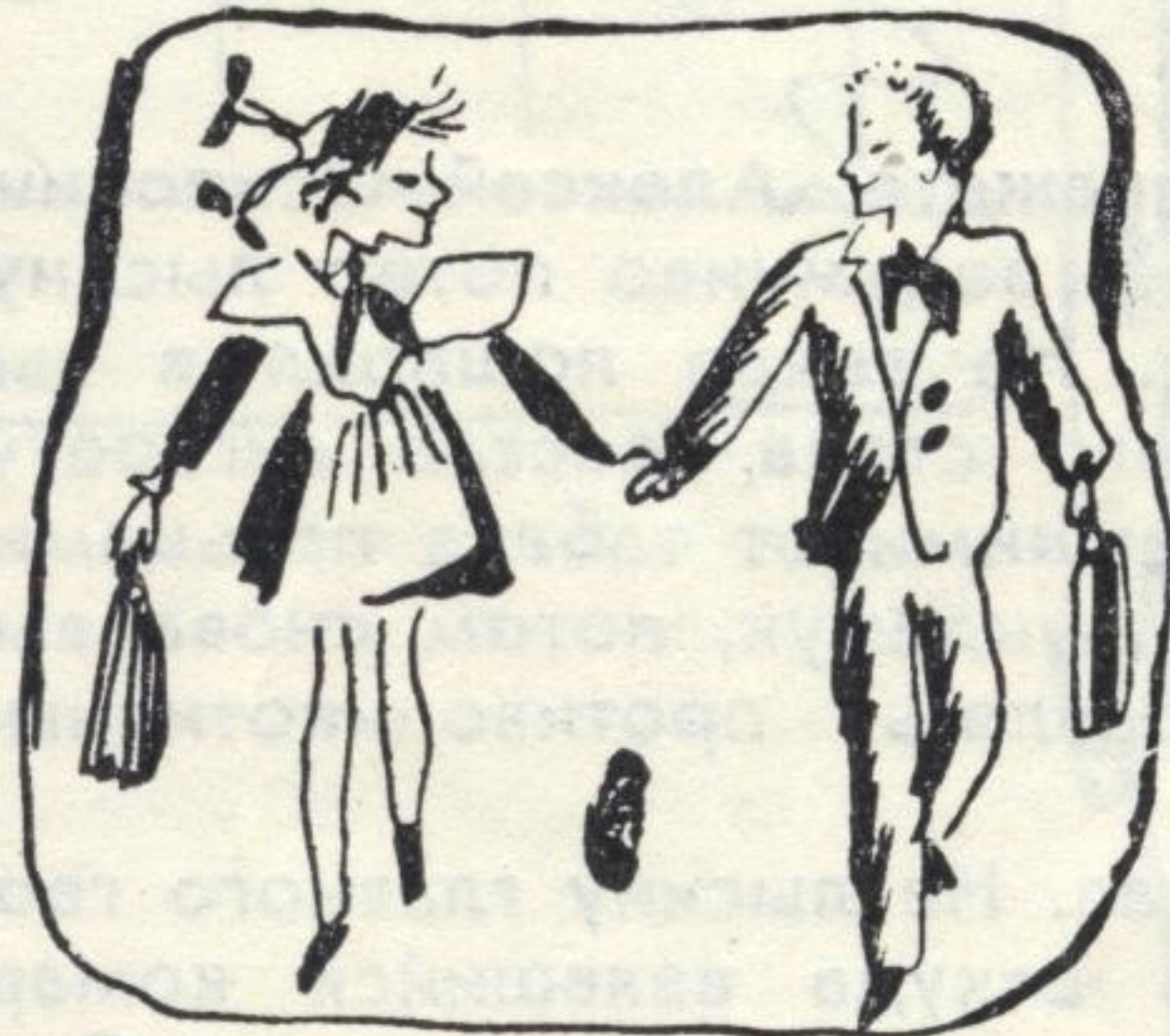
Рита Накова:

— А вообще с мальчиками даже интереснее дружить, чем с девочками. С ними можно по-

Наде надо бы не торопиться обвинять весь отряд, а прежде всего, как говорят, поискать причину в себе самой. Ведь если мы требуем уважения, внимания от окружающих, надо и самим уважать их. А вот в письме Нади чувствуется, что она сама противопоставила себя коллективу. «Меня всяко отругали, а вот если сами получают двойки, то это ничего». Мне кажется, не надо Наде уезжать в другой город, не надо бежать от ребят. От людей-то никуда не убежишь, разве что на необитаемый остров.

Вот если Надя найдет в себе силы откровенно поговорить с ребятами, попросить у них совета, как ей быть, поделиться своими сомнениями без зла, обид, наверное, в классе найдутся такие девочки и мальчики, что поймут Надю и помогут ей.

Я почему-то уверена, что не могут в классе все ребята без исключения быть плохими.

говорить обо всем: о книгах, о космосе, о технике. Они никогда не сплетничают и о людях болтать не любят. Да и занятия у мальчиков всегда какие-то интересные: то они приемник собирают, то модели испытывают, то марки коллекционируют.

(При этих Ритиных словах мальчишки будто по команде все сразу заулыбались, а девочки наоборот обиженно зашептались и посмотрели на Риту с неодобрением.)

Ваня Комарчев:

— Вот я только не понимаю, зачем носить в школу личный дневник? Личный дневник — это все-таки тайна. А девчонки еще плохо умеют хранить тайны.

Лариса Замятина:

— Ваня прав. Я согласна с ним, что личный дневник — самое сокровенное, и, конечно же, его не стоит носить в школу, ведь там не сочинение на вольную тему, которое читается вслух как образец. Это мысли и чувства, которые записываются для себя, и надо уметь их хранить.

ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ,
ГДЕ АВТОРЫ, СМЕНЯЯ ДРУГ ДРУГА,
ПРИДУМЫВАЮТ ГЛАВУ ЗА ГЛAVOЙ

ГЛАВА III

А. Шалимов

— Ну и что вы на это скажете, Алексей Осипович? Главный геолог экспедиции задумчиво потер лысину, кашлянул, покачал головой. Не глядя пошарил в выдвинутом ящике письменного стола, достал сигарету, долго разминал ее пожелтевшими от табака пальцами; заправил было в янтарный мундштук, потом снова вытащил и принялся поправлять противоникотинный фильтр.

Кавтарадзе терпеливо ждал. На лысину главного геолога опустился неизвестно откуда взявшийся комар. Кавтарадзе неожиданно для себя загадал: если Савченко сейчас прихлопнет комара, то вся эта дурацкая история, на которую он — начальник геологической партии Элгуджа Кавтарадзе — уже потерял полдня, окажется именно тем, чем ей и полагалось бы быть — бесстыдной выдумкой...

Савченко прихлопнул комара и растер его в пальцах, бормоча:

— Ты смотри... В Ленинград залетают, негодяи: на Средний проспект...

— Лето дождливое, Алексей Осипович, — заметил Кавтарадзе.

Савченко раскурил сигарету, встал, подошел к геологической карте Ленинградской области, висевшей на стене кабинета, и принялся что-то рассматривать на ней, глядя поверх очков.

— Сельцы вот тут, — сказал он наконец и провел по карте пальцем. — Три года назад мы возле них скважину хотели бурить...

Кавтарадзе превосходно знал, где находятся Сельцы, но о скважине слышал впервые.

— Скважину ту не утвердили, — продолжал Савченко, почесывая за ухом. — А между прочим, жаль... Место там первый сорт. Рыбы на озере... Ведром брать можно. Я там в шестьдесят втором щучку взял... Во!..

Он показал руками, какая была щука.

— Э-э, Алексей Осипович, значит, в том месте и раньше чудеса случались, — невинно заметил Кавтарадзе.

Савченко бросил на него сердитый взгляд поверх очков.

— Насчет щуки я вполне серьезно...

Кавтарадзе подумал, что и тот забавный волосатый дядька Марков или как там его, так же вот перед

Подошла очередь писать мне, и ситуация уже настолько запуталась, что я решил — без геологов не обойтись. Ведь геологи привыкли разгадывать всякие загадки... Поэтому я попросил вмешаться моего приятеля — Алексея Осиповича Савченко.

Рисунки А. Сколозубова

уходом сказал: «На счет этого дерева я вполне серьезно... Вы не сомневайтесь, товарищ геолог, простите, не выговору ваше имя-отчество...»

— Твой второй поисковый отряд где базируется? — поинтересовался вдруг Савченко.

— В Лепишках, Алексей Осипович.

— М-да, далековато... Тогда вот что, Элгуджа, придется тебе самому в Сельцы съездить и этого почтаря Нефедова отыскать. И если он...

— Алексей Осипович!..

— Если этот почтарь существует и подтвердит хоть что-нибудь, придется сторожку обследовать. И не просто, а с радиометром!

— Куры в Сельцах засмеют, Алексей Осипович.

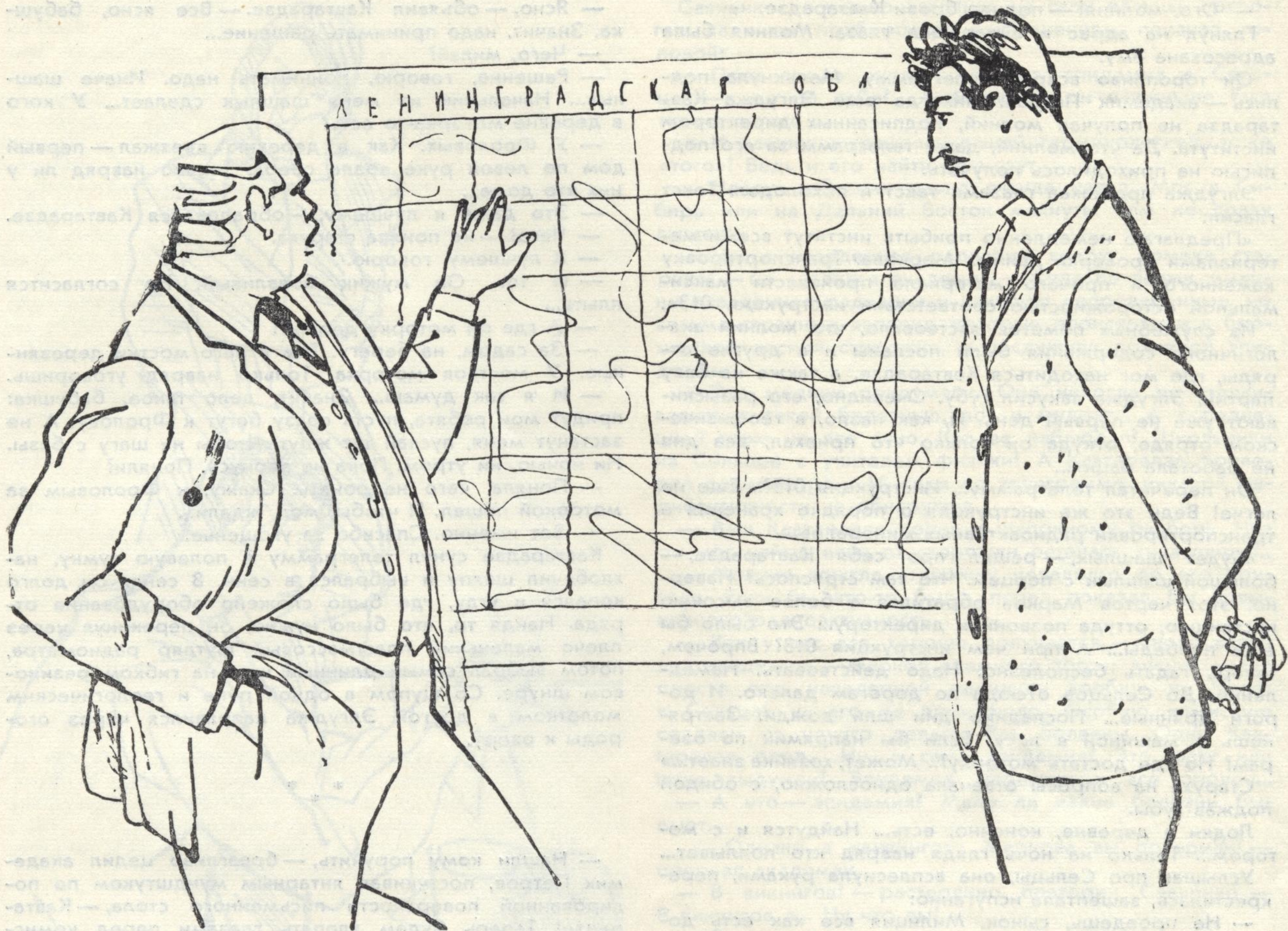
— Ну и шут с ними, с курами... от смеха никто не помер.

— Неужели вы...

— Я тебе вот что, Элгуджа, скажу. Перед войной работал я в Приморье, на Дальнем Востоке. И пришел ко мне однажды дед-нанаец. Наверно, лет сто ему было с гаком. Принес, понимаешь, кусок кварца — простого белого кварца. И рассказал легенду про Золотую падь. Красивая легенда! Мол, золота там лежит под ногами великое множество. Да люди не видят его, а не видя — не верят, что оно там есть... И сотни, мол, лет проходят мимо своего счастья. Он тоже проходил не раз... Не воспользовался. И хочет он теперь, на закате жизни, чтобы внуки его это счастье своими руками взяли. Нараспев он это рассказывал, с волнением, со слезами... Ну, словом, все его за чокнутого принимали, никто, конечно, не верил, а он все ходил с одного рудника на другой и этот свой белый кварц всем показывал...

— Интересно, — не без ехидства заметил Кавтарадзе, — а вы ему, конечно, сразу поверили...

— Я ему, конечно, тоже не поверил, — спокойно продолжал Савченко. — Нет, не поверил. Но этот его кварц дал на анализ. Чем черт не шутит... И оказалось, в нем столько золота, Элгуджа, мелко рассеянного, что я вначале подумал, не спятили ли химики. Оказалось, не спятили... Нашли мы эту Золотую падь. И месторождение золотое, богатое, между прочим, именем того нанайского деда окрестили. Вот так, Элгуджа. Конечно, случается и брешут, когда приходят со всякими заявками, или по незнанию обращаются, но раз обратились, надо проверить. Просто необходимо...

— Алексей Осипович, когда заявка на руду, кто станет спорить? Но тут-то: сказка тысяча и одной ночи... Какое отношение к геологии имеют призраки викингов или «ведьино дерево»? Разве это наше дело? Завтра какая-нибудь бабка в Лепишках явление богородицы узрит; вы тоже проверять пошлете? У меня план... Кто выполнять будет? По-моему, так: пусть этот дядя идет в милицию, в газету, в исполком, еще куда-нибудь. Ведь он же прямо сказал: «Пришел в ваш институт, потому что живу рядом». Где логика? Был бы рядом пивной завод, он туда пошел бы. Нельзя так! Он чуть-чуть ненормальный, сразу видно. А вы проверять... Радиометром! Даже слушать досадно!

— Ну ладно, ты, Элгуджа, зря разошелся... Я тебя не сию минуту посылаю. Поедешь во второй отряд и заверни в Сельцы по дороге...

— Ничего себе по дороге!..

— Завернешь. А сам не сможешь, поручи кому-нибудь из ребят. Людям надо верить. Ты вон как: я тебе про шуку сказал, а ты сразу что подумал? Вот то-то и оно... В следующий приезд в Ленинград доложишь, как и что... Ну, а если этот Марков того, — Савченко покрутил пальцем у виска, — что поделаешь... Разные бывают заявки. Пустых, Элгуджа, всегда больше.

Кавтарадзе не сразу собрался съездить в Сельцы. Вспоминал диковатый рассказ Маркова, хмурился... Обязательно засмеют... Сам же Савченко потом изде-

ваться станет: вот, мол, наш начальник поисковой партии Кавтарадзе ездил проверять, кто в Сельцах на помеле летал... Вай-вай, посмешищем станешь. Ребята в экспедиции зубастые... Еще и в стенгазете продернут... Надо же было в то злополучное утро приехать в Ленинград! Не приехал бы, и послали бы этого Маркова к кому-нибудь другому... Иногда Кавтарадзе вспоминал про комара, которого в тот день прихлопнул Савченко. Становилось легче: если вовремя загадал и получилось, значит, так и есть. Конечно, в Сельцы он как-нибудь съездит, но разговаривать там будет осторожно...

Однако вскоре события приняли неожиданный оборот. В пятницу вечером Кавтарадзе приехал в Лепишки на базу второго поискового отряда. Никого из ребят на базе не было — не вернулись из маршрутов. Хозяйка, у которой снимали пол-избы, принесла Кавтарадзе холодного молока, свежееиспеченного ржаного хлеба. Пока он пил молоко, негромко рассказывала:

— Дотемна работают твои парни-то. И что за работа. Ходят и ходят... Уйдут чуть свет, а придут затемно. Тут вот днем телеграмму принесли. Может, чего срочного. А они когда приволокнутся...

— Кому телеграмма? — поинтересовался Кавтарадзе, наливая еще молока.

— Фамилии какое-то мудреное. Да я их по фамилиям не знаю. Я их всех по имени кличу.

Она ушла в свою горницу и тотчас возвратилась с телеграммой.

— Ого, молния! — поднял брови Кавтарадзе.
Глянул на адрес и вытаращил глаза. Молния была адресована ему.

Он торопливо вскрыл телеграмму. Мелькнула подпись — академик Петров. Никогда еще Элгуджа Кавтарадзе не получал молний, подписанных директором института. Да что молний, даже телеграмм за его подписью не приходилось получать.

Элгуджа пробежал глазами текст и похолодел. Текст гласил:

«Предлагаю немедленно прибыть институт всеми материалами проверки данных Маркова. Транспортировку каменного и прочего материала произвести максимальной осторожностью соответствии инструкции 013».

Из служебных пометок явствовало, что молнии аналогичного содержания были посланы и в другие отряды, где мог находиться Кавтарадзе, а также на базу партии. Элгуджа закусил губу. Очевидно, его разыскивают уже не первый день. И, как назло, в геофизическом отряде, откуда он только что приехал, два дня не работала рация...

Он перечитал телеграмму... Инструкция 013?... Еще не легче! Ведь это же инструкция о порядке хранения и транспортировки радиоактивных минералов...

«Будет шашлык, — решил про себя Кавтарадзе, — большой шашлык с перцем. Что там стряслось? Наверно, этот чертов Марков обратился в более высокую инстанцию, оттуда позвонили директору... Это было бы еще полбеды... А при чем инструкция 013? Впрочем, теперь гадать бесполезно. Надо действовать. Немедленно. До Сельцов отсюда по дорогам далеко. И дороги дрянные... Последние дни шли дожди. Застрянешь с машинсой в лесу. Если бы напрямик по озерам? Но где достать моторку?... Может, хозяйка знает...»

Старуха на вопросы отвечала односложно, с обидой поджав губы.

Лодки в деревне, конечно, есть... Найдутся и с мотором... Только на ночь глядя навряд кто поплывет...

Услышав про Сельцы, она всплеснула руками, перекрестилась, зашептала испуганно:

— Не проедешь, сынок. Милиция все как есть дороги перекрыла. И на протоке из нашего озера кордон поставили. Мышь не проскочит. Эпидемию там какую-то нашли. Кого в больницу забрали, кому на месте уколы дают. Из нашей больницы, почитай, всех врачей туда взяли. И всё через старого лесника, не будь к ночи помянут. Давно про него с матерью худое говорили... Накликал беду и сбежал неведомо куда...

«А дело-то все больше запутывается, — соображал Кавтарадзе. — Вот тебе и загадал на комара... Это, конечно, тот лесник, про которого рассказывал Марков...»

— А что за эпидемия?

— Да кто ее знает. Одни говорят, мол, ровно подурели все в Сельцах, с ума рехнулись, а другие, — старуха оглянулась и, наклонившись к самому уху Кавтарадзе, зашептала, — другие такие страсти рассказывают: мол, люди там в диких зверей переменяются — шерстью все обросли: и мужики, и бабы, и дети малые. Все как есть от самых глаз по ноги...

— Выдумают тоже! — не выдержал Кавтарадзе, но тут вспомнил буйноволосого, заросшего до самых глаз густой рыжей щетиной Маркова и осекся.

— Ребята мои знают про эти разговоры? — спросил он после короткого молчания.

— Может, и слышали чего, — неохотно ответила хозяйка, снова обидчиво поджав губы.

— Когда же все началось?

— Это чего?

— Ну, милиция и разговоры разные.

— Да болтают с неделю, а милиция — второй день.

— Ясно, — объявил Кавтарадзе. — Все ясно, бабушка. Значит, надо принимать решение...

— Чего, милай?

— Решение, говорю, принимать надо. Иначе шашлык... Начальник из меня шашлык сделает... У кого в деревне моторка-то есть?

— У Фроловых. Как в деревню въезжал — первый дом по левой руке возле озера. Только навряд ли у них кто дома...

— Это даже к лучшему, — обрадовался Кавтарадзе.

— Чего? — не поняла старуха.

— К лучшему, говорю.

— И то... Он мужик боязливый. Не согласится плыть...

— А где он моторку держит?

— За садом, на берегу. Там у него мостки деревянные. У мостков моторка. Только навряд уговоришь.

— И я так думаю... Значит, дело такое, бабушка: придут мои ребята, пусть сразу бегут к Фролову. А не застанут меня, пускай тут ждут. Чтобы ни шагу с базы. Ни ночью, ни утром. Пока не вернусь. Поняли?

— Поняла, чего не понять. Скажу, к Фроловым за моторкой пошел. И чтобы, мол, ждали...

— Вот именно. Спасибо за угощение.

Кавтарадзе сунул телеграмму в полевую сумку, нахлобучил шляпу и выбрался в сени. В сенях он долго копался в углу, где было сложено оборудование отряда. Найдя то, что было нужно, он перекинул через плечо маленький пластмассовый футляр радиометра, потом выбрал самый длинный щуп на гибком резиновом шнуре. Со щупом в одной руке и геологическим молотком в другой Элгуджа направился через огороды к озеру.

* * *

— Нашли кому поручить, — брезгливо цедил академик Петров, постукивая янтарным мундштуком по полированной поверхности письменного стола, — Кавтарадзе! Теперь будем хлопать глазами перед комиссией! Вы его телеграмму видели? Бред какой-то...

Савченко со вздохом пожал плечами. Возражать было нечего, да он предпочитал и не возражать начальству, особенно когда начальство сердилось.

— Подумать только, — продолжал академик, — на территории, где мы столько лет ведем работы, происходят совершенно невероятные события, а мы узнаем об этом последними. И когда от нас требуют объяснений, мы ничего объяснить не можем. А почему? Потому, что мы не знаем, что творится у нас под носом. Позор! Ну что вы молчите, Алексей Осипович, скажите хоть что-нибудь.

— Поначалу все это не выглядело так серьезно, — пробормотал Савченко. — Да и этот Марков показался мне — того...

— И ничего вас не насторожило в его рассказе?

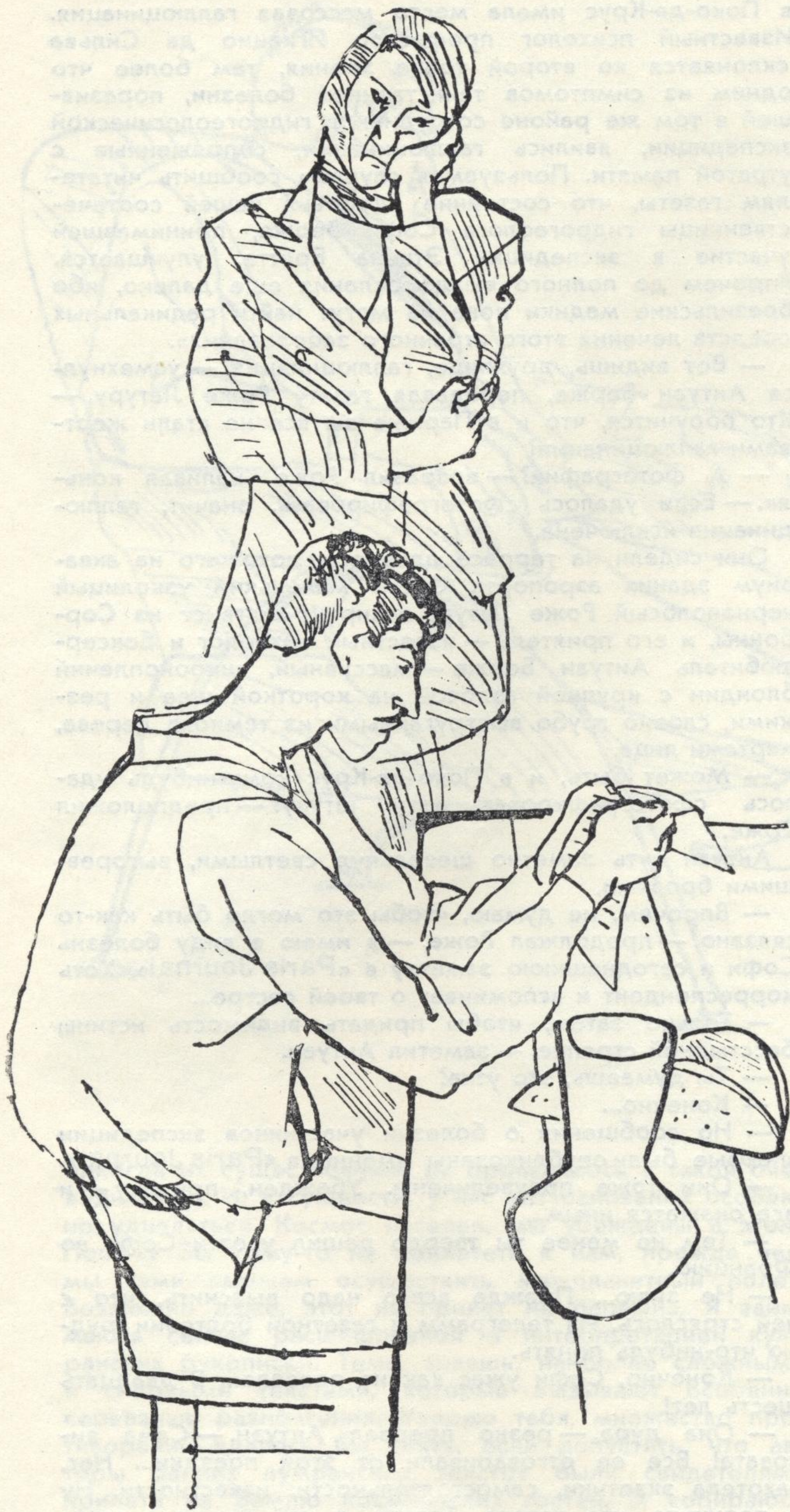
— Я дал указания Кавтарадзе...

— Не напоминайте мне о нем! — подскочил в кресле академик. — Не хочу слышать этой фамилии. Называется, начальник партии! Сначала его нигде не найти. Потом, когда его уже ждут в институте, он оказывается задержанным милицией. И за что? За угон моторной лодки. Нашел время для рыбной ловли! А вместо объяснений дурацкая телеграмма...

— Его не выпускают из-за карантина; вот он и прислал телеграмму...

— Благодарю за разъяснение, Алексей Осипович. Сам я никогда не догадался бы! Вот что, дорогой мой, придется вам ехать вместе со мной на очередное заседание комиссии.

— Но я... — начал было Савченко.

— Вы слышали подробный рассказ Маркова, вы давали указания этому вашему, — академик махнул рукой, — ну, словом, начальнику партии... Вот все и объясните комиссии.

— Наверно, Марков лучше это сделает.

— Да поймите вы, что Маркова сейчас нет...

— Как нет? — поднял брови Савченко.

— Его пришлось поместить в клинику... нервных болезней.

— Ого!

— Кажется, с ним началось то же, что с жителями Сельцов. Кстати, Алексей Осипович, а вы... вы у себя ничего такого не замечали?... Вы ведь тогда долго беседовали с Марковым. Вдруг это действительно заразно?..

Савченко поспешно взглянул на свои пальцы, потрогал ладонью подбородок, с сомнением покачал головой:

— Пока вроде ничего... Может, эпидемия в Сельцах — сама по себе?... А Марков — он и раньше был немного того...

— И лесник, выражаясь вашей терминологией, тоже «того»? Ведь и его найти не могут.

— Найдут... Лесник давно оттуда уехал. Мог в Сибирь или на Дальний Восток махнуть. Там не сразу сыщешь.

— Ну, а наведенная радиация вокруг домика старика? — не сдавался академик. — Судя по всему, именно наведенная радиация и какие-то непроверенные, но весьма странные явления, которые происходили в брошенной лесной сторожке, и послужили причиной эпидемии.

— Это медики придумали. Они никогда не сталкивались с такой болезнью, вот и мудрят... А с радиацией тоже не все ясно. Кто ее наблюдал? Школьники из Сельцов с учителем физики! А Кавтарадзе проверял радиометром. И, судя по телеграмме, никакой радиоактивности не обнаружил...

— Ваш Кавтарадзе попал к шапочному разбору. Что он мог найти, если от сторожки осталась куча пепла?..

— Молния сожгла сторожку незадолго до его приезда. Если бы что-то было, пепел показал бы повышенную радиоактивность.

— Как у вас все хорошо получается, — снова вспылал академик. — Марков «немного того»; лесник уехал просто так; наведенной радиации вообще не было; в Сельцах ничего не произошло. Особую комиссию создали от нечего делать. Все болваны. Один Кавтарадзе орел... Ну, а сама эпидемия? Это факт или тоже выдумки? Эпидемия, карантин и все прочее...

— А что — эпидемия? Мало ли какие болезни бывают...

— Однако в «викингов» Маркова вы поверили? — прервал академик.

— В викингов? — растерянно повторил Савченко. — В викингов я... Ну что вы!..

— Зачем же тогда поручили Кавтарадзе проверить на месте рассказ Маркова?... Молчите... Вот то-то и оно. А дело в том, что при всей неправдоподобности рассказа Маркова есть в нем что-то такое, что заставляет поверить. Слишком уж все реально, чтобы быть галлюцинацией. Если бы Марков не пережил всего этого сам, он бы не смог так рассказать... И вы это почувствовали, и потому вы интуитивно ему поверили. Поверили, несмотря на всю неправдоподобность рассказанного. Так чего же вы теперь на попятную идете? Давайте выяснять все до конца.

— Ну, пусть будет по-вашему... — хмуро буркнул Савченко. — Конечно, если подумать, выглядит все бредово, но, с другой стороны... Раз уж нас в эту историю втравили, придется выяснять...

— Тогда прячьте подальше свой показной скептицизм и поехали на заседание комиссии.

Зазвонил телефон. Академик Петров взял трубку.

— Да... Да, это я... Нет, нашего сотрудника не будет. Он... его тоже задержали в зоне карантина... Заседание отменяется? А можно узнать почему?... Так... Интересно... Весьма интересно... Перешлите мне, пожалуйста, этот материал... Нет, перевод не нужен, я читаю по-португальски... Благодарю, буду ждать... Да, мы попытаемся это сделать... Еще раз благодарю. До завтра.

Директор отложил трубку, сделал пометку в перекладном календаре и повернулся к Савченко:

— Заседание перенесено на завтра. Выяснились кое-какие новые обстоятельства, проливающие свет на события в Сельцах. И знаете где?... В Южной Америке. Там зафиксированы такие же заболевания. Интересно,

не правда ли?... Кстати, председатель комиссии обещал похлопотать за вашего Кавтарадзе. Может, его к завтрашнему дню доставят в Ленинград. Но вы, Алексей Осипович, на всякий случай постарайтесь связаться с ним по телефону еще сегодня. Пусть объяснит все как следует...

Выйдя из кабинета директора, Савченко еще раз перечитал злополучную телеграмму:

«Ленинград Минерал академику Петрову. Задержан милицией связи карантинном угоном моторки тчк Слухи подтвердились факты нет тчк Все порядке тчк Завпочтой Нефедов больнице зпт дом лесника сожгла молния зпт ничего интересного не обнаружил зпт образцов нет зпт пепел нормальный тчк Прошу ходатайствовать освобождении целую Кавтарадзе».

«Вообще-то все ясно, — рассуждал Савченко, направляясь в свой кабинет. — Зря старик взбеленился. Вот только «целую»... Чего ради Элгуджа вздумал поцеловать нашего директора?..»

* * *

Париж переживал очередную сенсацию. Утренние газеты вышли тройными тиражами.

«Летающие тарелки над столицей Франции», «Тысячи парижан наблюдали загадочное явление», «Неведомая угроза или попытка контакта», — кричали огромные заголовки на первых полосах. Несмотря на летнее время, газеты расхватывались молниеносно.

Самое удивительное заключалось в том, что сенсационные сообщения отнюдь не были вымыслом. Многие жители Парижа и окрестностей действительно видели минувшей ночью светящийся шар. Сопровождаемый огненным шлейфом, шар неторопливо проплыл в темном небе, гася ближайšie звезды. Он появился на западе низко над горизонтом. Достигнув зенита, резко развернулся и, увеличив скорость, стремительно исчез, словно удалился прочь от Земли. Несколько астрономов-любителей успели сделать снимки таинственного небесного тела. Теперь эти снимки украшали первые полосы газет.

В потоке сообщений очевидцев и в бесконечных комментариях по поводу загадочного явления затерялась краткая корреспонденция из Южной Америки. В «Paris Journal» вначале предполагали дать ее на второй полосе, но после экстренной переверстки номера место для нее нашлось лишь в самом низу шестой. Набранная петитом, эта заметка не привлекла почти ничего внимания, а между тем и в ней сообщалось об удивительном небесном объекте, недавно пролетевшем над Поко-да-Крус.

«Поко-да-Крус — небольшой городок в штате Пернамбуку в северо-восточной Бразилии снова привлек всеобщее внимание, — писал бразильский корреспондент «Paris Journal». — Еще не утихли толки о загадочной эпидемии, жертвами которой стали сотрудники гидрогеологической экспедиции, возглавляемой инженером Этьеном Бретта, а в Поко-да-Крус — новая сенсация. Три четверти взрослого населения городка согласно утверждают, что видели на закате дня восемнадцатого июля удивительный корабль, пролетевший над крышами их домов. По рассказам очевидцев, корабль напоминал огромную туфлю или калошу. Он не имел ни парусов, ни винтов, но летел со значительной скоростью и сильным шумом. Многие твердят, что сквозь шипение и гул, издаваемые корпусом корабля, слышали доносившиеся изнутри крики и нечеловеческий вой. Перепуганные обитатели Поко-да-Крус провели ночь и половину следующего дня в церквах, ожидая конца света. Однако загадочный корабль больше не появился. Ведется расследование.

В настоящее время еще не ясно, стали ли жители городка жертвами какой-то странной мистификации или

в Поко-да-Крус имела место массовая галлюцинация. Известный психолог профессор Игнацио да Сильва склоняется ко второй точке зрения, тем более что одним из симптомов таинственной болезни, поразившей в том же районе сотрудников гидрогеологической экспедиции, явились галлюцинации, сопряженные с утратой памяти. Пользуемся случаем сообщить читателям газеты, что состояние здоровья нашей соотечественницы гидрогеолога Софи Берже, принимавшей участие в экспедиции Этьена Бретта, улучшается. Впрочем до полного выздоровления еще далеко, ибо бразильские медики пока не могут найти радикальных средств лечения этого странного заболевания».

— Вот видишь, дружище, галлюцинация! — усмехнулся Антуан Берже, передавая газету Роже Латуру. — Кто поручится, что и в Париже вы все не стали жертвами галлюцинации?

— А фотографии? — возразил Роже, наливая коньяк. — Если удалось сфотографировать, значит, галлюцинация исключена.

Они сидели на террасе длинного, похожего на аквариум здания аэропорта Орли: маленький узколицый черноволосый Роже Латур, аспирант-лингвист из Сорбонны, и его приятель — известный археолог и боксер-любитель Антуан Берже — массивный, широкоплечий блондин с крупной головой на короткой шее и резкими, словно грубо выструганными из темного дерева, чертами лица.

— Может быть, и в Поко-да-Крус кому-нибудь удалось сфотографировать эту штуку? — предположил Роже.

Антуан чуть заметно шевельнул светлыми, выгоревшими бровями.

— Впрочем, не думаю, чтобы это могло быть как-то связано, — продолжал Роже, — я имею в виду болезнь Софи и сегодняшнюю заметку в «Paris Journal». Хоть корреспондент и вспоминает о твоей сестре...

— Только затем, чтобы придать видимость истины бесстыдной стряпне, — заметил Антуан.

— Ты думаешь, это утка?

— Конечно...

— Но сообщения о болезни участников экспедиции впервые были опубликованы именно в «Paris Journal».

— Они тоже преувеличены. Убежден, прилечу — и все окажется иным...

— Тем не менее ты твердо решил увезти Софи во Францию.

— Не знаю... Прежде всего надо выяснить, что с ней стряслось. Из телеграмм и газетной болтовни трудно что-нибудь понять.

— Конечно, Софи ужас как не повезло... В двадцать шесть лет!

— Она дура, — резко прервал Антуан. — Сама виновата! Все ее отговаривали от этой поездки... Нет, захотела экзотики, самостоятельности, известности. Ну и получила, что хотела. Теперь о ней пишут в газетах... Только спасибо за такую известность...

— Твоя сестра поправится, обязательно поправится. И все будет хорошо... Однако, Антуан, — Роже решил переменить тему, — что же все-таки произошло сегодня ночью над Парижем? Что ты думаешь по поводу этих таинственных шаров?

— Ничего не думаю... Я их не видел...

— Я тоже не видел. Тем не менее все твердят о них. И в газетах полно... Да кроме того, если удалось сфотографировать, значит, они были...

— Вероятно...

— Но все-таки откуда они? Что они такое?

Берже не ответил. Он, прищурившись, глядел на залитые солнцем взлетные полосы.

— Мне кажется, правы те, кто связывает их с инопланетными пришельцами, — продолжал Роже. — Еще

никогда их существование не проявлялось с такой очевидностью. И, в сущности, у нас нет оснований особенно удивляться. Космос населен, мы убеждены в этом. Почему бы кому-то не прилететь к нам, прежде чем мы сами сможем осуществить межпланетный полет. Возможно даже, этот их прилет не первый... Я занимаюсь сейчас расшифровкой и интерпретацией кумранских рукописей. Теми, знаешь, наиболее сложными и спорными текстами, которые вызывают особенно серьезные разночтения. Уверяю тебя, множество противоречий удалось бы снять, если допустить, что авторы ранних кумранских текстов были свидетелями прилета на Землю космических гостей. Я собираюсь написать об этом в диссертации...

— В таком случае ее провалят, — бросил Антуан, продолжая следить за стартующими самолетами.

— Приведу доказательства...

— Доказательств нет... Есть слова, которые можно истолковать так или иначе. А доказательств нет... Я просеял сквозь сита не одну тысячу кубометров земли по всему Средиземноморью. И я не нашел ничего аномального... Последовательное преемственное развитие средиземноморских культур не нарушалось инопланетным вмешательством. Человеческую историю творили люди Земли. Впрочем, отложим спор. Мне пора. Объявлена посадка на самолет в Рио. И мой тебе совет: не будь слишком прямолинеен... Перед тобой лабиринт. В лабиринтах почти каждый прямолинейный ход кончается тупиком...

Они спустились в первый этаж и прошли к выходу на посадочные перроны.

— Сегодня ночью ты увидишь Южный Крест, — задумчиво сказал Роже. — Южный Крест в черном экваториальном небе. А тут над Парижем...

— Снова появится загадочный шар?

— А почему бы и нет?

— Убежден, что нет... Это был бы прямолинейный ход через лабиринт.

— А если они так захотят?

— Они?

— Да. Именно они... Те, кто уже давно обосновался на околоземных орбитах... Может быть, с последней войны или раньше. Ведь то, что произошло вчера, это сигнал. Сигнал нам — людям Земли... Может быть, по каким-то причинам они не в состоянии высадиться на нашей планете. Они наблюдали нас в течение какого-то времени и теперь решили, что пора...

— Этак и то, что произошло в Поко-да-Крус, можно истолковать как сигнал...

— А почему бы и нет...

— Прощай, Роже. Мне кажется, ты слишком увлекся интерпретацией кумранских текстов. Тебе надо отдохнуть. Поезжай к морю...

— Сейчас не могу... Счастливого пути, Антуан. И передай мой привет Софи!..

* * *

Серебристая «каравелла» только что стартовала с аэропорта Дакар. Через несколько минут разноцветные

огни города и аэродрома растворились в черноте тропической ночи. Берег Африки остался где-то позади... Внизу непроницаемый мрак без единого огонька — Атлантический океан. Выше — черный безлунный свод ночного неба в густой искристой россыпи звезд. Прислонившись лбом к холодному стеклу иллюминатора, Антуан Берже бессознательно отыскивает знакомые созвездия. Вот и Южный Крест, о котором вспоминал Роже: слева по курсу, еще у горизонта... Поднимаясь все выше и выше, он будет сопровождать самолет до самого Рио...

В салоне полумрак. Большинство пассажиров уже спит, откинувшись в креслах. Монотонно гудят моторы. С присвистом похрапывает сосед Антуана, вытянув длинные ноги в клетчатых носках. Бесшумно скользит вдоль салона стюардесса. Заметив, что Антуан не спит, девушка наклоняется к нему:

— Мсье, что-нибудь надо?

— Нет... А впрочем — один коньяк.

Рюмка с коньяком появляется тотчас же.

— Благодарю. Когда мы будем в Рио?

— Через семь часов. В три утра по бразильскому времени. Эта ночь будет долгой, мсье.

Стюардесса делает движение, чтобы отойти.

Но Антуану так не хочется остаться одному наедине со своими мыслями. Он делает знак рукой, и девушка возвращается.

— Мсье еще что-то надо?

— Нет, а впрочем, да... Я хотел спросить. Вы вчера были в Париже?

— О, да, мсье, — девушка оживает, — и я видела его — этот огненный шар. Это было так страшно!

— Страшно? — Антуан разочарован: снова этот шар, а ведь он задал свой вопрос лишь затем, чтобы сказать что-нибудь.

— Конечно... Ведь они, наверное, оттуда... со звезд, — девушка поднимает палец вверх. — И они что-то хотят от нас... Может быть, они угрожают. А разве мсье думает иначе?

— Я ничего не видел вчера, — медленно говорит Антуан. — Наверно, поэтому я думаю иначе. Скорее всего это природное явление: при сильной ионизации воздуха могли образоваться большие сгустки плазмы — ионизированного газа. Ночью они светились... Это редкое явление, но иногда оно наблюдается...

Теперь явно разочарована девушка.

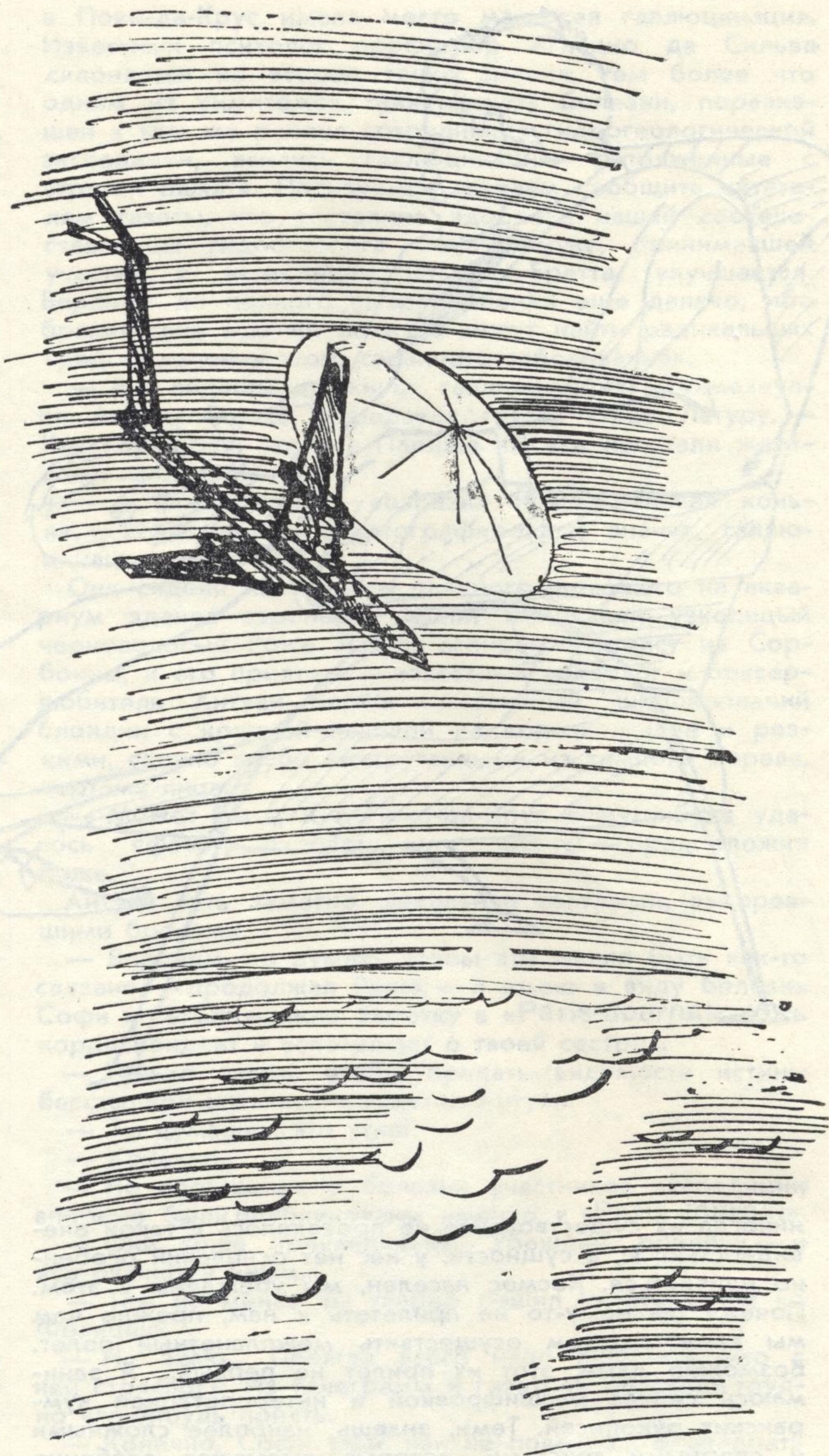
— Да, — говорит она, немного подумав. — Но все-таки интереснее, если бы они были — со звезд...

«Странно, что все думают об одном и том же, — размышляет Антуан, — думают и боятся; боятся и тем не менее желают этого. А вот как бы повело себя человечество, если бы космические гости действительно вдруг объявились? Ведь формы жизни могут быть любыми... Люди мечтают о встрече с человекоподобными красавцами, которые привезут на серебряном подносе все то, чего нам сейчас не хватает. А если бы вдруг появились уроды, чудовищные страшилища с нашей общечеловеческой точки зрения?» Антуан вдруг вспоминает газетную статью о происшествии в Поко-де-Крус и усмехается: «А что, если кто-то инсценировал подобных пришельцев?..»

Девушка с интересом ждет, что он скажет.

— Не хотел бы вас огорчать, — говорит Антуан, — но думаю, что такая встреча, если даже она и возможна, произойдет не скоро... И, наверно, она не самое главное... У человечества столько других проблем, которые обязательно надо решить, прежде чем думать о межзвездных встречах. Мы так мало знаем о Земле, о нас самих, о нашем прошлом... На Земле еще столько голодных и обездоленных...

— Да, конечно, мсье, — чуть слышно соглашается девушка.

Самолет вдруг резко кренит. Антуан чувствует, как упругая нарастающая сила вдавливают его в кресло. Он пытается приподняться, чтобы глянуть в окно, и не может. Стюардесса каким-то образом очутилась на коленях у человека в соседнем кресле. Она старается встать, но безуспешно.

— Э-э, мисс, что за шутки? — бормочет, просыпаясь, сосед Антуана.

Самолет на мгновение выравнивается, но тотчас новый вираж возвращает нарастающую волну тяжести.

Вспыхивают красные надписи на сигнальном табло. Из динамика доносится голос капитана. Он что-то говорит о стартовых поясах, о сохранении спокойствия... Разбуженные пассажиры зашевелились. Слышны испуганные восклицания, плач ребенка.

Стюардессе удается наконец встать. Антуан видит совсем близко глаза девушки. В них испуг и немой вопрос.

— Вероятно, ураган, — быстро говорит он, помогая стюардессе выбраться в проход между креслами.

— Да, мсье, — шепчет она, — но погода на трассе была отличная... Прошу сохранять спокойствие, — громко обращается она к пассажирам, — это ветер. Здесь иногда бывает. Пристегнитесь, пожалуйста, к вашим креслам...

Самолет резко кренит то в одну, то в другую сторону. Стюардесса уцепилась за спинки кресел. Антуан видит, что она прилагает все силы, чтобы удержаться на ногах. Сосед Антуана вдруг начинает скулить:

— Мисс, мне плохо, пакет...

— Стойте и не двигайтесь! — кричит Антуан девушке. — Иначе вас разобьет. А ну, тихо, — наклоняется он к соседу, — ни звука, сэр!

Сосед испуганно откидывает голову.

— Молодой человек, как вы смеете... — бормочет он. — Я профессор ботаники... Меня зовут Харальд фон Брусвеен... Я...

Новый рывок, еще более сильный, чем предыдущие. Сзади слышны испуганные крики, кто-то начинает громко молиться.

«Кажется, мы теряем высоту... Неужели?» — Антуан бросает взгляд на стюардессу. Широко раскрытые глаза девушки устремлены в иллюминатор.

Антуан с трудом поворачивает голову. За темным контуром скошенного крыла — яркая серебристая полоса на далекой поверхности океана. Луна? Откуда она взялась сейчас?..

Медленно поворачивается горизонт, принимая почти вертикальное положение. Полоса серебристой зыби растекается вдоль него, отражаясь в посветлевшем небе. Звезд не видно, только Южный Крест блестит высоко над горизонтом...

«Откуда свет? — мелькают мысли в голове Антуана. — Это не Луна... Она в последней четверти и должна взойти через несколько часов. Полярное сияние? Но мы почти над экватором... Космическая катастрофа?.. Атомная война?..»

Еще один стремительный вираж. На мгновение начинает казаться, что посветлевшее небо и покрытый серебристой зыбью океан поменялись местами. Но вот самолет выравнивается, и Антуан, прижавшись лицом к стеклу, видит наконец источник загадочного свечения. Большой бледно сияющий шар в ореоле голубоватого света, постепенно увеличиваясь в размерах, идет на сближение с самолетом. Он то исчезает, то снова появляется в поле зрения, все разрастаясь, светлея, гася звезды. Антуан начинает догадываться, что виражи самолета — всего лишь попытки капитана уйти от неизбежной встречи.

Спазматическая дрожь сотрясает корпус воздушного лайнера. Чудовищные толчки и рывки теперь следуют один за другим, словно «каравелла» мчит по огромным каменистым ухабам. Сквозь прерывающийся гул моторов Антуан слышит вопли, крики ужаса. Но он уже не в силах оторвать взгляда от иллюминатора. Свет за окном становится все ярче. Светящийся шар совсем близко. Неужели столкновения все-таки не избежать?..

Вдруг пол кабины начинает стремительно уходить из-под ног. Корпус самолета наклоняется все круче. Лайнер пикирует вниз к серебристой полосе на поверхности океана. Где-то совсем рядом проносятся похожие на облака полосы голубоватого светящегося тумана. И лишь на какое-то мгновение Антуан успевает разглядеть сквозь туманную вуаль какой-то светящийся предмет...

Затем все тонет в непроглядном мраке. Вдавленный в кресло нарастающим ускорением, Антуан не может пошевелиться. Что-то тяжелое придавило ноги. Он с трудом опускает глаза. Красноватые вспышки сигнального табло освещают скорченную фигуру на полу между креслами. Это девушка-стюардесса.

«Надо помочь ей... — думает Антуан, — помочь...» Но он не в состоянии даже шевельнуть пальцем. Скорость нарастает. Поверхность океана, должно быть, совсем близко...

Продолжение следует

Ш Л Ю З

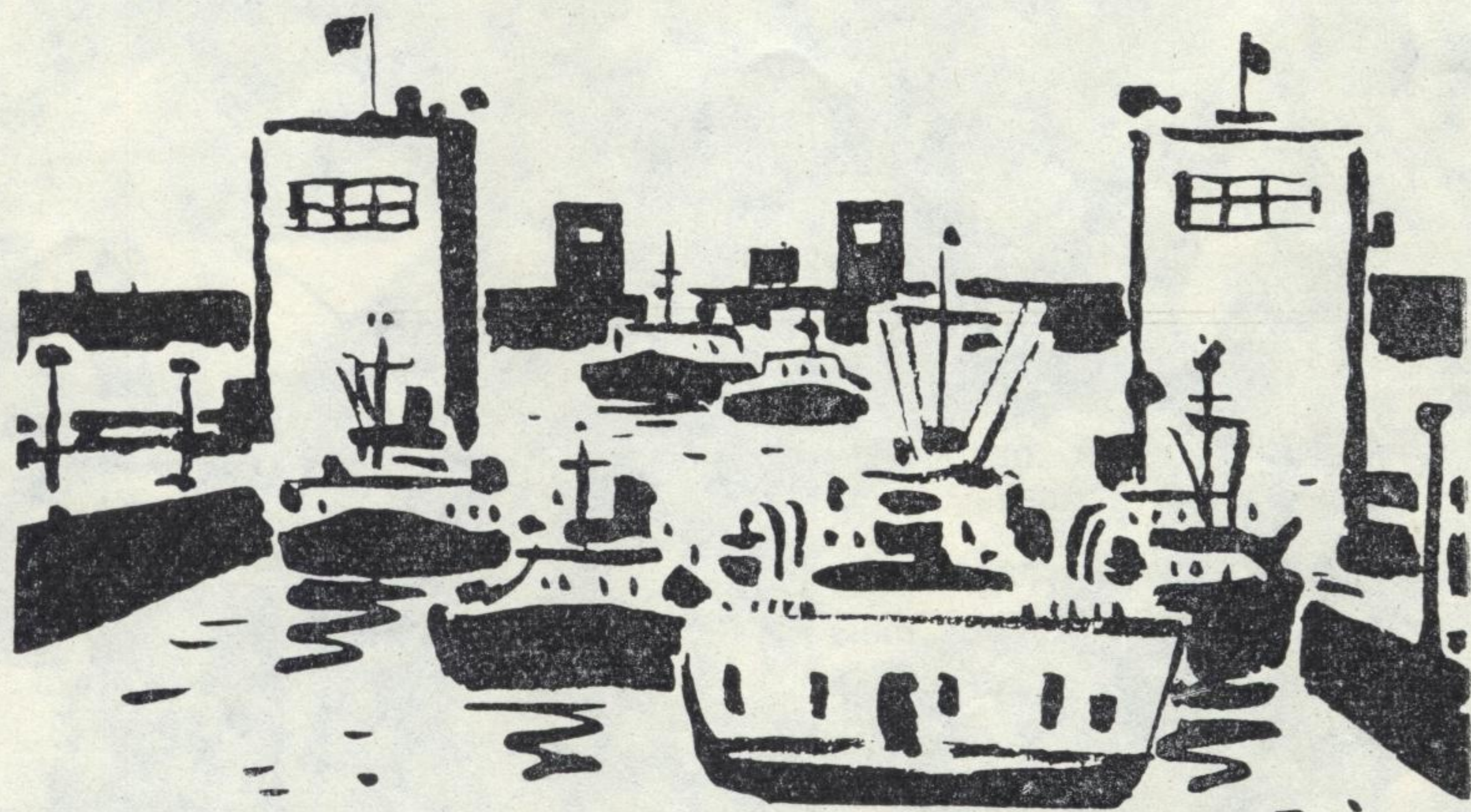
В. Торопыгин

Шлюз — как лифт для великана — может в камере своей прислонить к бетонным стенам сразу десять кораблей:

белоснежных пассажирских, работяг, что тянут груз... И гигантские ворота закрывают этот шлюз.

— Начинаем наполнение! — бурной пены седина — словно кратеры вулканов извергаются со дна.

Если все так величаво, что стоит на склонах рек, просто даже не представить, как огромен человек!

ЛЕНИНГРАД

СТАНЦИЯ

„ОЗЕРНАЯ“

Фото
В. Богданова

Начинается рабочий день. Кем я сегодня буду?..

Пассажиры требуют внимания

— Дорогие ребята! Пассажирский поезд № 302 отправляется через пять минут от платформы «Озерная». Счастливого пути!..

Пятикласснику-стрелочнику салютуют желтыми флажками проводницы, поезд набирает скорость, и вот уже не разглядеть лица главного кондуктора на последней площадке.

Ушел поезд, опустел перрон с лужичами. Но через несколько минут снова стали собираться пассажиры, с интересом разглядывая тепловоз, вагоны, детские рисунки на стеклах вокзального павильона. С уважением смотрят они на ребят в форменных фуражках.

Саша Тульский — начальник станции «Озерная» — работает на детской железной дороге уже четыре года. Сейчас Саша закончил первый курс железнодорожного техникума.

— Мне учиться легче, чем другим ребятам, — говорит Саша, — я ведь уже все специальности освоил.

— А что больше всего любишь?

— Ну, конечно, поезда водить.

— Ты один сюда пришел, на дорогу?

— Нет, нас было пятнадцать.

— А сейчас сколько осталось?

— Десять до сих пор работают. На «Юной» будете, там мой дружок, Вовка Сливаков — начальником станции...

„Зайцев“ здесь не бывает

На Малой Октябрьской всего три станции: «Озерная», «Юная», «Зоопарк». Саша провожает меня и говорит:

— Вовке привет передайте...

Тронулся поезд. Две подружки-проводницы, одноклассницы в голубой форме, строго проверяют билеты.

— А «зайцы» у вас бывают? — спрашиваю.

— Что вы, никогда!

Плывут за окнами сады, огороды. Иногда поезд странно дергается.

— Машинист новый, — объясняет мне бригадир поезда Дима Калинин.

— А я помню, как первый раз дежурила на стрелке, — рассказывает проводница Света Яковлева, — заранее подняла флажок, жду поезда. Хорошо, ребята вовремя заметили, что у меня красный вместо желтого...

На станции «Зоопарк», в диспетчерской, ребята, узнав, что я журналист, расшумелись:

— Дорога очень короткая.

— Далеко от центра, добираться трудно...

— И пассажиров поэтому мало, «воздух» возим...

— Тепловозы самые новые, а скорость...

— Стоянки большие. Вот на станции «Зоопарк» стоим тридцать четыре минуты!

А что скажет Павел Сергеевич Микуш, старший инструктор?

— Да, наша дорога старая. Во всех городах дороги строятся в парках, на детских площадках. Хотелось бы, чтобы строители новой дороги учли замечания ребят...

В диспетчерскую вбегает главный кондуктор:

— Товарищ дежурный! Башмаки на тепловозе. Поезд № 307 к отправлению готов!

Это значит, тормозные башмаки сняли и состав сейчас тронется.

Смена пришла

Главная должность — машинист

...Путешествие подходит к концу.

— Ну как, понравилось? — спрашиваю у соседей по вагону.

— Очень. Только есть захотел, — отвечает пятилетний Кирилл.

— Еще поедим! — говорят школьницы Марина и Надя. Они опекают Кирилла.

В это время их одноклассник Генка спрашивает у мальчика в форменной фуражке:

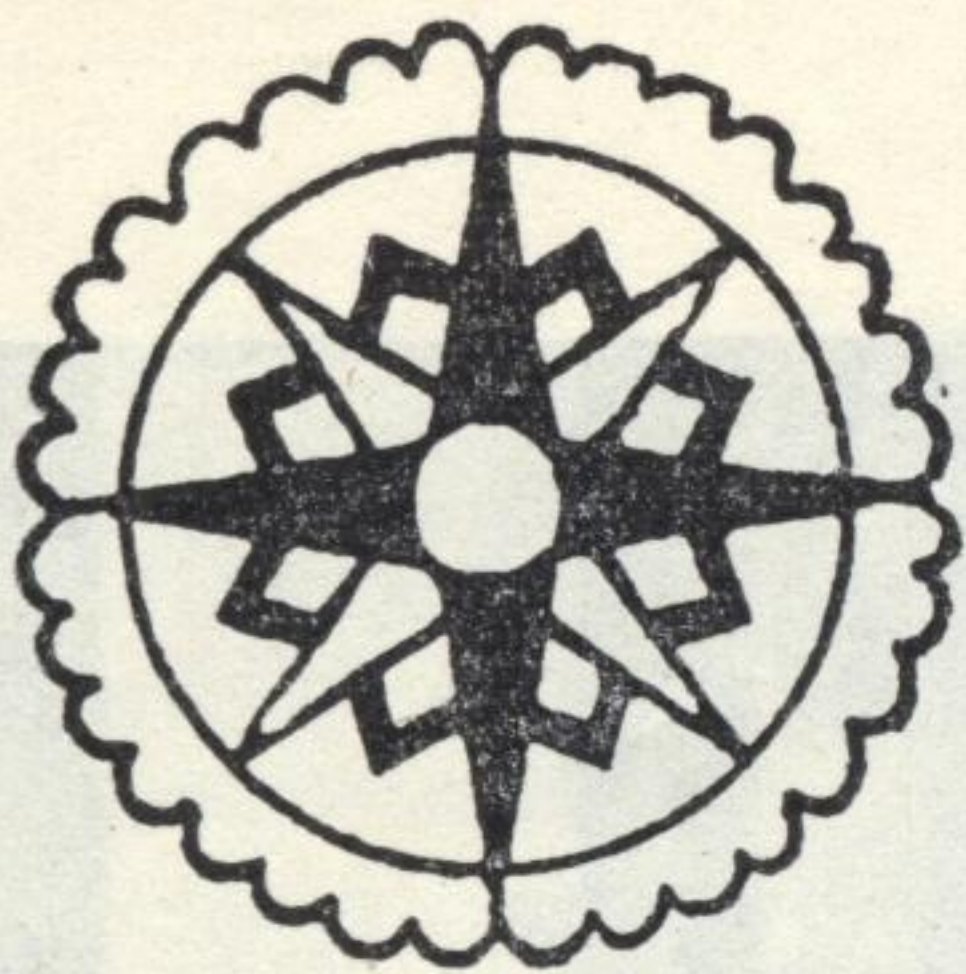
— А меня примут на дорогу?

— Конечно, только сначала учиться надо, экзамены сдать в кружке. И табель из школы.

Марина и Надя ехидно захихикали, а Генка вдруг потерял интерес к разговору...

Тут кстати упомянуть, что четверка на дороге — плохая отметка. У ребят в железнодорожных удостоверениях четверок совсем мало.

О. Яськова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнива

Год издания двенадцатый

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

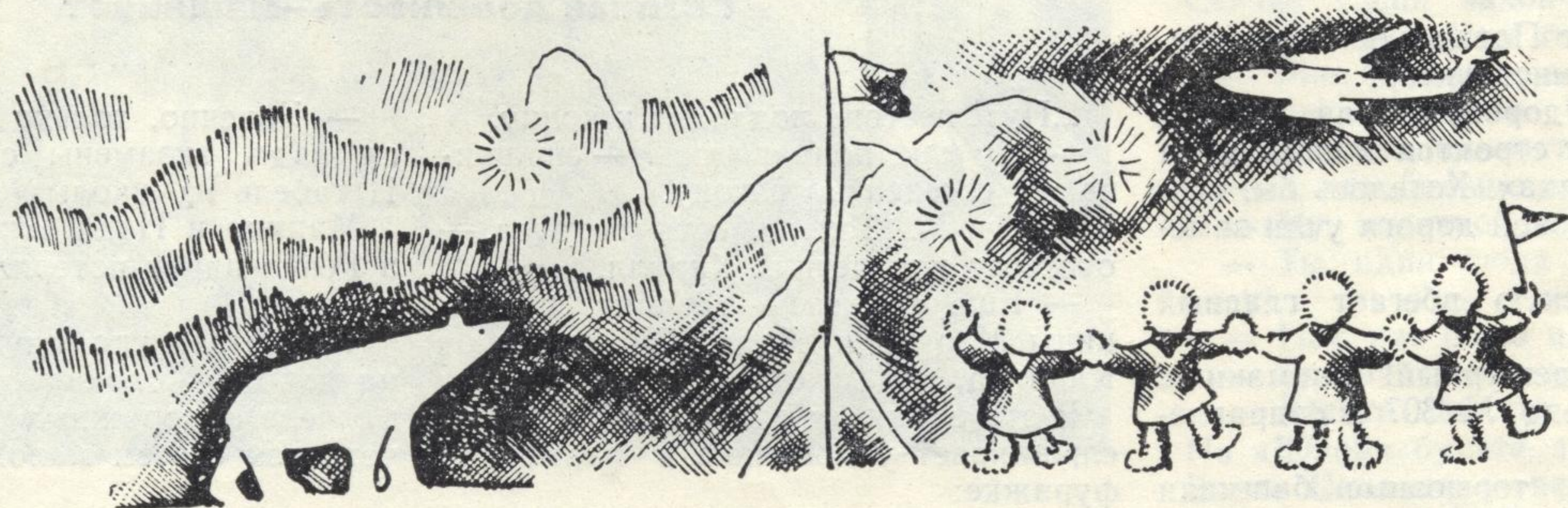
Владимир Николаевич Назаров преподает философию в ленинградских вузах. А летом собирается на Север. Он ведет речные суда по Северному морскому пути из гостеприимного Архангельска до устьев великих сибирских рек. Раньше такие экспедиции называли «клубом смертников». Провести речные суда через сплошные полярные льды считалось невыполнимым делом. А теперь это обычная работа для моряков-полярников.

Во время войны Владимир Николаевич был рулевым на черноморском мониторе «Ударный». Сейчас их осталось восемь человек — ветеранов из команды «Ударного». В конце войны Владимир Николаевич был военным лоцманом — проводил суда по минным полям, а ведь это, пожалуй, опаснее, чем ледяные поля. Его, прошедшего через всю войну бок о бок со смертью, нелегко смутить рассказами об опасностях арктической навигации. Владимир Николаевич охотно рассказывает о Севере.

Эту историю я слышал в Тикси, о ней даже писала местная газета. Ранним утром самолет полярной авиации вылетел из Тикси и взял курс на север. Он держался этого курса, пока не приблизился к самой северной точке земного шара.

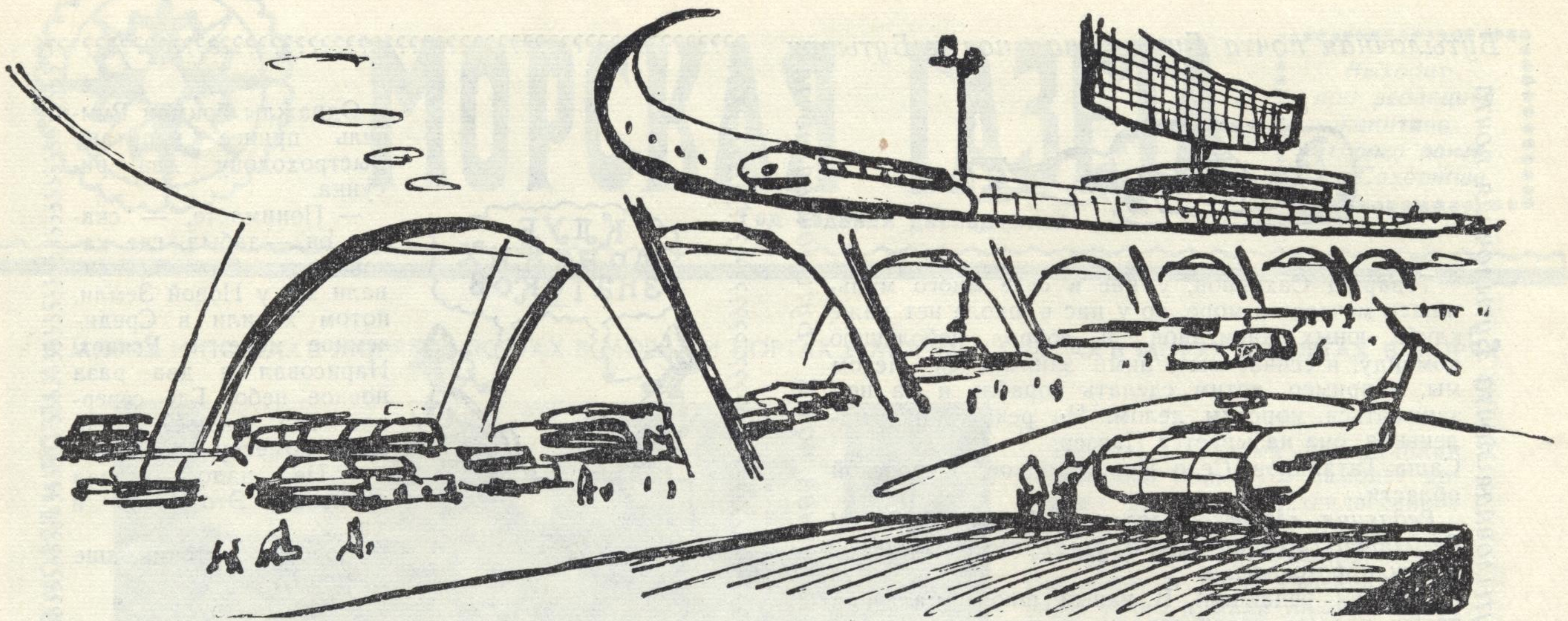
Вместе с грузами для станции «Северный полюс-15» самолет доставил на полюс пятиклассников школы № 1 из Тикси Ларису Михайлову, Сережу Фишова, Люду Васильеву и Витю Рымаря. Я не знаю точно, думали ли они в пути, что совершают путешествие, о котором мечтали поколения мальчишек и даже многие девчонки. Они спрыгнули в глубокий снег, огляделись: чем же интересен полюс? Но кроме двух цветов — белого и голубого, ничего особенного вначале не заметили. Потом они пешком добирались до места, где развевается государственный флаг СССР, и подняли рядом с ним свой выпел. Полярники показали ребятам всякие приборы, запускали цветные ракеты, даже кино показали пятиклассникам. Одно дело смотреть кино дома, совсем другое — на Северном полюсе. Ребята приняли зимовщиков в почетные пионеры и повязали им красные галстуки. Потом от обилия впечатлений их стало клонить в сон. Под вечер их на тракторе доставили к самолету, мимо ледяного медведя, которым полярники украсили взлетную площадку. Сначала немного трясло, пока самолет брал разбег, потом машина обрела устойчивость и стала взбираться в небо все выше и выше.

Рассказ В. Н. Назарова записал Ф. Чирсков

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

МЫ И НАШИ КРЫЛЬЯ

О самолетах, какими они будут завтра, рассказывает Яков Сергеевич Щербак, профессор, доктор технических наук, заместитель начальника Высшего авиационного училища Гражданской авиации.

Яков Сергеевич Щербак написал более пятидесяти научных работ, и все они посвящены главной теме его жизни — движению в воздухе, аэродинамике.

Почему самолет летает?

Вам известно это? «Антей» весит 250 тонн. Почему 250 тонн парят в воздухе?

Нам, аэродинамикам, это известно.

Самолету помогают лететь две силы. Когда включены двигатели, они отбрасывают массу воздуха (или газа) назад. Как только одна сила отбросит воздух назад, возникает противодействующая ей сила — этот закон открыл еще Ньютон.

Самолет побежал по взлетной дорожке. Сначала с малой скоростью, не спеша, потом все быстрее, быстрее... Наконец, крылья машины начнут отбрасывать воздух вниз. Догадываетесь, что произойдет? По тому же закону Ньютона появится вторая сила, поднимающая, толкающая самолет вверх. Это подъемная сила. Она очень важна: самолет для

того и разбегаются, чтобы родилась эта сила. Крылья ему нужны, чтобы опереться на эту подъемную силу. И когда самолет так разгонится, что подъемная сила крыльев станет больше его собственного веса, самолет оторвется от земли.

Крылья могут мешать самолету

При взлете и посадке, в полете, когда скорость меньше звуковой, крылья — главные работники. Но для сверхзвуковых скоростей обычные крылья непригодны. И знаете, почему?

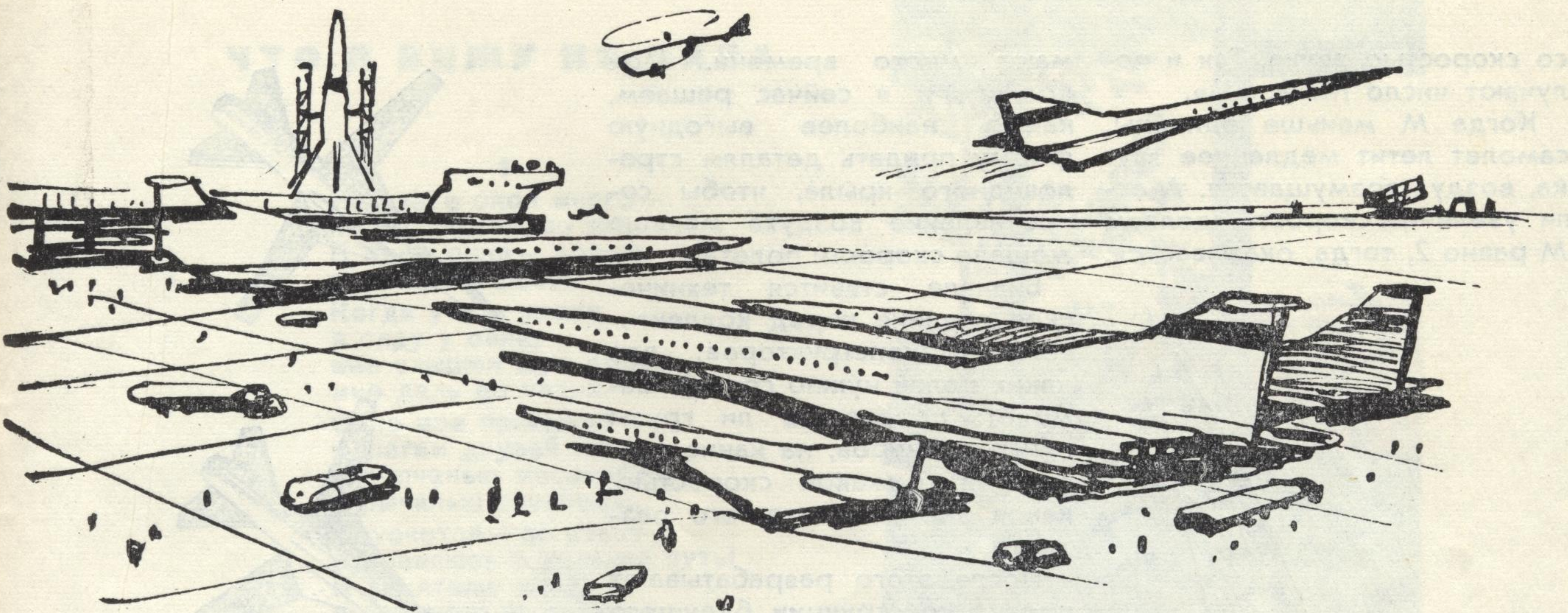
Замечали, когда едешь на велосипеде, ветер сечет лицо, свистит в ушах, забивает рот. Остановишься — тишина, никакого ветра нет. Это воздух сопротивлялся вашему движению и воспринимался как ветер.

Представьте себе, как сопротивляется он самолету в

130 тонн, если тот мчится в два раза быстрее звука! Воздух тормозит машину, давит ей в «лоб», образует лобовое сопротивление, как мы говорим. Лоб огромный — крылья длинные, нос фюзеляжа большой... Удобно воздуху давить на такую площадь!

Как уменьшить лобовое сопротивление? Да надо уменьшить сам лоб. И тогда сделали крылья для сверхзвуковых самолетов такими тонкими, какими только можно было сделать. Как бы уменьшили лоб в ширину.

Но мы знаем теперь, что на лобовое сопротивление влияет не только толщина крыльев. Между воздухом, набегающим на самолет, и крыльями образуется угол, так называемый угол стреловидности. Чем больше этот угол, тем меньше лобовое сопротивление. Поняли, что для сверхзвуковых машин и форма крыльев и форма фюзеляжа требуются другие. Так появились самолеты,

похожие на стрелу, на летающее крыло. Или на треугольник.

Все аэродинамики знают, узкий треугольник — одна из лучших форм для уменьшения сопротивления. Но если построить самолет по принципу треугольника, он не взлетит, не наберет высоты. Будет не самолет, а самокат. У него практически не будет подъемной силы. Ведь вы теперь запомнили, что подъемная сила образуется благодаря крыльям, работает благодаря им и тем сильнее, чем больше размах крыльев.

Сверхзвуковым самолетам на роду написано быть остроносими. Угол стреловидности у них должен быть достаточно велик, чтобы уменьшить лобовое сопротивление.

В остроносом фюзеляже только два маленьких окошка, два глаза. Они для локаторов и аппаратуры: летчики в горизонтальном полете станут... пассажирами. Приборы справятся сами со всем, кроме взлета и посадки. А вот на взлете или на посадке без летчиков не обойтись. Чтобы благополучно вести машину, летчики должны особенно хорошо видеть вокруг. Видеть все, что есть и что может неожиданно

появиться. Тогда фюзеляж, словно птица, опустит нос и освободит большое ветровое стекло...

Я рассказываю вам о советском лайнере «ТУ-144». Скорость его — 2500 километров в час, «два звука», как говорят специалисты. Не исключено, что будет построен лайнер, который меняет в полете стреловидность крыла. На взлете, посадке, при дозвуковом полете это машина как машина. А переходя к звуковой скорости, она как бы немного прижимает крылья к себе — увеличивает угол стреловидности. А в сверхзвуковом полете крылья прижаты к корпусу настолько возможно.

Как обхитрить воздух?

Можно подумать, что воздух не любит авиацию — столько препятствий учиняет он летающим аппаратам. Но на самом деле все идет по определенным аэродинамическим законам, законам движения в воздухе.

Быть может, вы слышали, как летит сверхзвуковой самолет — словно пушка палит в небе. До тех пор, пока самолет не вернется к скорости

меньше звука, так и будет продолжаться эта пальба. И ровно столько же времени перед носом его будет бежать ударная волна из уплотненного воздуха.

Пальба — всего лишь звук. (Первый выстрел — самолет распорол воздушный поток, второй — воздух сомкнулся за машиной, и все повторяется снова).

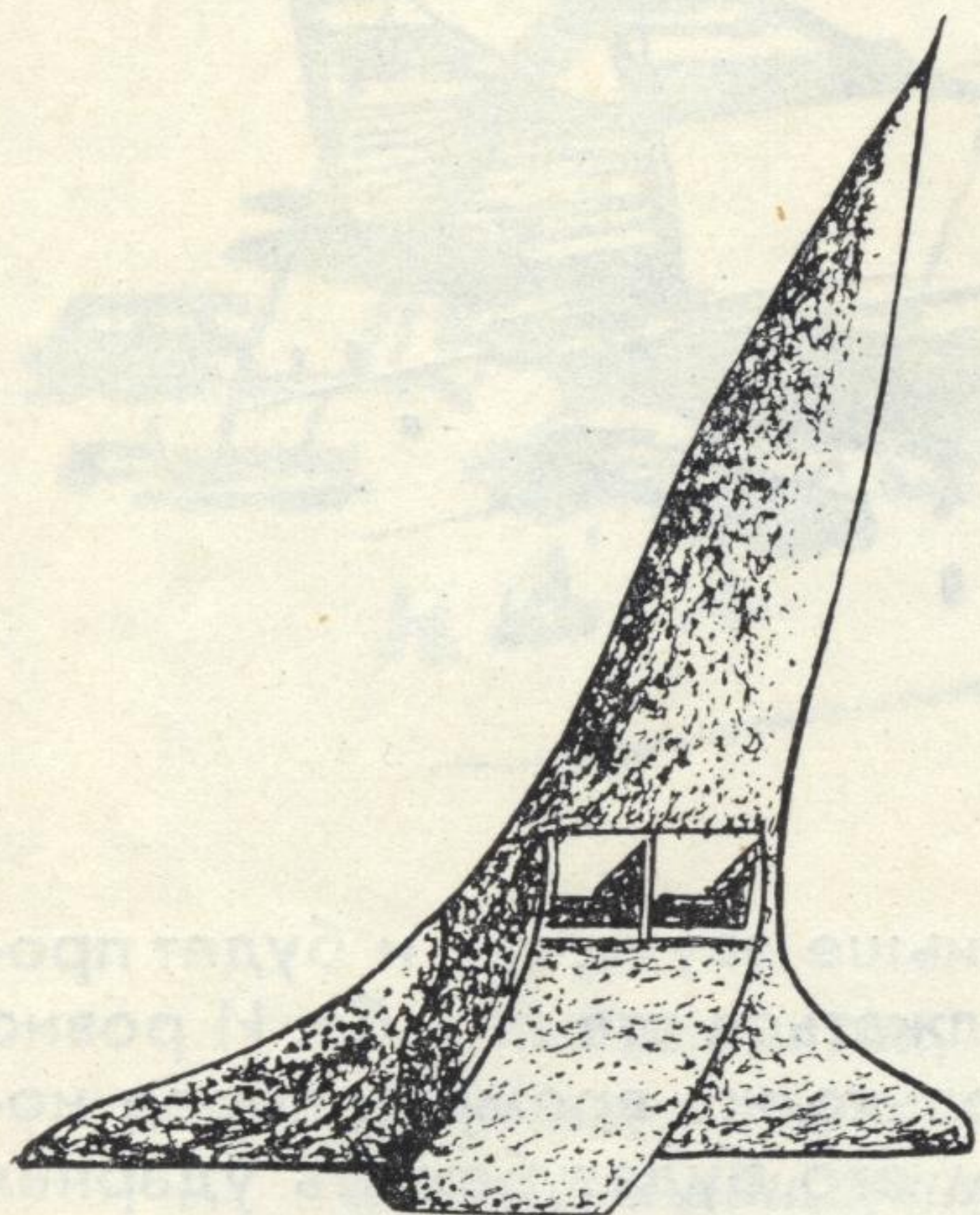
А ударная волна очень опасна. Если самолет идет низко от земли, она может выбить окна в домах, натворить бед. Поэтому к сверхзвуковой скорости самолет переходит на большой высоте — в десяти километрах. Волна образуется и тут, но уже не грозна, так как ее сила убывает по мере приближения к земле с большой высоты.

Что бы вы ни запустили — планер, змея, бумажный самолетик — все будет возмущать (колебать) воздух. Когда самолет летит со скоростью меньше звука, возмущения расходятся от него со скоростью звука — это закон. И идут они вверх, вниз, во все стороны. Как колючки у свернувшегося ежа.

Есть в аэродинамике понятие: число Маха. Всего удобнее скорость полета сравнивать

со скоростью звука. Так и получают число Маха, «М».

Когда М меньше единицы, самолет летит медленнее звука, воздух возмущается. А если увеличим скорость, сделаем М равно 2, тогда, оказывается,

Вот он, лайнер, который летает быстрее звука.

мы обхитрим воздух. Мы обгоним его возмущения! У них скорость звуковая, а у нас в два раза больше! Значит, машине возмущения не мешают, впереди машины их просто не будет.

Машины, у которых число Маха равно двум, в этом году начинают пробные полеты.

Самолет — самый удобный вид транспорта. Скоро он станет и самым популярным — к концу пятилетки у нас будет почти в два раза больше аэродромов. Полеты станут еще приятнее, а билеты дешевле.

Просто ли все?

Сегодня придумали конструкторы машину, завтра сделали, а послезавтра уже летают на ней? Нет, все совсем не так!

Исследования по всем законам механики и физики зани-

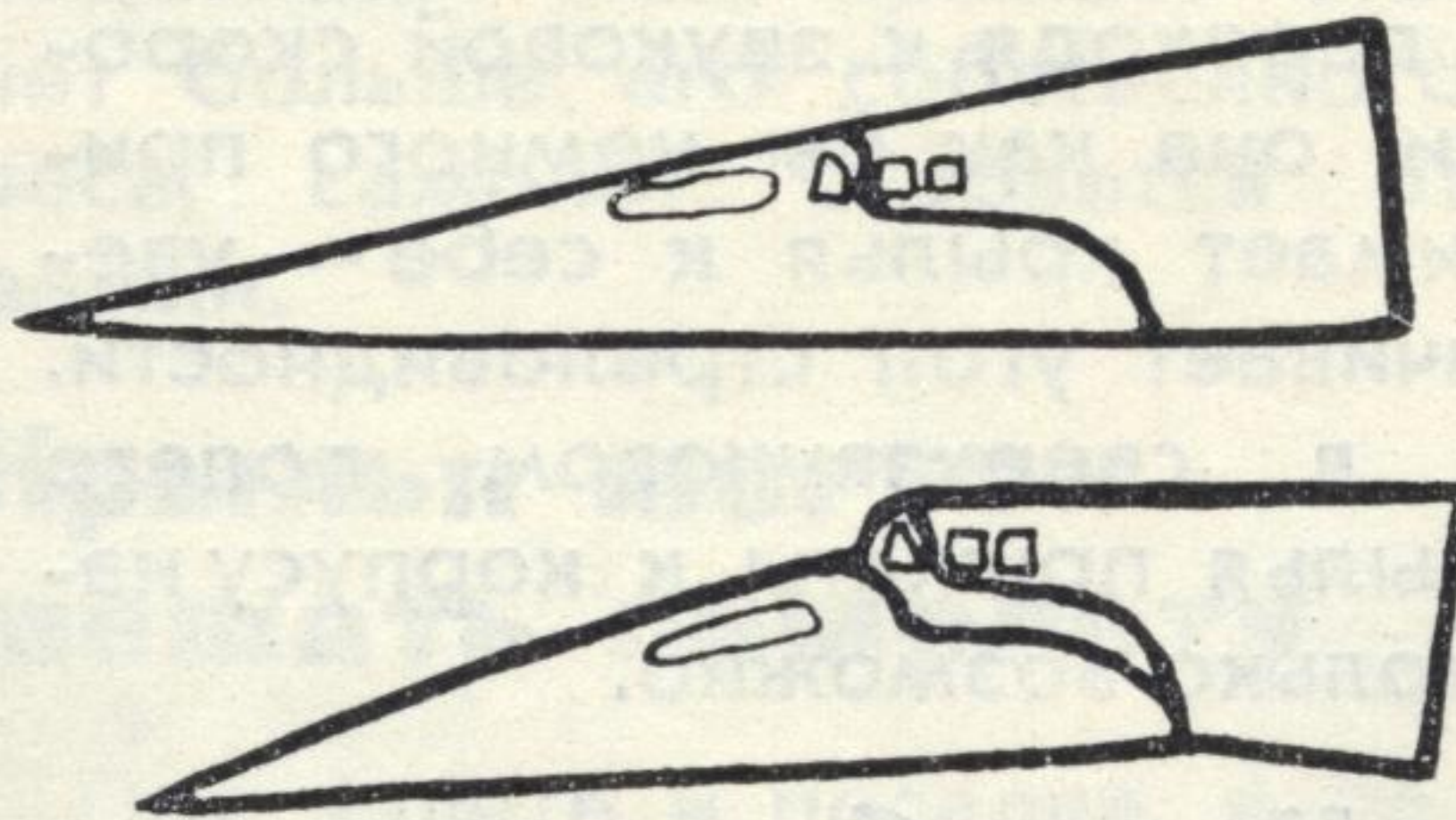
мают много времени. Мои коллеги и я сейчас решаем, какую наиболее выгодную форму придать деталям стреловидного крыла, чтобы сопротивление воздуха меньше мешало скорости полета.

Вначале ставится техническое задание перед коллективом авиаконструкторов: для каких целей нужно создать самолет: перевозить ли грузы или пассажиров, на какие расстояния, с какой скоростью, каков вес самолета, его размеры.

После этого разрабатывают проект конструкции будущего самолета.

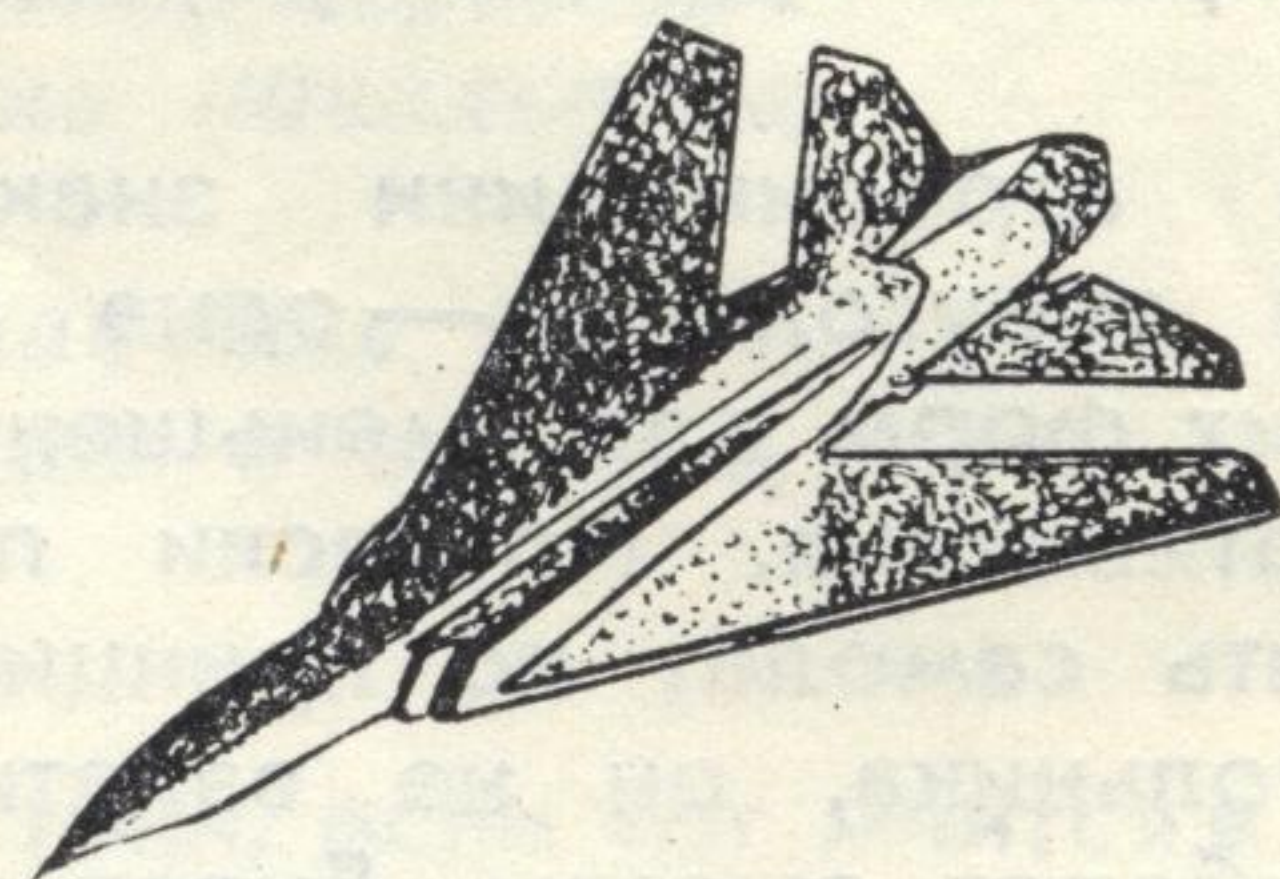
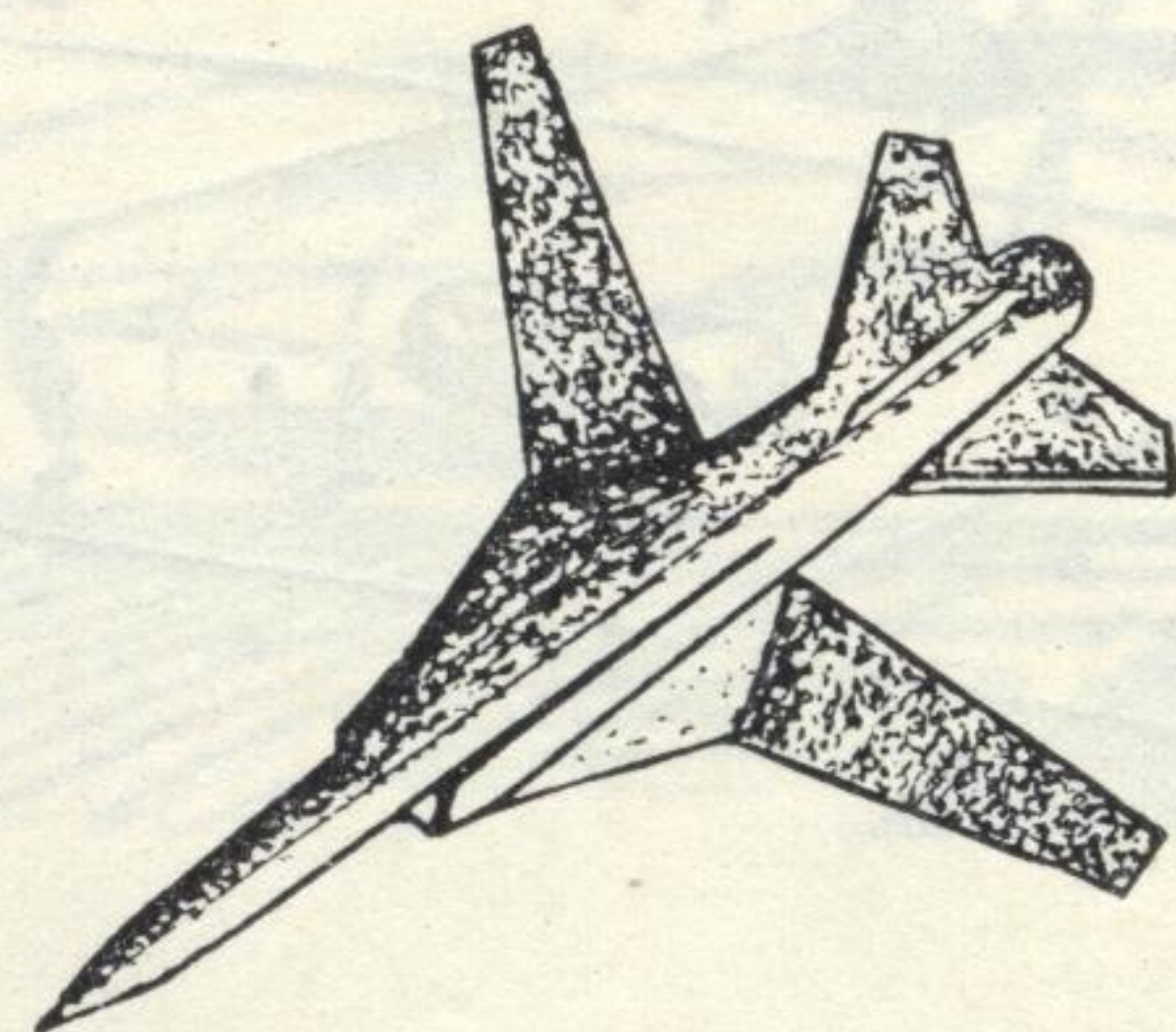
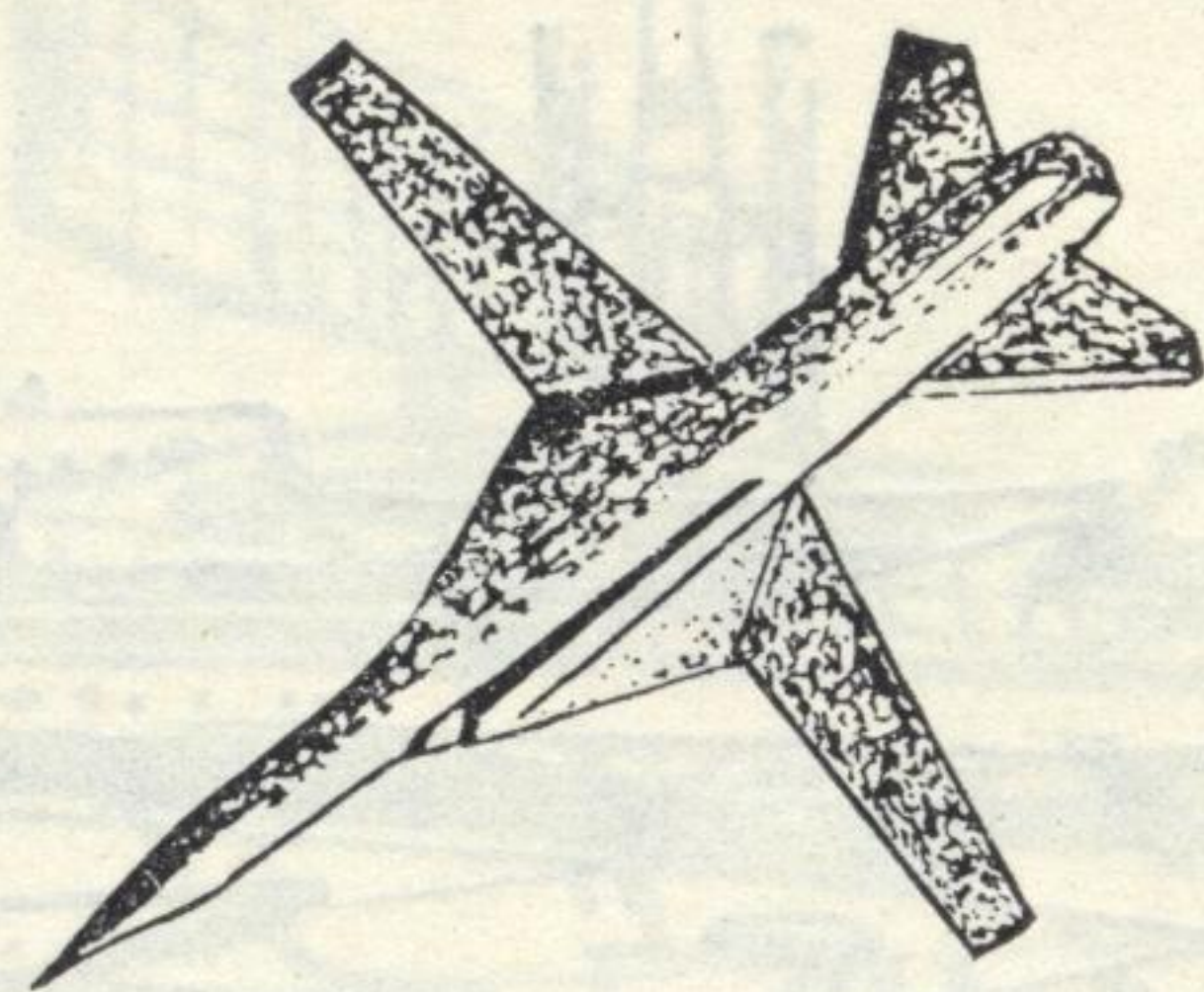
Потом уточняют, какие детали из чего делать — это называется технологическая разработка.

В полете температура за бортом ниже минус 50 градусов. Конечно, никто из пассажиров этого не почувствует: внутри фюзеляжа искусственный климат. А снаружи самолету очень жарко, у него температура. Это от трения воздуха о корпус.

Самолет опустит нос, и летчики увидят пространство перед собой.

Из чего же делать такой самолет, который на морозе «горит», как в огне? Из сплавов молибдена? У него очень хрупкие швы сварки. Из ниобия? Пластичен, но не упруг. Из сплавов алюминия? Титана? Тут есть над чем подумать. А задача такова: машина должна быть легкой и прочной.

Возможно, будущие самолеты смогут прижимать крылья к корпусу и превращаться в стрелу.

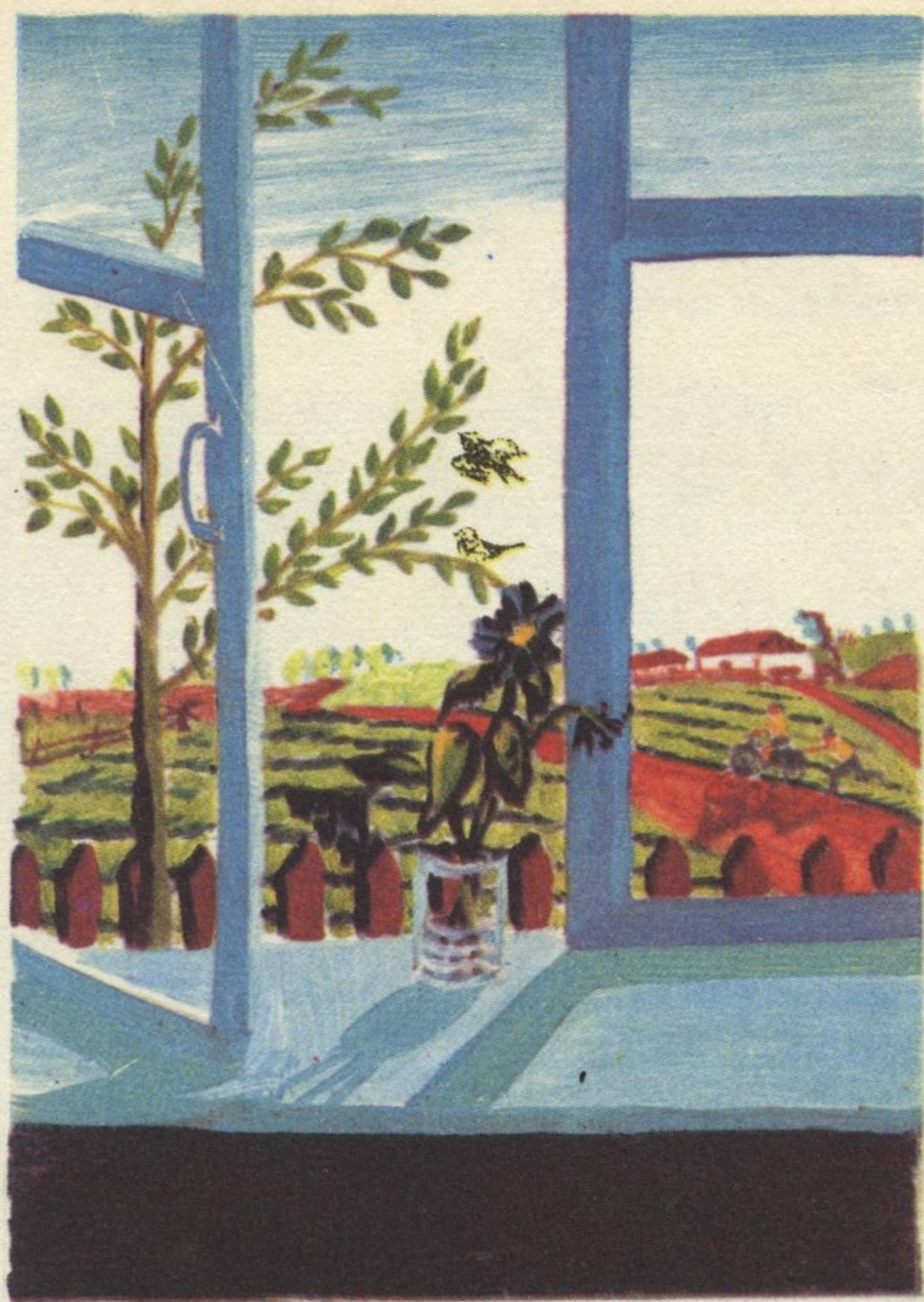
Чертежи уйдут на завод. Там проверят прочность каждой конструкции самолета. Будут нагревать и охлаждать (и даже сильнее, чем может быть в полете) чувствительные к температуре детали. Заставят их выдержать огромный вес и сильную вибрацию. Заставят всю аппаратуру работать на земле, как в воздухе. Корпус самолета наполнят каким-либо газом, обладающим большой текучестью, и посмотрят, не вытекает ли газ: герметичен ли корпус. Потом соберут весь самолет.

Он пройдет опытные полеты. Что-то в нем переделают или заменят. Потом построят несколько таких самолетов — серию.

ЧТО Я ВИЖУ ИЗ ОКНА

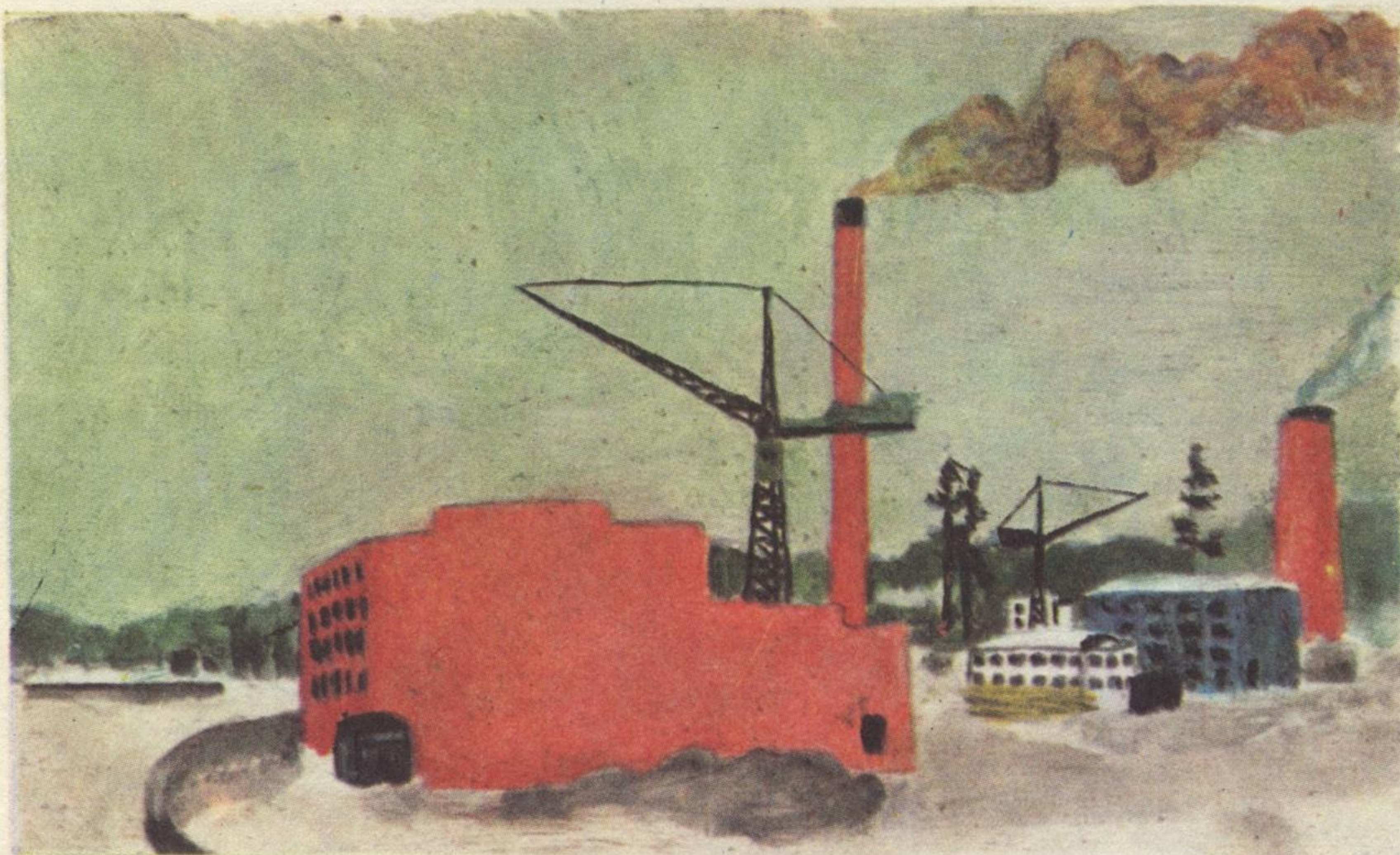
1

На свете окон много —
не выглянешь во все.
В моем окне — дорога
и яблоня в росе.
Когда учить уроки
я сяду у окна,
мне слышен шум дороги,
мне даль ее видна.
Окно мое привыкло
к шагам друзей моих,
к ворчанью мотоцикла,
к рычанию грузовых...
Захочется — по свету
отправлюсь в дальний путь!
К приятелю заеду —
в его окно взглянуть.

Толя Прусс

Оренбургская обл. 14 лет

Владик Баимов Свердловск 14 лет

2

А у друга снег да холод.
Вместо яблонь — три сосны.
Я повыше поднял ворот —
я приехал из весны!
Хоть неласкова природа
и погода здешних мест,
но дыхание завода
согревает всё окрест!

А какая тьма народу
каждый день спешит к заводу
поутру, к семи часам!
Инженер несет рейшину,
а шофер ведет машину...
И сказал мой друг, что скоро
он пойдет туда и сам!

3

То машиной, то пешком
дальше путь держу.
Поравняюсь с ишаком —
„Добрый день“, — скажу.
Полюблю вершины гор,
реки полюблю.
Ясных окон синий взор
взглядом я ловлю.
Ночью, ласково маня
и светясь вдали,
смотрят, смотрят на меня
окна всей земли.

Н. Слепакова

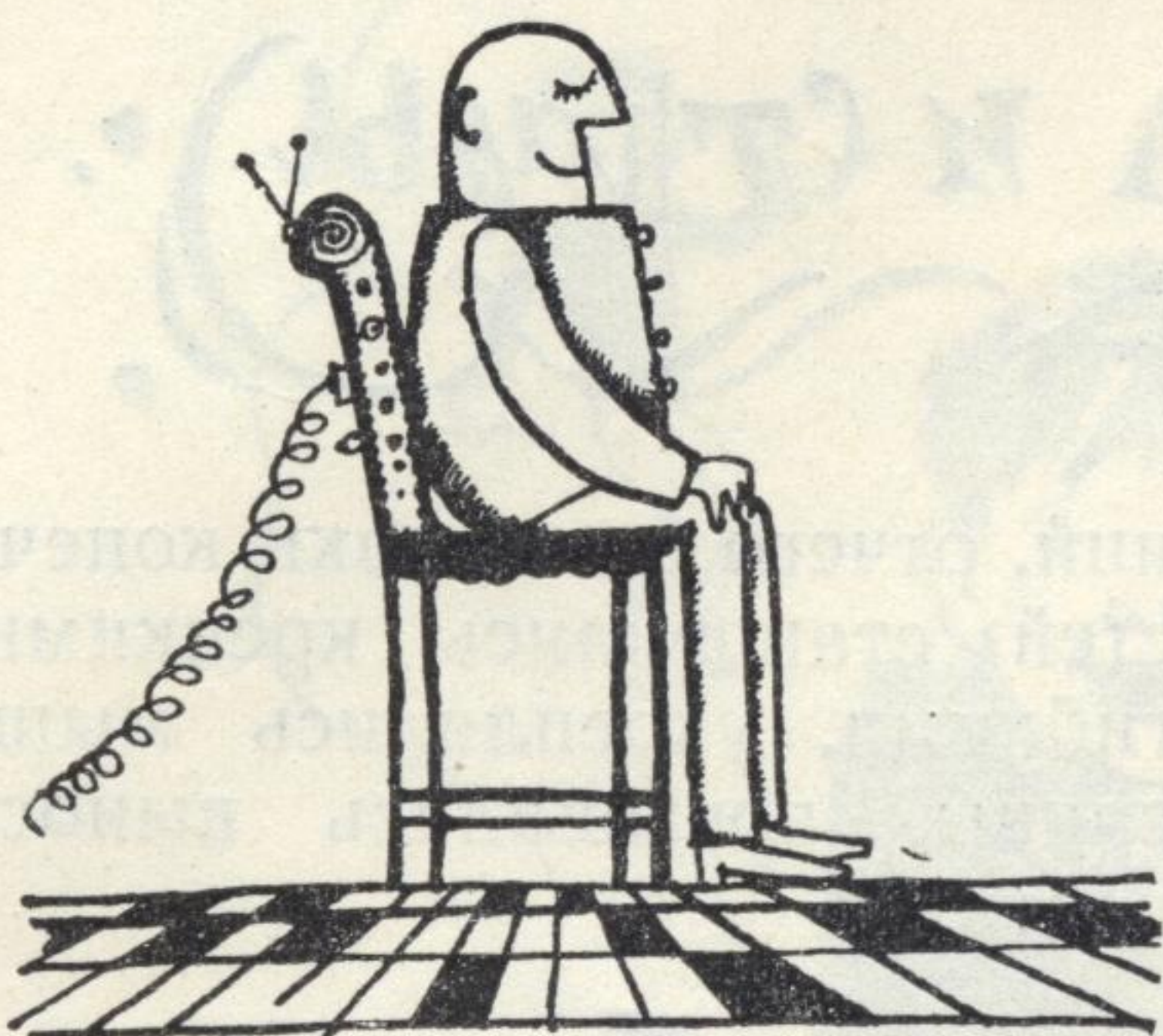
Алла Файзи

Узбекистан 13 лет

ПРИВАЛ

Фото А. Ритова

Кресло-медсестра

Что обычно делает медсестра, когда больной приходит к врачу? Измеряет температуру, пульс, кровяное давление, проверяет частоту дыхания...

Недавно в американской клинике испытывали кресло-«медсестру». Больному надо только поудобнее устроиться в кресле, а уж самопишущий прибор составит подробный письменный отчет для доктора.

Глаза кальмара

У крупных моллюсков — кальмаров — удивительные глаза: большой и маленький. Большой глаз видит в толще воды, на глубине; глаз поменьше — на поверхности воды.

Аппетит малютки

Землеройки очень маленькие. Брать в руки землеройку-крошку надо очень осторожно: косточки хрупкие, могут сломаться.

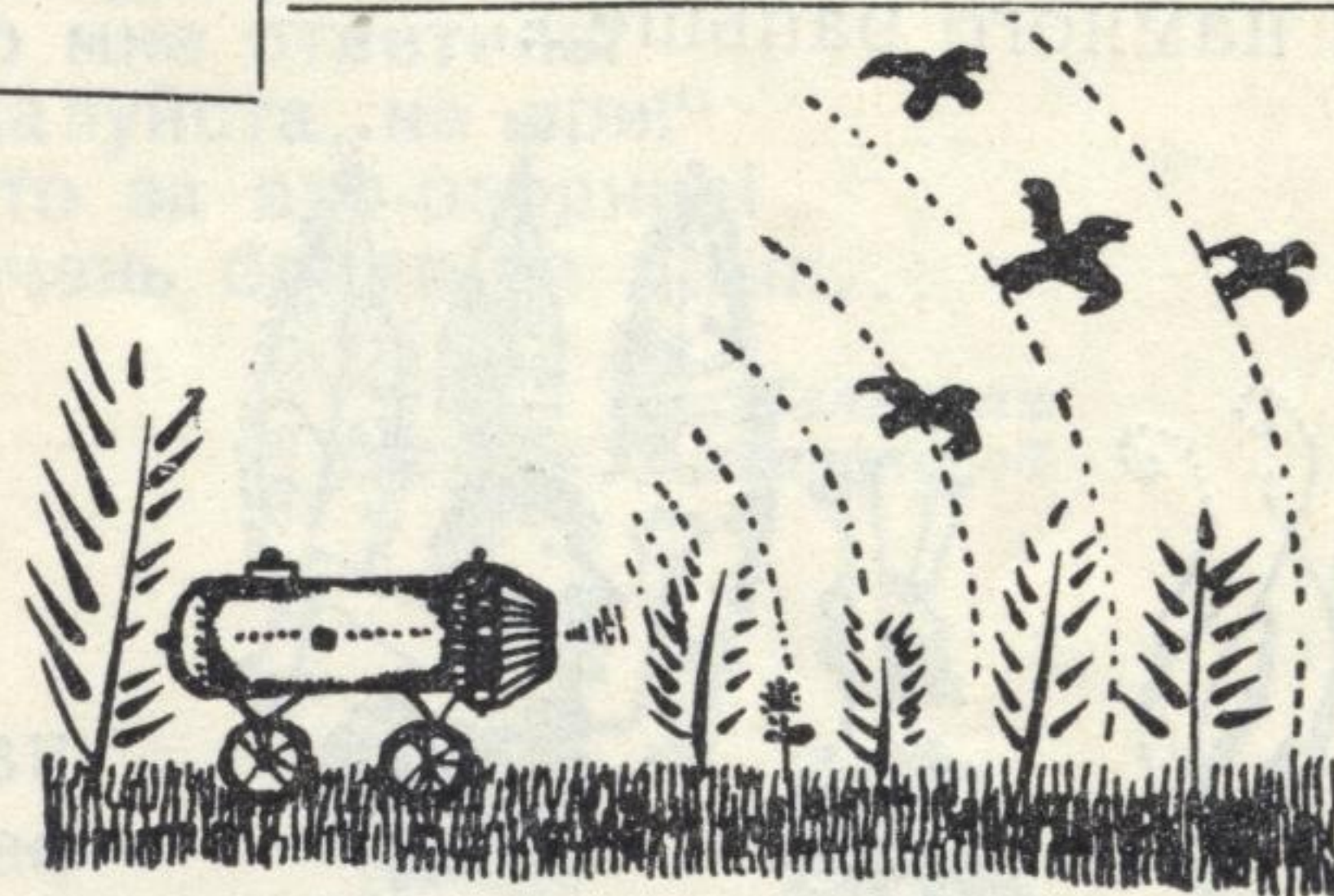
Землеройка славится своим аппетитом: за день съедает почти в два раза больше, чем весит сама.

Самый мощный в мире

Словно на пьедестале почета, стоит на особой площадке Выставки достижений народного хозяйства в Москве самый мощный в мире электровоз. Его вес 184 тонны. Он может работать и на Крайнем Севере, и в субтропиках.

„Старт“ на старте

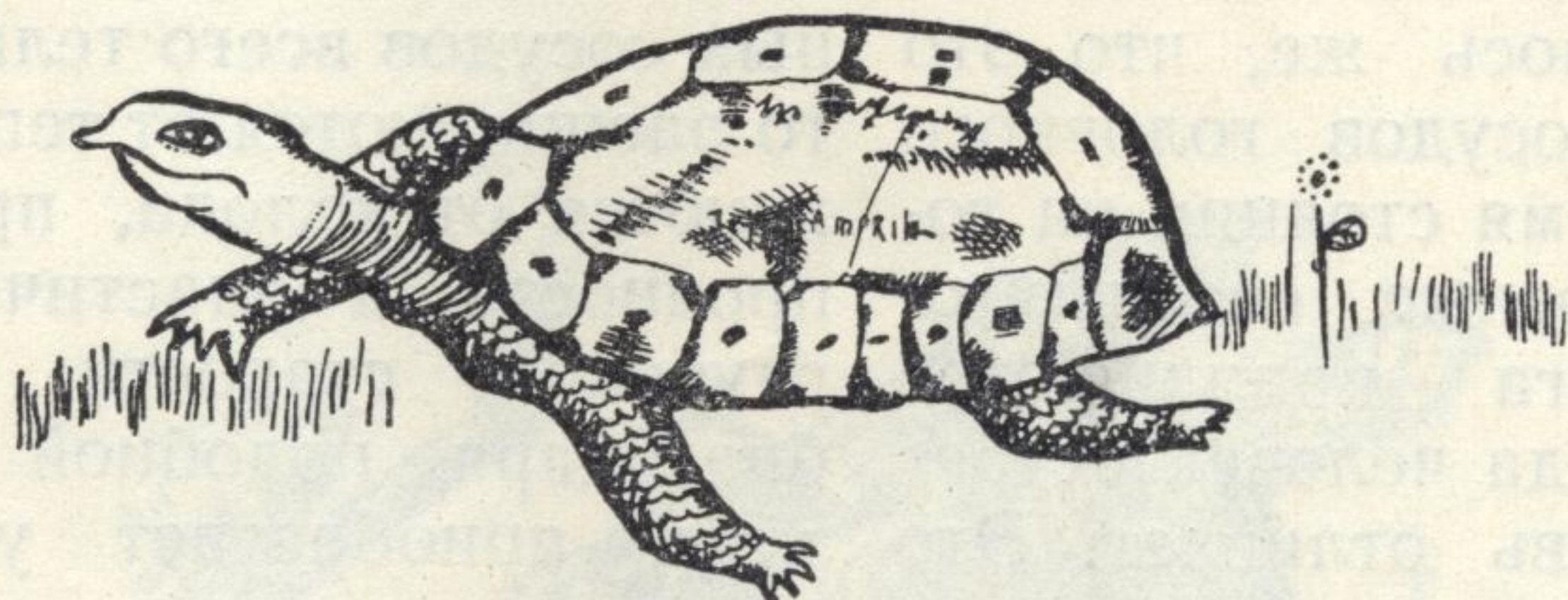
Успешно прошли испытания микроавтобуса «Старт». Кузов его целиком сделан из стеклопластика. Стеклопластик выгодно отличается от металла: он легче, не поддается разрушению так быстро, как металл, не требует окраски. Скорость нового автобуса 110 километров в час.

Пушка против грачей

Ни минуты покоя не знают грачи во время весеннего сева. Так и разгуливают по полям, так и разгуливают. Думаете, их интересуют червячки? Ничего подобного: только семена! Пятую часть семян выклеивают незваные гости, нанося большой вред сельскому хозяйству.

Никакие пугала их не страшат. Вот и пришлось придумать пушку против грачей. Особую, звуковую пушку-пугало сконструировали инженеры ГДР. Весит она всего пять килограммов, ее легко переносить с места на место. На птиц она производит должное впечатление.

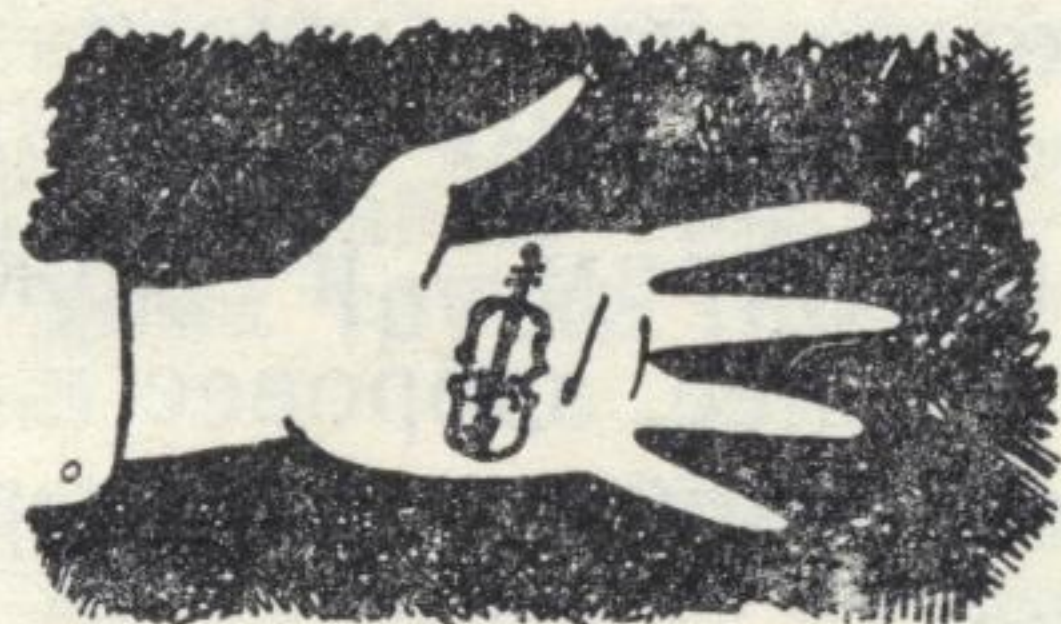
Путешествие черепахи

В феврале прошлого года двенадцатилетний Джеф Хемфрик из Северной Каролины нашел неподалеку от дома одну черепаху. Мальчик нацарапал на ее щите свой адрес и отпустил.

В сентябре он получил письмо от фермера из штата Охайо, в шестистах километрах от Северной Каролины. «Я нашел твою черепаху, — писал фермер, — и отправил ее обратно. Жди ее. Джо Трипи».

Самая маленькая скрипка

В музее Дрездена есть скрипка, которая свободно умещается на ладони. На этой скрипке можно играть как на настоящей.

Полезный перец

Перец занимает чуть ли не первое место среди овощей по содержанию витамина «С». Так что сто граммов свежего сладкого перца содержат 100—200 мг этого витамина. Это в два-три раза больше, чем в лимонах или апельсинах.

Зарядка через века и страны).

ко нажимает на пупок, производя круговые движения по спирали. Он массирует внутренние органы тела: желудок, печень, селезенку.

ний, отчего все связки конечностей становились крепкими и гибкими, укреплялись мышцы спины, повышалась выносливость.

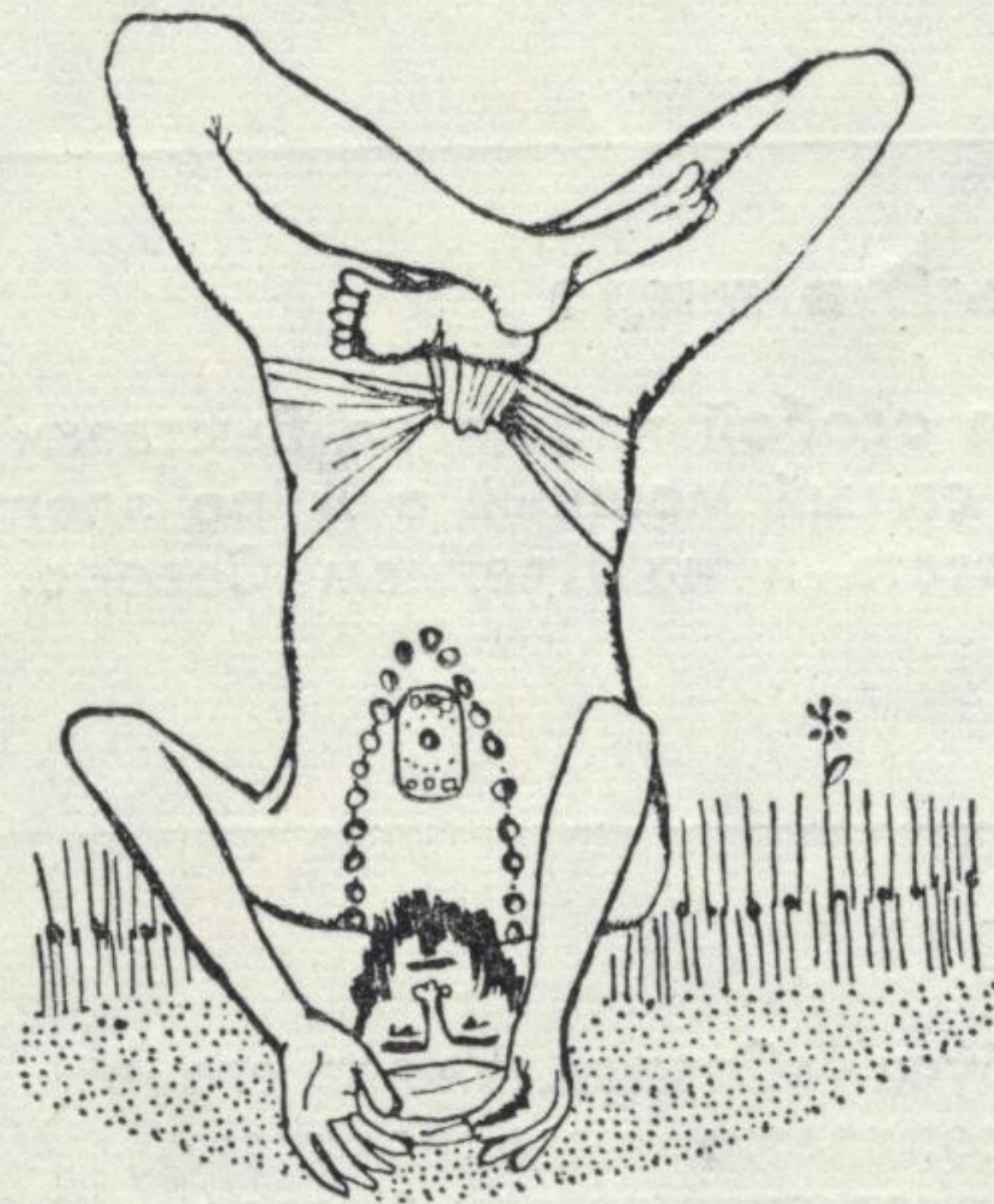
«Движение как таковое может заменить все лечебные средства, но все лечебные средства мира не могут заменить действия движения», — так еще в XVIII веке говорил известный французский врач Тиссо. Но и намного раньше...

Вот наши далекие предки танцуют в честь огня. Танец длился часами. Так первобытный человек укреплял свое сердце, тренировал тело, готовился к длительным походам и большим нагрузкам в борьбе с окружающей его природой.

А вот перед вами древний китаец. Он сидит, слегка наклонясь вперед и расслабив мышцы живота. Ладонью руки лег-

А это йог. Тысячелетия тому назад он начал стоять на голове. Над этим многие посмеивались. Оказалось же, что это гимнастика сосудов головного мозга. Во время стояния на голове кровеносные сосуды головного мозга наполняются кровью, а когда человек встает на ноги, кровь отливает. Это упражнение повторяется несколько раз, отчего стенки сосудов укрепляются и долгие годы не стареют.

Посмотрите на рыцарей, о которых вы не мало читали. У них в левой руке щит, а в правой меч.

При обучении фехтованию делалось много резких движе-

Призадумайтесь и над старым обычаем русского народа. Человек, напарившись в бане, выскакивал голый в снег или окунался в ледяную воду. Потом опять вбегал в парильню, снова парился и опять в снег.

Думали, что это баловство, удаль, а на поверку оказалось, что и это гимнастика кровеносных сосудов всего тела. Сосуды то расширяются от тепла, то сужаются от холода, приобретая прочность и эластичность до глубокой старости. Человек, благодаря подобной физкультуре, приобретает удивительную закалку и десятки лет ходит с сухим носовым платком.

А для тебя в наши дни придуманы самые разные комплексы зарядок. Только не ленись по утрам — и сможешь стать сильнее, здоровее и выносливее старинных богатырей.

Б. Невский

Рисунки А. Зуева и С. Острова

РАЗМЫШЛЕНИЕ

А. Милн

Если б Я стал Джоном, а Мною — Джон,
если б Я стал Младшим, а Старшим — Он,
если б Джон был Мною, а Джоном — Я,
то ему не налезла бы куртка моя!

Перевод с английского Н. Слепаковой
Рисунок И. Казаковой

8

Уголёк № 8

ОЗОРНОЕ ЭХО

Малыш-гора у нас крута,
Ее обходят неспроста.
И раз хвастливо крикнул я:
„Пройду Малыш-горой!“
А эхо вдруг как фыркнуло:
„Подумаешь, герой!“
Удил я рыбу целый день,
Считать улов мне было лень,
И я воскликнул весело:
„Пожалуй, сотни три!“
А эхо мне ответило:
„Пожалуйста, не ври!“
Ну, что за эхо-озорник!
Уж очень бойко на язык...

Э. Паперная
Рисунок И. Казаковой

1

ПРО МЫШОНКА

(СКАЗКА)

Оглядел Мышонок как-то раз свое жильё,
почесал за ухом, подумал: „Уж больно моя
норка темная, тесная. Повернуться негде.
Да и сыро...“

Решил Мышонок справить новоселье.

Пошел он гостей созывать:

— Приходи, братец Кролик, новый дом смот-
реть. Переезжаю. Только — вот беда! — нет
у моего дома трубы. Прихвати с собой, если
не трудно.

— И вы, бобры, приходите. Всем семейст-
вом. Да пусть каждый из вас по бревнышку
принесет. Не поленится...

— Все звери приходите!

4

Скликнул Мышонок и птиц:

— Эй, вы! Пернатые!.. Жду в гости. При-
летайте! Но учтите — нет у меня соломы на
крышу... Не припас.

Обещали птицы — каждая по соломинке
принести.

Вот, в назначенный день, собрались звери
и птицы у Мышонка на новоселье.

Смотрят: где же новый дом?

Дома-то и нет!

А какое же новоселье — без дома!

Тут вылез Мышонок из норки.

Поглядел на приношения — похвалил:

5

ПАВЛИН И ПИНГВИН

Он путешествовать хотел,
И вот на льдину прилетел.
На льдине той совсем один
сидел Пингвин.
Пингвин сказал:
— Пин-гвин! Пин-гвин!
Павлин сказал:
— А я — Павлин!
Я залетаю выше звезд
при помощи хвоста,
ты посмотри на этот хвост, —
не хвост, а красота!

2

АРБУЗ

В полосатенькой
Пижажке,
Видный всем
Издадека,
Он на солнечной
Полянке
Греет круглые
Бока.
У арбуза, как
У дыни,
Нету рук
И нету ног.
У арбуза —
Всюду пузо,
В середине —
Сладкий сок.

В. Лазов

Рисунок А. Кора

7

— Молодцы! Не подвели... Ишь, сколько добра натащили! Ну, а теперь, кто хочет на новоселье гулять — за работу!

Переглянулись звери-птицы: ну, что тут скажешь?! — решили помочь Мышонку новый дом отстроить.

Крот — землю копает.

Бобры — стены наводят.

Птицы — крышу кроют.

Братец Кролик — трубу прилаживает.

Сорока — и та стекольца вставляет в оконца.

А Медведь — поглядел, поглядел, да и пошел в лес — дверь дубовую ладить.

Долго ли, коротко ли — готов был дом. Светлый, просторный.

Справили звери новоселье и разошлись по домам.

Остался Мышонок один.

Пришла ночь.

Страшно в большом пустом доме Мышонку.

Прогрыз он в уголке дырочку и... юрк! — под пол.

Так с тех пор под полом и живет.

Ким Мешков

Рисунки И. Ризнича

6

Пингвин сказал:

— Ах, ну и ну!

А я нырну! А я нырну!

Павлин сказал:

— Я утону!

Но все равно и я нырну!

Пингвин сказал:

— Нырнешь? Ни-Ни!

А ну, нырни! А ну, нырни!

Павлин нырнул...

И утонул.

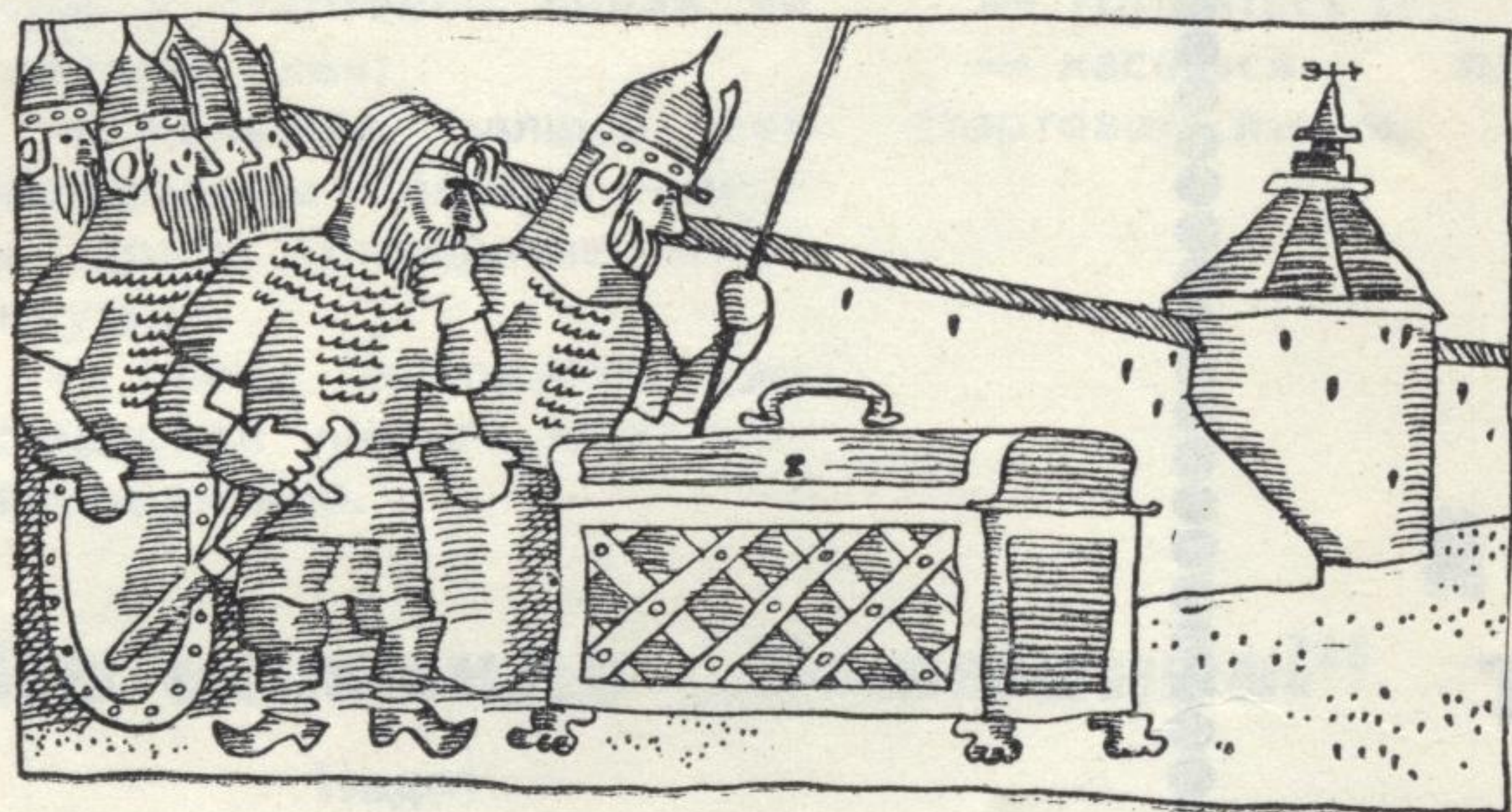
В. Соснора

Рисунки Н. Муратова

3

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

С Покровской башней в Пскове связана такая легенда. В 1584 году под стенами Пскова во главе стотысячного войска появился польский король Стефан Баторий. Несколько штурмов

отбили псковичи, нанеся противнику тяжелые потери. Длительная осада также не поколебала мужества защитников города, которыми руководил опытный и искусный воевода Иван Шуйский.

Вот тогда-то за дело принялась «секретная служба» Батория. В осажденный город прибыл гонец, который привез Шуйскому красивый ларец. Это был подарок воеводе от «шефа секретной службы» противника шляхтича Гансумелера.

К ларцу приложена была записка, в которой Гансумелер сообщил, что он преклоняется перед храбростью воеводы и шлет ему в подарок свою казну, а также просит Шуйского открыть ларец самому, «а иным бы не давать смотреть».

«Контрразведка» псковичей заинтересовалась подарком. Был вызван эксперт из тех, «кои ларцы отпирают». Он осторожно поднял золоченую крышку. Под ней оказалось 24 самопала, дула которых были направлены в разные стороны.

При поспешном обращении с ларцем грянул бы залп, на который и рассчитывал коварный Гансумелер.

Этим поединком разведок XVI века и закончилась осада Пскова. Через несколько дней Баторий увел свои войска из-под городских стен.

ЛИДЕР ГОНКИ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Колесо обыкновенной телеги, обнаруженное недавно во время раскопок в Новгороде, историки считают ценнейшим трофеем только потому, что оно извлечено из слоев, в которых находятся памятники одиннадцатого века.

Ученые сделали вывод, что первая телега, прогрохотавшая по улицам Новгорода Великого, прибыла сюда, опередив другие колесные экипажи... ровно на семь столетий.

Дело в том, что новгородцы, жившие среди непроходимых лесов и топей, долгое время не признавали колесного транспорта, который появился здесь лишь в царствование Петра Первого.

Находка, обнаруженная при раскопках одной из усадеб на Торговой стороне, немногословна. Она дает ясный ответ только на один вопрос: путь исторической телеги в Новгород лежал с Киевщины. Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся замки спиц сложной конструкции, которую применяли в ту пору киевские мастера.

Надо сказать, что их продукция с успехом выдержала самые сложные испытания, показав чудеса надежности во время дальнего перехода через лесные дебри, болота, шесть десятков больших и малых рек. Видимо, телега развали-

лась лишь в самом центре города на берегах Волхова.

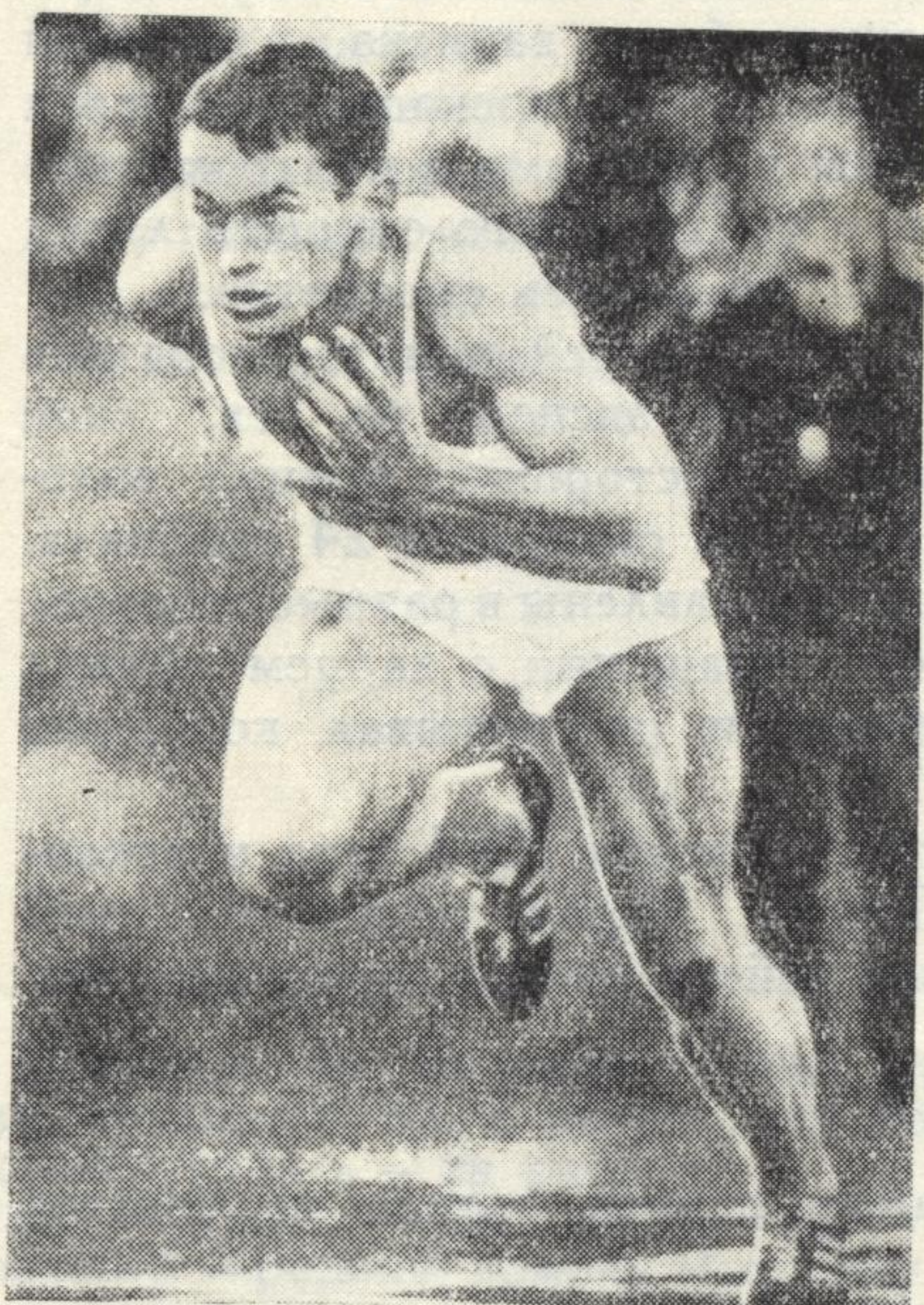
Что же касается владельца телеги, то, по мнению ученых, новгородцы не воздали ему осо-

бых почестей, ибо колесный экипаж не был для них уже тогда технической новинкой. Многие горожане, торговавшие с Западом, видели колесные экипажи и прежде, но считали, что в условиях их родных мест сани и летом удобнее и надежнее.

Возможно, что именно на санях и добирался домой киевлянин, нанесший визит Новгороду Великому.

Б. Грищенко

*Стартует чемпион Европы
Веслав Маняк*

Для этого бегун обычно пользуется специальными **СТАРТОВЫМИ КОЛОДКАМИ**. Они устанавливаются перед чертой, за которой начинаются дистанции бега. Колодки дают бегуну твердую опору для мгновенного мощного отталкивания.

Старт делится на три последовательные части. Каждая из них сопровождается особой судейской командой.

После того как бегуны установили колодки в удобное для себя положение, судья командует: «**НА СТАРТ!**» Спортсмен, не торопясь, подходит к месту старта и становится на одно колено, как вы это видите на верхнем рисунке справа. На это отводится примерно 10 секунд.

По следующей команде «**ВНИМАНИЕ!**» бегун переносит тяжесть тела на руки, приходя в состояние полной готовности к бегу (средний рисунок).

Через 1,5—2 секунды по команде «**МАРШ!**» (на крупных соревнованиях по выстрелу стартового пистолета) спортсмен пулей вылетает из колодок, стремясь с первых же мгновений развить максимальную скорость. (Нижний рисунок).

НИЗКИЙ СТАРТ

Начало всякого бега называется **СТАРТОМ**.

В беге на короткие дистанции, где требуется как можно быстрее набрать предельную скорость, применяют **НИЗКИЙ СТАРТ**.

Низкий старт спортсмены заимствовали у кенгуру. Сжимаясь, как пружина, бегун после выстрела или команды стремительно выбрасывает тело вперед.

НА СТАРТ!

**** ВНИМАНИЕ!**

По команде „На старт!“

Что надо делать:

— подойти к стартовой линии и стать впереди колодок;

— наклониться вперед и опереться руками о землю;

— упереться сильнейшей ногой в переднюю колодку, а другой ногой — в заднюю;

— опуститься на колено ноги, поставленной сзади;

— установить прямые не напряженные руки вплотную к стартовой линии на ширине плеч;

— большие пальцы рук направлены внутрь — друг к другу, остальные сомкнуты;

— плечи находятся над стартовой линией или чуть впереди нее.

Не следует:

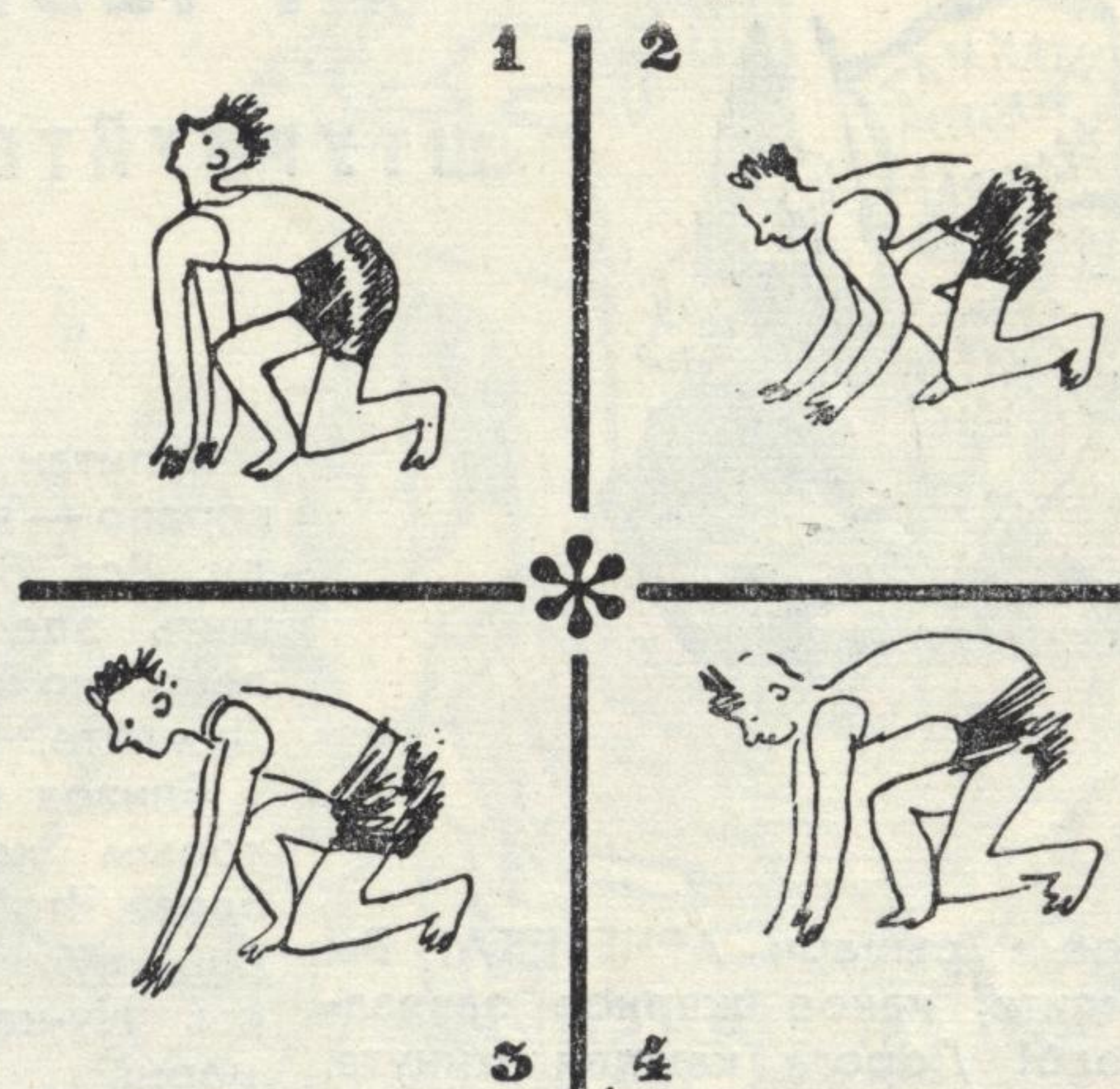
— задирать голову или переводить взгляд на финиш (1);

— сгибать руки в локтях (2);

— оставлять плечи сзади (3);

— горбиться (4);

— касаться пальцами стартовой линии.

По команде „Внимание!“

Надо:

— плотно упереться ступнями в колодки;

— оторвать колено от земли;

— приподнять таз немного выше плеч;

— слегка продвинуть плечи вперед, несколько увеличив нагрузку на руки;

— сосредоточиться на ожидании следующей команды.

Голова и туловище составляют прямую линию.

Взгляд направлен вниз.

Угол сгиба ног не менее 90° (см. рис. слева).

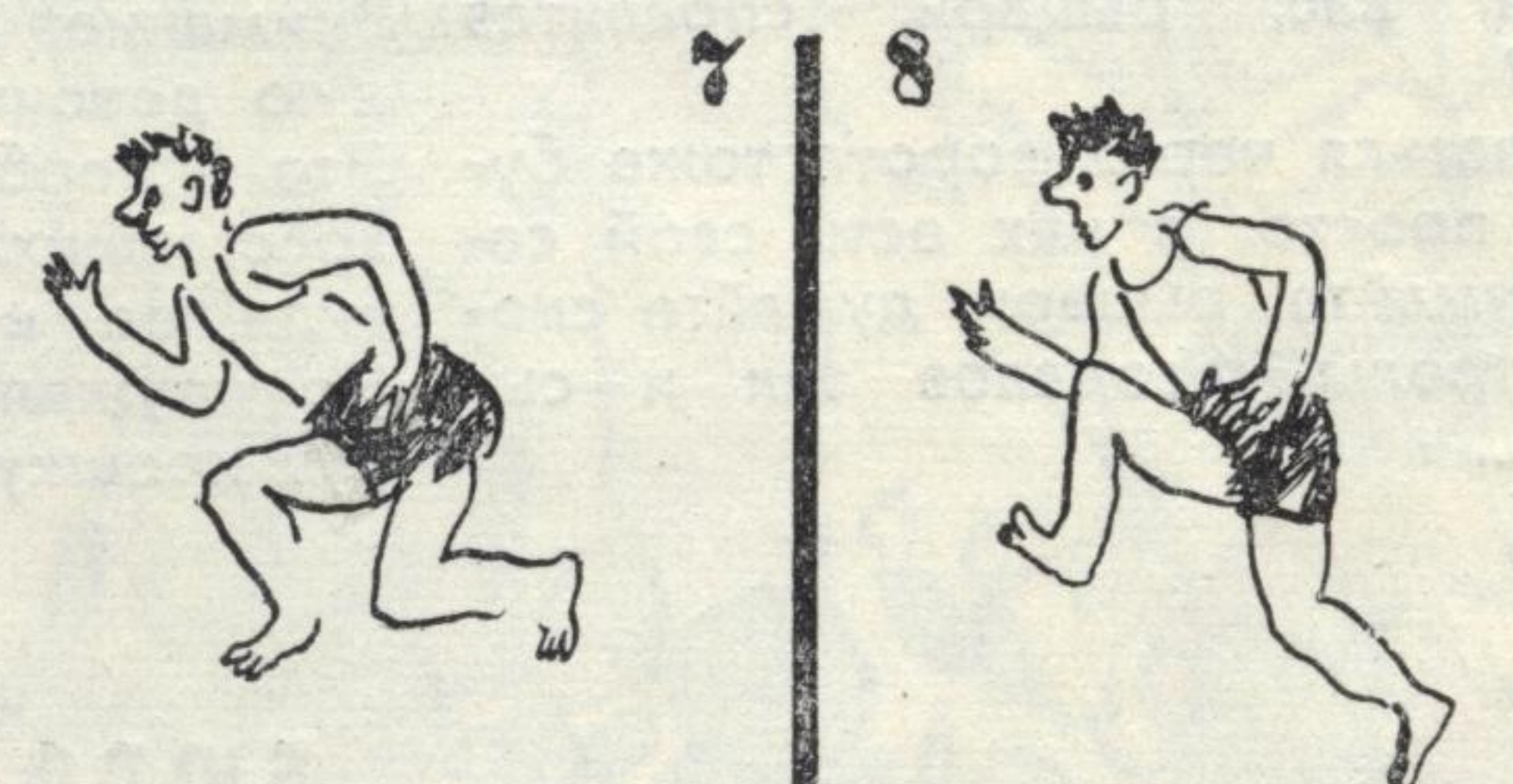
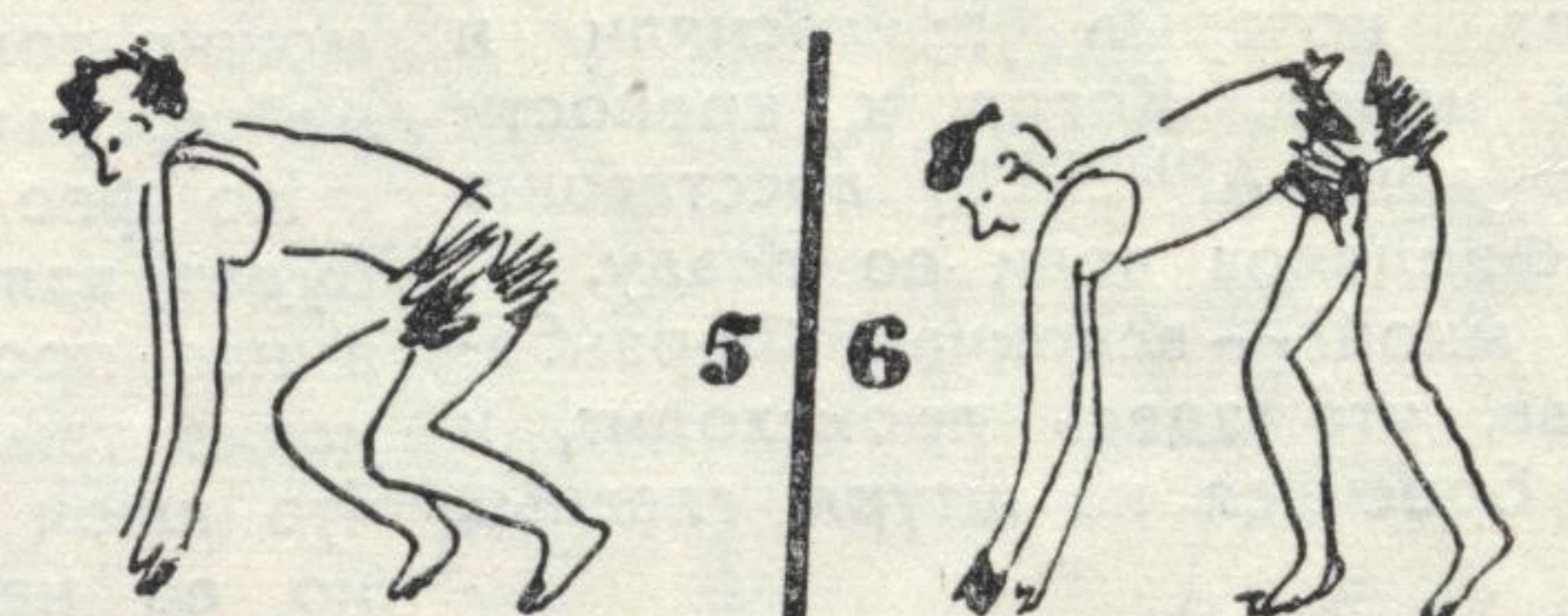
Не следует:

— опускать таз ниже уровня плеч (5);

— поднимать таз слишком высоко (6);

— сгибать руки;

— задирать голову и смотреть вперед.

По команде „Марш!“

Надо:

— оторвать руки от земли и одновременно,

— мощно оттолкнувшись обеими ногами, устремить тело вперед до полного выпрямления толчковой ноги;

— энергично и быстро взмахнуть руками, сгибая их в локтях;

— голову оставить в прежнем положении.

Первый шаг заканчивай быстрым опусканием маховой ноги вниз загибающим движением. Старайся сохранить хороший наклон и легкий сгиб в пояснице.

Не следует:

— заканчивать отталкивание до полного распрямления толчковой ноги (7);

— поднимать высоко колено маховой ноги (8);

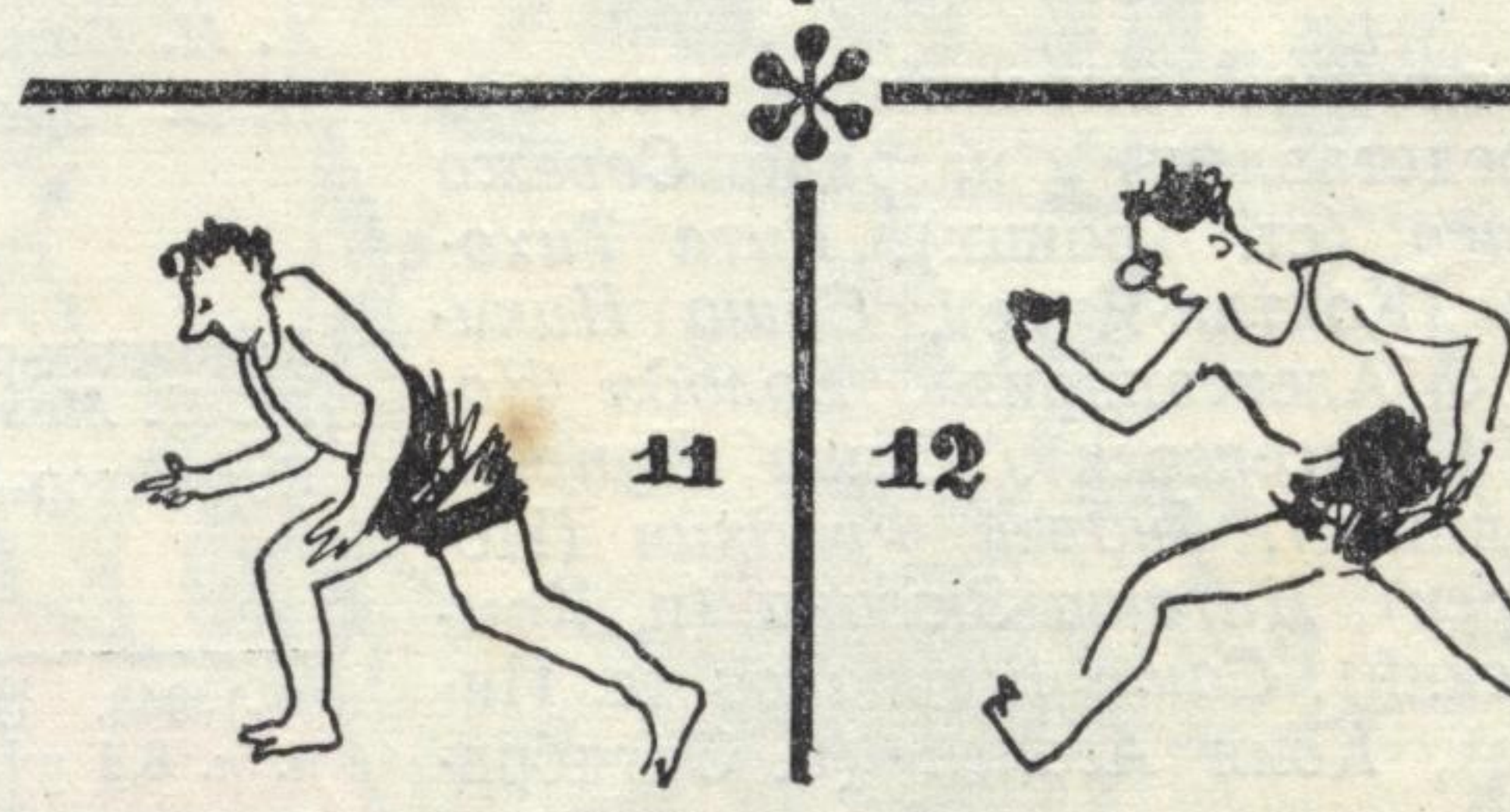
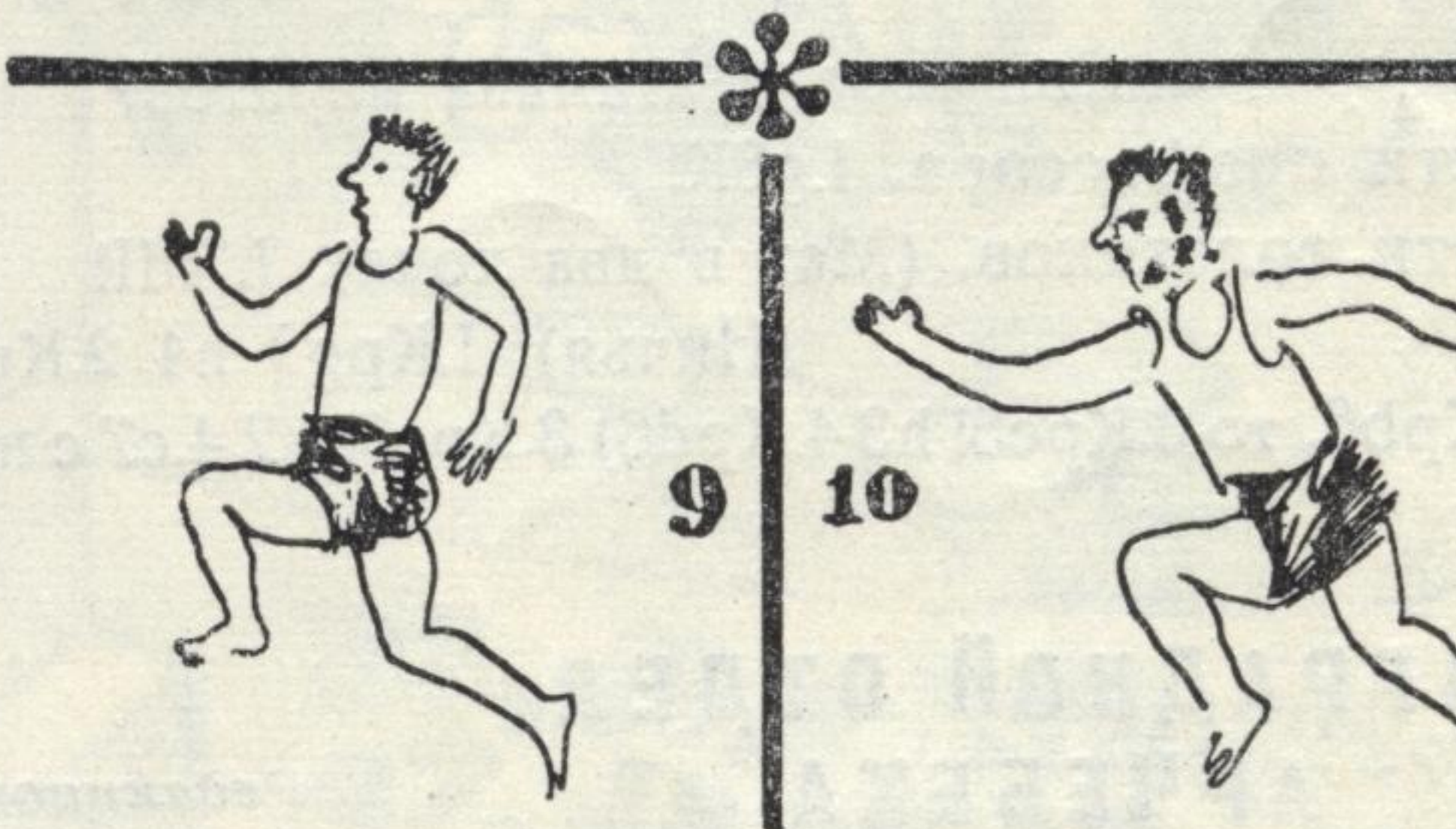
— преждевременно распрямлять туловище (9);

— задирать голову и смотреть вперед;

— излишне разгибать руки в локтях (10);

— прижимать руки к туловищу (11);

— делать слишком длинный шаг (12).

АРЧЕБЕК НА МАРШЕ

ШТУРМУЙТЕ КРЕПОСТЬ, РЫЦАРИ!

Отважные рыцари АРЧЕБЕКА! Вы сами видите, какое жаркое завязалось дело! Дорога каждая минута, и чтобы вы смогли поскорее ринуться в сражение — все в двух словах.

В этом старинном замке-крепости засела кучка вооруженных до зубов феодалов, которые притесняли и обирали народ. Когда к крепости подошел наш АРЧЕБЕК, восставшие против феодалов вели ее осаду.

— За мной! — вскричал Ферзьбери, узнав, что здесь происходит, и первым бросился на штурм главных ворот.

Итак — начался штурм крепости. Крепость нужно взять! Но как форсировать водную преграду? Придется опустить подъемный мост... Кто из вас, рыцари, справится с этим?

Прорваться через ворота тоже будет не просто: в них есть свой секрет. Думайте, рыцари, думайте скорее! Стрелы феодалов так и сыплются...

Капитан Пешкоедов повел отряд вправо — к узкому боковому проходу. Вот бы расширить его — разрушить здесь стену! Орудие направлено, но надо точно поразить цель. Думайте, рыцари, думайте!

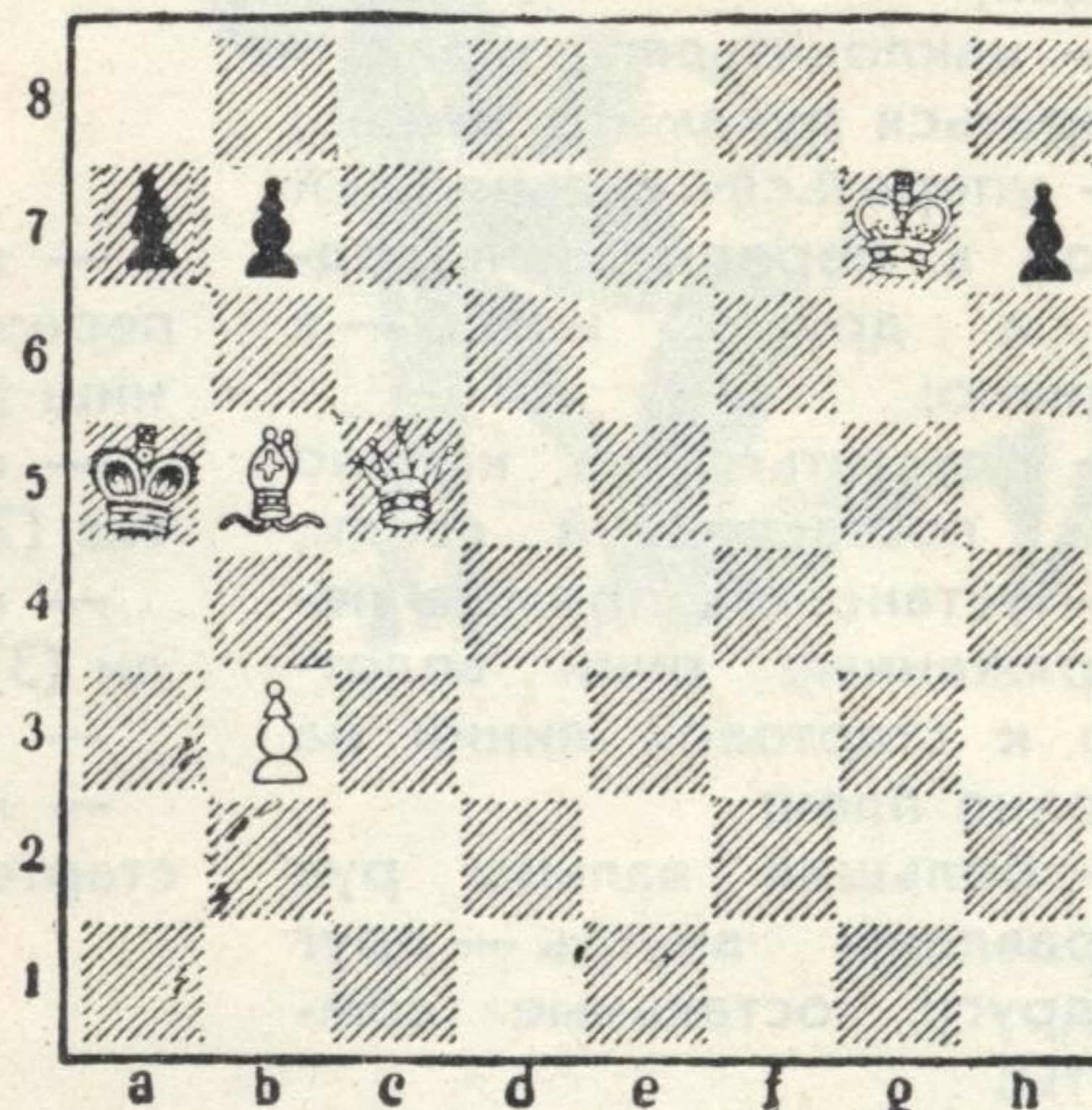
Близок и морской наш десант, которым командует капитан Дамкобеев. Чтобы высадка стала возможной, нужно принять экстренные меры. Ну-ка, где вы, шашечные рыцари?

А в бойнице боковой башни видите феодала? Он очень меток и сразил не мало наших людей. От его же кольчуги и шлема стрелы отскакивают как горох. Обезвредить его можно только одним способом... Думайте, рыцари, думайте!

Но феодалы не сдадутся, пока не будет взята главная башня. А ведь в нее проникнуть тяжело: смотрите, какие там запоры! И хотя известно, что ключ к запорам — в диаграмме, но ее надо еще решить... На помощь, рыцари! Найдите мат в три хода!

(См. диаграмму)

А для рыцарят задание особое. Внимание, рыцарята! Видите маленькую девочку в окне главной башни? Это Лерби — дочка предводителя восставших. Негодяи-феодалы похитили ее и держат как заложницу! Но неужели наши рыцарята не спасут крошку Лерби?

Итак, рыцари и рыцарята АРЧЕБЕКА, поддержите восставших! Помогите взять крепость! На штурм за шахмат-адмиралом!

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматным рыцарям — опустить подъемный мост, прорваться через главные ворота, вскрыть запоры главной башни!

§ 2. Шашечным рыцарям — разбить стену у бокового прохода, подготовить высадку морского десанта, обезвредить феодала в окне башни!

§ 3. Рыцарятам — спасти маленькую Лерби!

§ 4. Для всех — срок один месяц!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Так ли решили вы задачи атамана пиратов?

Спасти профессора. 1.g8K!

Спасти толстяков. (Мат в два хода). 1.Ld1!

(Ничья). 1.Kpg7 h4 2.Kpf6! h3

(если Krb6, то 3.Kpe5! h3 4.Kpd6) 3.Kpe6! h2 4.c7 с ничьей.

Спасти мальчишку. 1.f1: a6+! Черным приходится бить ферзя, а тогда 2. Se6—d5X.

Избавить от петли. 1.c3—b4! 2.c1—b2X.

Спасти от пули. (Комбинация). 1.e3—d4! 2.h4—g5 3.e1—d2X.

(Выигрыш). 1.a5—b6 h6—g5 2.b6—a7 g5—f4 3.a7—b8 f4—e3 4.g1—f2!X.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное выполнение приказа № 4 представлены к награде: *Сергея Чернышев* (ст. Троицк), *Рита Тихомирова* (Кохтла-Ярве), *Саша Никитин* (п/о Александрия), *Володя Нагорный* (Киселевск), *Саша Куприянов* (Ачинск), *Андрей Фрадкин* (Новосибирск), *Наташа Зюзина* (п. Комсомольский), *Саша Щербаков* (с. Пировское), *Коля Агонен* (п. Октябрьский).

Главный редактор *В. В. Торопыгин*

Редакционная коллегия: *Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)*

Рукописи не возвращаются

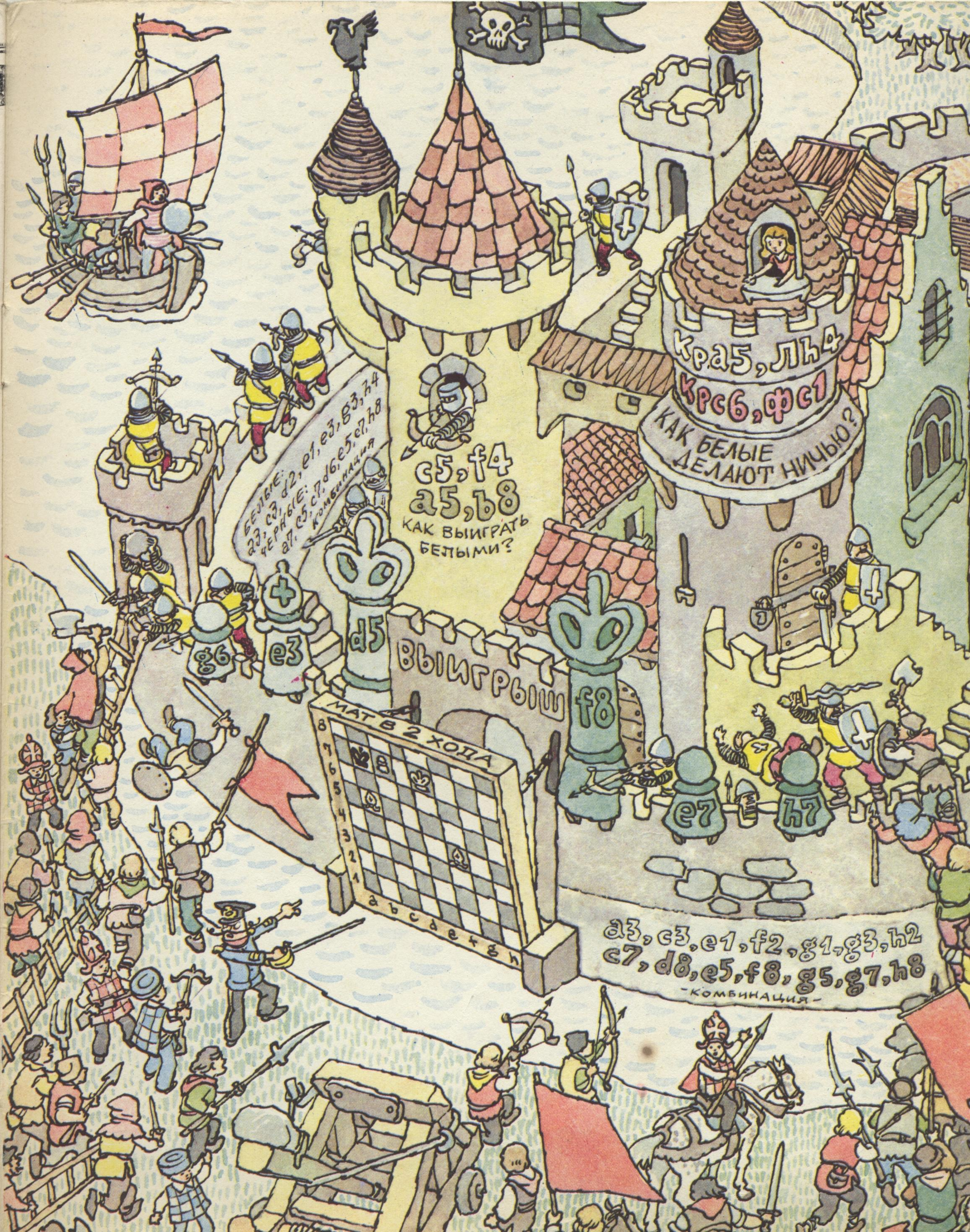
Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор *В. А. Маевская*

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-14948. Подписано к печати 12/VII 1968 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 8 + 1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 1287 Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

БЕЛЫЕ: d2, e1, e3, g3, h4
ЧЕРНЫЕ: c7, d6, e5, e7, h8
КОМБИНАЦИЯ: a7, c5, f7, d6, e5, e7, h8

c5, f4
a5, b8
КАК ВЫИГРАТЬ
БЕЛЫМИ?

кpa5, Лh4
кpc6, фc1
КАК БЕЛЫЕ
ДЕЛАЮТ НИЧЬЮ?

МАТ В 2 ХОДА

8								
7								
6								
5								
4								
3								
2								
1								
	a	b	c	d	e	f	g	h

a3, c3, e1, f2, g1, g3, h2
c7, d8, e5, f8, g5, g7, h8
- КОМБИНАЦИЯ -

ГРАЖДАНКА-ПОГАНКА

Где шишки-пустышки
Ощерили лапки,
Живет под сосною,
В лесной тишине
Гражданка-поганка
В коричневой шляпке,
В коротенькой юбке
И в модном кашне.
Заходит поганка
Погодою летней
К соседям — попить
Голубую росу,
И всюду разносит
Различные сплетни
Про тех, кто живет
По соседству в лесу.
Судачит о белке,
О том, что орехи
Со зла она прячет
В дупле, под листом,
Что ходит лисица
В искусственном мехе
И всех задевает
Нарочно хвостом.
Про дятла пускает
Недобрые слухи:
Что клювом он портит
Дерева в лесу,
Болтает про зайца,
Что трус длинноухий
Взобрался на ель,
Увидав стрекозу.
А если придут
Грибники спозаранку,
То, сев на виду
Под сосновым стволом,
Хитро маскируясь,
Гражданка-поганка
Прикинется метит
Хорошим грибом.
Цвет шляпки меняет
Обманщица в спешке,
Чтоб стал он
На шляпки другие похож,
И делает вид,
Что она сыроежка,
А может, опенка,
Никак не поймешь!
И все ж остается
Одна на полянке,
Под ливнем осенним,
В лесной тишине
Та врунья-болтунья,
Гражданка-поганка,
В коричневой шляпке
И в модном кашне.

И. Волобуева

Рисунок В. Гальбы

